

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал) Выходит 4 раза в год	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 1 (9) 2019
--	---	---

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Беишкарев А. А.</i> Образ региональной власти в публикациях государственных сетевых СМИ Республики Коми и читательских комментариях	3
<i>Бруцкая Л. А.</i> «Сибирское взятие» в рукописной традиции Пермского Приуралья XVII–XVIII вв.	11
<i>Бубнов Н. Ю.</i> Последний скит каргопольских скрытников в д. Залесье	39
<i>Бунчук Т. Н., Военушкина Е. А.</i> Выражение концепта «Граница» этимологической корневой группой *stǫg- в русском языке	48
<i>Ильина Ю. Н., Костова Г. А.</i> Способы семантизации лексики болгарского языка (из опыта работы со студентами направления «Филология»)	63
<i>Пыстина О. В.</i> Языковая игра в коммуникативном пространстве Интернета (на материале региональных сетевых СМИ)	72
<i>Рыжова Е. А.</i> Модель смерти святого в агиографической традиции: завещания о «небрежении» к телу и мотив «тайные слуги Господа»	82
<i>Супрун В. И.</i> Звук [x] и его рефлексy в истории славянского консонантизма	98
<i>Шишкина Л. И.</i> Леонид Андреев и «Русская воля»	110

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, МАТЕРИАЛЫ

<i>Бровкина Т. В.</i> Два списка кратких редакций «Повести о происхождении табака»	125
<i>Волкова Т. Ф., Косырева Л. Л. (Мальшева).</i> Два печорских списка Повести о купце, обогатившемся «утварию» пресвятой Богородицы	143
<i>Сведения об авторах</i>	149

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. Выпуск 1 (9). 150 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Ю. Н. Ильина, канд. филол. наук, доцент кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина.

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета
167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Редактор Е. М. Насирова
Верстка и техническое редактирование А. А. Ергаковой
Корректор Л. Н. Руденко
Выпускающий редактор Л. В. Гудырева

Подписано в печать 23.05.2019. Дата выхода в свет 06.06.2019.
Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Формат 70x108/16.
Усл. п. л. 17,4. Уч.-изд. л. 10,5.
Заказ № 14. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.77

А. А. Бешкарев
A. A. Beshkarev

ОБРАЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ПУБЛИКАЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕТЕВЫХ СМИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ И ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОММЕНТАРИЯХ

THE IMAGE OF REGIONAL AUTHORITIES ACCORDING TO KOMI
REPUBLIC'S STATE INTERNET MEDIA AND READERS' COMMENTARIES

В статье рассматривается эволюция образа региональной власти в публикациях государственных сетевых СМИ Республики Коми в 2016–18 годах и комментариях аудитории к ним.

Ключевые слова: сетевые СМИ, образ власти, комментарии

The article considers evolution of regional authority image in state Internet media of Komi republic in 2016–18 and readers' comments.

Keywords: Internet media, authority image, commentaries

2018 год в России оказался во многом кризисным в отношениях между населением страны и властью: непопулярные пенсионные реформы привели к митингам и акциям протеста в различных городах, падению рейтингов президента, губернаторов и депутатов «Единой России», голосовавших за принятие изменений в законодательстве. В течение года повсеместно отмечался рост недоверия к официальным источникам информации, что особенно ярко проявило себя в отношении аудитории к освещению центральными телевизионными каналами массовых трагедий – пожара в кемеровском торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» и шутинге в Керченском политехническом колледже. После каждого из таких резонансных событий Интернет наводняли выпуски видеоблогов, Telegram-расследований, конспирологических теорий, фейков и разоблачений, утверждавших, что представленная федеральными каналами картина произошедшего далека от действительности.

Республика Коми в этом отношении показательный регион: переживший в 2015 году задержание практически всех наделенных властью лиц и многолетний

суд над ними; в ходе фактически безальтернативных выборов избравший на пост главы бывшего руководителя «Олимпстроя» Сергея Гапликова; отягощенный негативными тенденциями в экономике и самым большим миграционным оттоком населения после Дагестана [19]. Население с большой настороженностью теперь относится к заявлениям и инициативам властей, которые, в свою очередь, стремятся транслировать через государственные СМИ свою повестку, пытаясь поддержать позитивный образ руководства республики. Об этой озабоченности имиджем главы и его окружения говорит тот факт, что в мае 2018 года его пресс-служба разослала в редакции газет (включая частные коммерческие издания) список из 15 пунктов, предписывающих определенным образом подавать информацию и модерировать пользовательские комментарии. Так, один из пунктов гласил: «Не допускать в комментариях клички и искорбления «Гаплик», «Гаплос», «Гапл», «Гапло», «пузатенький няшка», «Харя бандитская» и т. д.». О существовании этих требований стало известно из поста на личной странице «ВКонтакте» тогдашнего главного редактора рекламно-информационной газеты «ProГород», головной офис которой находится в другом регионе – городе Кирове. Пост был вскоре удален, однако его скан сохранился. В то же время региональные журналисты из провластных СМИ используют каждую возможность, чтобы подчеркнуть перспективность региона, его успехи и достижения в различных сферах: «Перспективы развития у регби в Коми есть» (передовица газеты «Республика» от 27.07.2018), «В Сыктывкаре определяются с местом строительства ледового дворца» (сайт информационного агентства «БНК» от 16.06.2018) и т. п.

В условиях фильтрации информации для аудитории все более важным фактором получения альтернативных сведений о происходящем становится неформальный уровень коммуникации – комментарии на сайтах и в соцсетях (неслучайно модерация читательских комментариев являлась одной из задач, поставленных пресс-службой главы перед изданиями).

Таким образом, в сетевых СМИ республики мы получаем два разнонаправленных и взаимодополняющих коммуникативных потока – официальных сообщений государственных СМИ и пользовательских комментариев к ним, часто дающих совершенно противоположные трактовки одних и тех же явлений и фактов.

Наиболее популярным провластным источником информации в регионе является Информационное агентство «Бизнес новости Коми» (сокращенный вариант – «БНК»), зарегистрированное в качестве средства массовой информации ИА №ТУ 11-0051 от 02.11.2009 г. Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Авторские права на информацию принадлежат Информационному агентству «Север-Медиа». Учредители (соучредители): ИА «Север-Медиа» и Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям. Информационное агентство «БНК» принад-

лежит к «лентовым» информационным ресурсам. Частота обновления ленты – от нескольких минут до одного часа. Здесь используется жанр жесткой новости – заметки в большинстве случаев дают минимальную информацию методом пяти «W» – основной стандарт при подготовке информационных материалов, заключающийся в ответах на вопросы «Кто? Что? Где? Когда? Почему?». Причиной популярности этого официального по своему контенту ресурса является возможность анонимных комментариев без регистрации. Правда, эти комментарии подвергаются оперативной цензуре, но даже и в этом случае служат средством выражения читательских эмоций и мнений. В силу популярности этого ресурса и разнообразия материала есть смысл сосредоточиться на тех публикациях именно «БНК», где в качестве героев действуют представители руководства региона.

Что касается образа власти, то, как указывают многие исследователи, он никогда не является абстракцией: «В массовом повседневном сознании власть, как правило, персонифицирована, то есть ассоциируется с конкретными личностями, политическими лидерами, представителями власти, харизматическими личностями современного политического бомонда. Образ власти как феномен массового повседневного сознания есть социальный политико-властный конструкт, выступая порождением конкретной социально-политической культуры общества, этот образ конституируется, то есть порождается и создается реальными социально-политическими условиями, является их выражением и продуктом и в некотором роде объективен, как порождение этих реальных условий» [6; 16]. В Коми власть закономерно персонифицирована главой республики С. А. Гапликовым. Конструирование его имиджа в СМИ началось сразу же с момента появления в регионе и продолжается по сей день. За это время его образ пережил несколько этапов изменений.

Основным приемом формирования образа власти на первом этапе, в январе 2016 года, для государственных СМИ становится употребление положительных лексем в отношении правящей партии и правительства: «честность», «исполнительность», «праздник». Отношение журналистов выражается в основном имплицитно за счет эмоциональных описаний изображаемых объектов в репортажах и заметках. Информагентство «БНК» за 2016-й год упоминало фамилию Гапликова 1227 раз (для сравнения: фамилия, по сути, второго по важности человека в новом правительстве республики Михаила Порядина за тот же период – всего 68 раз). Гапликов оказывается единоличным представителем местной власти, доверие к которому не было подорвано скандальными разоблачениями. Как правило, в материалах уже начала года приводятся цитаты из выступлений Гапликова, где он обещает принять решительные меры для устранения недочетов в разных сферах общественной жизни региона. Его имя всегда вынесено в начало заголовков, за ним следуют его обращения к различным структурам с

требованиями работать эффективнее. Например, в один день, 12 января, выйдут две публикации, где заголовки оформлены именно таким образом: «Сергей Гапликов: «Мы приучим поставщиков продуктов везти в республику только качественный товар» [10] и «Сергей Гапликов попросил сотрудников прокуратуры усилить превентивные меры, чтобы предупреждать «роковые ошибки» [12], 21 января – «Сергей Гапликов поручил направить дополнительные силы и средства на расчистку снега» [13], 22 января – «Сергей Гапликов призвал правоохранительные органы совместно зачистить Республику Коми от «наркотической заразы» [16] и т. д.

Обращает на себя внимание, что на снимках, сопровождающих материалы с участием главы, в этот период он редко занимает композиционно центральное положение. Как правило, он расположен у края кадра, однако на него обращены взгляды других персонажей фото: собеседников «из народа», участников заседаний. То есть снимки подчеркивают такие качества представителя власти, как готовность вести диалог, выслушивать проблемы жителей. Однако уже с марта-апреля образ Главы все чаще «смещается» в композиционный центр иллюстраций и параллельно с этим меняется тональность большинства публикаций. На «БНК» всё реже встречается стандартная синтаксическая конструкция «Гапликов “попросил”, “призвал” и “поручил”», чаще звучат слова «поблагодарил», «поддержал», «отдал дань уважения», «пожелал процветания», что призвано маркировать нормализацию ситуации под контролем харизматичного лидера. Помимо этого, Гапликов как главный герой публикаций в заголовках «БНК» меньше дает поручений другим, а сам становится катализатором положительных перемен: «Сергей Гапликов пообещал уменьшить отток населения из Коми» [11], «Сергей Гапликов танцем вдохновил “Молодую республику”» [17]. Поводами для публикаций становятся поездки Гапликова по районам и его участие в праздничных мероприятиях. Журналистские тексты подчеркивают личные человеческие качества политика, делая его образ более понятным и близким рядовому читателю.

Однако с июня, когда Гапликов выдвигается кандидатом на пост Главы, и до самых выборов тональность материалов, в которых упоминается его фамилия, еще раз меняется: заголовки «БНК» демонстрируют стремительное развитие региона, и врио главы либо участвует в торжественных мероприятиях по открытию новых предприятий, либо рапортует об успехах экономики республики. Основные инфоповоды, связанные с врио главы, в этот период можно условно разделить на 3 типа: 1) истории о том, как благодаря его усилиям возрождается регион: «В Емве торжественно открыли новый железнодорожный вокзал» [3], «В Сыктывкаре торжественно открыли обновленный парк имени Кирова» [4] и др.; 2) тексты, призванные связать имя врио с медийными лицами, популярными у аудитории: «Игорь Угольников предложил организовать в Коми международный

театральный и этнокультурный фестивали» [5]; 3) прогнозирующие и программирующие тексты, обращенные в будущее так, как будто исход предстоящих выборов уже фактически предрешен: «Сергей Гапликов предложил выращивать в Коми кукурузу» (это сообщение на сайте «БНК» вызвало множество комментариев – 417, преимущественно ироничных) [14]. «К 1 сентября 2017 года в Сыктывкаре и Ухте откроются вытрезвители» [7]. Надо отметить, что годом ранее, когда СМИ разрабатывали имидж предыдущего главы республики В. Гайзера, этот тип технологий ими не применялся. Скорее всего, дело в том, что отчеты о поездках Гайзера по республике строились на конфликтах по «пространственной оси», где виновными в проблемах оказывались местные власти. В случае с Гапликовым конфликт строится по «временной оси»: существующие проблемы вызваны неэффективной работой предшествующего правительства, однако под властью нового главы регион обязан возродиться.

Однако после успешного для Гапликова завершения выборов до конца года его активность как ньюсмейкера приблизилась к нулю, что по контрасту с высокой активностью предыдущего периода оказалось серьезной ошибкой в пиар-деятельности его окружения. Ситуацией не преминули воспользоваться независимые оппозиционные СМИ. 29 декабря журналист независимого сайта «Красное знамя» А. Польшкин прокомментировал наступившее затишье на информационном поле статьей «Сто дней и 15 месяцев. Размышления по поводу знаменательных сроков Главы Коми», где представил свой анализ деятельности прогосударственных СМИ региона: «Сразу после инаугурации Глава отправился в вояжи по стране, а вся его пиаровская рать оказалась без работы: писать-то стало не о ком и нечего! Ну не рассказывать же о том, что прожект по вводу санатория «Серёгово» провалился, а башенные краны никому не нужны. Или о том, что на возведение грандиозного тепличного комбината в Емве нет денег, а обещанный ввод новой школы в Сыктывкаре сорван, и ее строительство даже в 2017 году под большим вопросом. Обычно политтехнологи при провале акции или кампании стараются переключить внимание избирателей на другие темы. Этим и занялись подчинённые новоизбранного Главы. Такой темой стало формирование нового правительства: всё внимание сосредоточилось на назначенцах, народ стал забывать про недостроенный санаторий и никому не нужные краны, про кукурузу и огурцы» [8].

И действительно, в октябре-ноябре 2016 г. имя Гапликова практически исчезает из заголовков «БНК», а когда вновь появляется в декабре, то ситуация с освещением деятельности главы напоминает мартовскую, когда сообщается о повседневных действиях и заявлениях губернатора: «Сергей Гапликов презентовал проекты республики лидерам мусульман». По всей очевидности, в государственных СМИ был осознано, что факт длительного отсутствия главы в регионе

негативно сказывается на его имидже, поэтому во всех публикациях «БНК», где говорится о поездках Гапликова в Москву, оказалась отключена функция комментирования. Кроме того, «БНК» не раз поднимает тему высокого положения Гапликова в различных российских рейтингах.

Затем, в начале 2017 г., наступает период попыток преодоления накопившегося у аудитории негативного отношения к главе, о чем свидетельствует первая встреча Гапликова с журналистами 16 февраля (не имевшая конкретной объявленной темы), полное отсутствие в заголовках обещаний процветания и рапортов об успехах в стиле советской прессы, обращение к наиболее спорным моментам деятельности губернатора: Сергей Гапликов: «Мне нравится в Коми. Я никуда не собираюсь. Не дождетесь!» [9]. Впоследствии, в течение 2017–18 годов, освещение деятельности главы государственными сетевыми СМИ постепенно превращается в рутинные отчеты о его действиях и заявлениях, тематически подразделяющиеся на несколько типов: 1) как правило, обращенные в будущее тексты с формулировками «поручил», «обещал разобраться», «обсудил», «заявил» и др. с обозначениями вербальной деятельности губернатора, создающими образ сильного хозяина, решающего проблемы региона; 2) освещающие поездки главы. Как правило, в этих случаях журналисты выбирают наиболее заметный факт таких поездок: посадку дерева, открытие сквера и т. п.; 3) публикации по торжественным поводам: поздравления главой представителей разных профессий, награждения, учреждения праздников и т. п. В целом, они служат одной и той же цели демонстрации постоянного прогресса региона под управлением энергичного менеджера и отсутствия серьезных проблем.

В то же время опубликованный в Сети текст, как правило, представляет собой не монологичную форму, а интерактивную, открытую для комментирования читателями. Комментарий, несмотря на его непрофессиональную природу, ученые сегодня считают особым жанром, порожденным полилогическим характером общения в Сети [20]. Как можно заметить, комментаторы обычно скептически настроены к героям и главным выводам публикаций, подвергают сомнению изложенные факты. Например, новость «Сергей Гапликов учредил в Коми день отца» сопровождается репликами читателей: «Дайте людям просто спокойно пожить без ваших придуманных праздников. Не поднимайте тарифы и цены, платите нормальную зарплату и в семьях будет настоящий праздник», «Проблем-то у республики больше нет, кроме как новые праздники выдумывать», «Спасибо Серега!» (орфография и пунктуация авторов сохранены) [18].

Таким образом, если прямая речь персонажей официальных новостей относится к сфере моноидеологии, сакрализации символов власти, патриархальных ценностей, то комментаторы скорее отражают характерную для интернет-общения ситуацию постмодернистской тотальной иронии, десакрализируют власть, обра-

щают внимание на те проблемы, которых избегают СМИ, низводят возвышенный пафос до бытового и даже маргинального, что подчеркивается нарочно неграмотным словоупотреблением, ошибками и просторечиями. Контраст этих дискурсов подчеркивает, что журналисты прогосударственных СМИ, работающие на позитивный образ власти, как правило, продолжают творить в парадигме, характерной для советской прессы, не обращая внимания на то обстоятельство, что развитие технологий давно изменило психологию аудитории, все менее склонную слепо доверять мнению автора публикации, а все чаще проверяющую информацию по нескольким оперативным источникам, скептическую по отношению к любому официозу и не поддающуюся прямому манипулированию.

***

1. Бешкарев А. А. Региональная власть как объект журналистской пропаганды (на примере Республики Коми) // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Тамбов, 2016. №11(65). Ч. 2. С. 16.

2. В Емве торжественно открыли новый железнодорожный вокзал Коми [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 30 июля. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/52630/> (дата обращения: 06.10.2018).

3. В Сыктывкаре торжественно открыли обновленный парк имени Кирова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 16 августа. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/53140/> (дата обращения: 06.10.2018).

4. Игорь Угольников предложил организовать в Коми международный театральный и этнокультурный фестивали [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 8 июля. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/51957/> (дата обращения: 06.10.2018).

5. Зуева Т.М., Шкилева Е.М. Механизмы формирования образа власти // Теория и практика общественного развития. 2013. №3. С. 15–20.

6. К 1 сентября 2017 года в Сыктывкаре и Ухте откроются вытрезвители [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 23 августа. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/53372/> (дата обращения: 06.10.2018).

7. Польшкин А. Сто дней и 15 месяцев [Электронный ресурс]. URL: <https://komikz.ru>. 2016. 29 декабря. URL: <https://komikz.ru/news/politics/92179> (дата обращения: 06.10.2018).

8. Сергей Гапликов: «Мне нравится в Коми. Я никуда не собираюсь. Не дожидесь!» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2017. 16 февраля. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/59477/> (дата обращения: 06.10.2018).

9. Сергей Гапликов: «Мы приучим поставщиков продуктов везти в республику только качественный товар» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 12 января. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/45864/> (дата обращения: 02.10.2018).

10. Сергей Гапликов пообещал уменьшить отток населения из Коми [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 14 апреля. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/49285/> (дата обращения: 02.10.2018).

11. Сергей Гапликов попросил сотрудников прокуратуры усилить превентивные меры, чтобы предупреждать «роковые ошибки» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 12 января. URL: https://www.bnkomi.ru/data/news/45882/?id_voting=370&vote_widget=1 (дата обращения: 02.10.2018).

12. Сергей Гапликов поручил направить дополнительные силы и средства на расчистку снега [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 21 января. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/46210/> (дата обращения: 02.10.2018).
13. Сергей Гапликов предложил выращивать в Коми кукурузу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 19 июля. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/52267/> (дата обращения: 06.10.2018).
14. Сергей Гапликов презентовал проекты республики лидерам мусульман [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 19 декабря. URL: https://www.bnkomi.ru/data/news/57534 (дата обращения: 06.10.2018).
15. Сергей Гапликов призвал правоохрнительные органы совместно зачистить Республику Коми от «наркотической заразы» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 22 января. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/46255/> (дата обращения: 02.10.2018).
16. Сергей Гапликов танцем вдохновил «Молодую республику» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2016. 18 февраля URL: https://www.bnkomi.ru/data/news/47348/?id_voting=366&vote_widget=1&yt0 (дата обращения: 02.10.2018).
17. Сергей Гапликов учредил в Коми День отца [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru>. 2018. 17 октября. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/84955/>
18. Самый большой отток населения среди российских регионов зафиксирован в Дагестане и Коми [Электронный ресурс]. Клуб регионов. Федеральная экспертная сеть 6.10.2018. URL: <http://club-rf.ru/news/49292> (дата обращения: 24.10.2018).
19. Танабаева И. Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении [Электронный ресурс]. Молодой ученый. 2017. №51. С. 207–210. URL: <https://moluch.ru/archive/185/47375/> (дата обращения: 27.10.2018).

Л. А. Бруцкая
L. A. Brutskaya

**«СИБИРСКОЕ ВЗЯТИЕ» В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ
ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ XVII–XVIII вв.**

**«SIBERIAN CAPTURE» IN THE MANUSCRIPT TRADITION
OF THE PERM URALS IN THE XVII – XVIII CENTURES.**

В статье произведён системный анализ записей жителей Пермского Приуралья на сборниках, содержащих летописи, повести и краткие известия о «сибирском взятии». На большом количестве разных видов архивных материалов из хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Перми и Кирова показываются деловые, дружеские и родственные связи людей, оставивших эти записи. Статья написана в парадигме локальной истории. В ней освящается только пермская предыстория похода Ермака, используются тексты, маркированные записями жителей Пермского Приуралья. Приведённый материал помогает уточнить атрибуцию сибирских летописей.

Ключевые слова: сибирские летописи – Есиповская и Строгановская, Румянцевский летописец. Записи на сборниках с этими текстами. Историография «сибирского взятия» и архивные материалы XVII–XVIII вв. Соликамские городские летописи. Латухинская Степенная книга из Пермского краеведческого музея.

The article considers systematic analysis of the records of inhabitants of the Perm Urals in the compilation of the annals, stories and brief news about «Siberian capture». A large number of different types of archival materials from the storages of Moscow, St. Petersburg, Perm and Kirov show business, friendship and kinship of people who left these records. The article is written in the paradigm of local history. It covers only the Permian prehistory of Ermak's campaign, using texts marked with records of the inhabitants of the Perm Urals. This material helps to clarify the attribution of the Siberian Chronicles.

Keywords: Rumyantsev chronicle, Stroganov and Esipov Chronicles, list of the Latuhinskaya Steppennaya book from the Perm Museum of local lore, Solikamsk city Chronicles of the XVII–XVIII centuries. Historical narrative of the Perm Urals of the last third of the XVI century.

История «сибирского взятия» описывается в сибирских летописях, но «...не соответствует их содержанию и форме» [26, с. 467]. Это большой тематический цикл, представленный рукописями из разных мест России. Данная статья написана в парадигме локальной истории. Она ограничивается исследованием рукописей, бытовавших на территории Пермского Приуралья. Основной источниковедческой базой статьи являются записи жителей этого региона в сопоставлении с архивными материалами и городскими соликамскими летописями XVIII в. Внутри статьи, в круглых скобках, приводятся ссылки на архивные материалы, что обусловлено их обилием. Ссылки на «Пермскую летопись» В. Н. Шишонко даются с указанием томов римскими цифрами. Изложение структурировано по летописным памятникам.

Методологической основой статьи являются основные положения Д. С. Лихачёва о литературе XVII–XVIII вв.: «... исследуя процесс, нельзя слепо следовать этому процессу и располагать весь материал в строго хронологическом порядке. Иногда корни нового явления уходят глубоко в прошлое, и тогда исследователь должен возвращаться назад. Гораздо чаще явление, ярко проявившееся в определённое время, в дальнейшем остаётся, как бы «застревает» в литературе и продолжает в ней жить и претерпевать различные изменения. Это связано с тем, что история культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии» [40, с. 26].

Мои историографические комментарии приводятся по текстам летописей, составленных на границе летописного и повествовательного жанров. Некоторые тексты начинаются не от Адама, например в Тобольской летописи, а от Ермака (Пермского краеведческого музея (далее ПКМ), № 16916/112).

От сотворения света 3Ч	От рождества Христова 1581
От царя Иоанна Васильевича владение 47	От взятия Сибири 1

Текст заканчивается 1758 г.

Пожалования Строгановым в Перми Великой вписываются в восточную политику Московского правительства. Периферийность и удалённость от мест Ливонской войны позволяют избежать социально-экономического кризиса второй половины XVI в. А. А. Введенский справедливо утверждает: «Пермская вотчина Строгановых не только не затрагивается этим кризисом, но, наоборот, выигрывает за счёт беглого крестьянства, находившего у Строгановых в Перми работу и землю» [17, с. 3]. Данная историографическая линия выявила хронику боевых действий в Пермской земле. И она совпадает с датировками Строгановской летописи. Эта летопись даёт правильные данные о роли Строгановых в организации похода Ермака [17, с. 3].

Уникальная сохранность соликамского архива позволяет дополнить атрибуцию летописных памятников о «сибирском взятии». Многочисленны и разнообразны по составу материалы, опубликованные в АИ, ДАИ, СГГД, АЮИ и др. Последнюю большую публикацию подготовил М. Г. Курдюмов. Он описал историю приобретения соликамских актов Археографической комиссией и выявил 255 опубликованных актов [38, с. III–V, VII, 42–44, 47, 202–254 и др.]. Публикации актового материала стали базой для многих исследований.

Пермь Великая (Пермская земля) в XVI в. представляла собой крайнюю восточную область Поморья, пограничную с территориями, населёнными угорскими народами [3, т. 1, с. 42]. С. Ф. Платонов отмечает: «Ещё в большей степени сибирские дела влияли на Пермский край, который прикрывал с востока вятские места и всё Поморье от татар, вогуличей и остяков. ... В сущности, поход за Камень, приведший к покорению царства Кучума, был одним из военно-

пограничных предприятий, к которым Пермь издавна привыкла; он составил решительный шаг в том деле замирения северо-восточной окраины государства, которое считалось прямою задачею пермской администрации и пермского населения» [49, с. 17].

Город Соль Камская в течение всего XVI в. оставался пригородом Чердыни и управлялся тиунами пермских воевод. Количество податного населения в Чердыни и Соли Камской исследовали: А. А. Дмитриев, С. Ф. Платонов и В. А. Оборин [47, с. 116–131]. Городки были не велики. Но оба имели цитадели – деревянные «города» небольшого размера. В каждом из них посады были защищены вторыми, внешними стенами – острогами. С учётом привычной утайки трудно определяется «степень населённости Пермского края в XVI в., в то время, когда население в нём едва оседало, но нельзя сомневаться, что населения там не было много» « [49, с. 18].

Чердынь и Соль Камская в последней трети XVI в. были небольшими городками. По примерным сведениям писцовой книги И. И. Яхонтова и подъячего Т. Карпова (1579 г.): в Перми Великой, Чердыни отмечено всего 290 дворов и 326 людей в них. В описи чердынского воеводы (1614 г.) представлены остатки кремля: «В Перми город Чердынь деревянный, а на городе шесть башен, а мосты и обломы на городе и на башнях сгнили и кровля обвалилась, а у города четверо ворота да тайник завалился...» [66, II, с. 34].

В последней четверти XVI столетия в Соли Камской возводится крепость «на месте, которое вплоть до XX в. горожане называли «кремлём» [8, с. 21]. В 1573 г. строятся новые оборонительные сооружения. Они уберегли город от захватчиков в 1581 г. Однако посад был разорён. Он располагался «... на нагорной стороне ... между Песьянским и Каменным с Зырянским логами, на болотной стороне – между речками Кекуркой и Уфимкой. В месте соединения крепости с острогом были поставлены городни и глухие башни, в трех местах стояли ворота» [8, с. 21]. После пожара 1672 г. соликамскую крепость не восстанавливали.

Во время смуты и позже «слабонаселённый, бедный и малоустроенный Пермский край служил ... важную службу в отношении новозанятой и ещё не вполне замирённой Сибири. Он представлял собою базис для всех действий власти в новой провинции...» [49, с. 258]. В XVII в. благодаря соляной лихорадке, сопровождавшейся притоком крупных купеческих капиталов [63], город переживает свой золотой век. Через него тогда пролегла дорога в Сибирь. К XVII в. относится поговорка: Соликамский городок – Москвы уголок.

Климат в Пермских вотчинах Строгановых и прилегающем к ним Соликамском уезде «...суров; продолжительная зима сопровождается большими снегами и сильными морозами... Снег начинает падать обыкновенно с половины октября; иногда выпадает и около половины сентября. Зимний путь устанавливается в последней трети октября; Кама замерзает большей частью в первой половине ноября. Весна начинается не ранее 25 марта, а большею частью в первых числах апреля, и в это время показывается прибыль воды в ручьях и речках... Весна продолжается до первых чисел июня; нередко случается, что около половины мая

выпадает снег... Лето кончается в последних числах августа, и погода стоит более или менее постоянная. ... Продолжительных засух и дождей, которые бы причиняли вред произрастанию хлеба и трав, вообще не случается; если и бывают неурожаи, то они более зависят от продолжительно холодной весны или же не в меру дождливой осени» [43, с. 5–6]. Принимая описание этого сурового климата следует учесть, что в последней трети XVI в. в Соликамске, как и во всей Европе, было сильное похолодание и голодное время.

С. Ф. Платонов и А. И. Андреев объяснили интерес жителей Перми Великой к «сибирскому взятию»: «Вся Пермь начала работать на Сибирь разными способами: сбором денег, хлеба и подвод, возкою хлеба, железных грузов и всякой иной клади, перевозкою служилых людей и переселенцев. Все это вызывало чрезвычайное напряжение сил у местного населения, и оно само по себе не могло выполнить всех правительственных требований» [48, с. 64].

Интерес населения Пермского Приуралья к Сибири обусловлен тесными связями сопредельных территорий. Могущество Сибири прирастало Поморьем. Об этом свидетельствуют многие акты, опубликованные в Актах исторических, Дополнениях к актам историческим, Актах археографической экспедиции (тома 1–4), перепечатанных В. Н. Шишонко в «Пермской летописи». В сопровождении старост и целовальников в Сибирь отправлялись хлебные запасы, мука, крупы, толокно, мёд, патока, хмель, церковное вино, масло коровье и конопляное, свечи, колокола, судовой лес и т. п. [66, II, с. 106–111 и др.]. При больших объёмах межрегиональных поставок продовольствия и материалов бывали и подлоги. Именно на них обращалось внимание в грамоте Михаила Фёдоровича: «...чтоб в хлебных запасах в муке подмесу, дресвы и камня и песку и обмелков не было...» [66, II, с. 107 и др.]. Иногда натуральные продукты заменялись деньгами. В Верхотурье работали судовые поморские плотники, котельники, бронники и др. Кроме того, пермские посадские люди ежегодно выбирали старосту, ямщиков и дьячка для сибирской гоньбы [АИ. Т. 3, № 144, с. 139–140]. Таких актов очень много. Некоторые из них хранятся в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА). Например, в Ф. 1111. Оп. 2. Дд. 35, 66, 75, 83, 88, 137, 141, 148, 151, 162, 177, 218, 226, 229, 238, 251, 287. Во второй половине XVIII в. укрепляется тенденция замены поморских работников на сибирских. Так было при заключении подряда о найме охотников на строительство дощаников вместо усольцев, чердынцев и уездных крестьян (РГАДА, Ф. 1111. Оп. 2. Д. 216, 226).

Сохранилась переписка соликамского и верхотурского воевод (сентябрь 1675 – февраль 1676 гг.) о найме верхотурских ямских охотников Т. Сопкова, И. Казанцева для строительства дощаников с «чердынской земли» и монаха Митрофана из Верхотурского Никольского монастыря – с «соликамской доли» (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 238). Сибирь испытывала неудовлетворённую потребность в продовольствии. Именно поэтому перехватывались его поморские поставки. Так это было, например, в мае-марте 1674 г. Тогда задержали едущих с рыбой в Кунгур и отправили торговцев в Верхотурье (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 216).

Летописные тексты и архивные данные дополняются картографическими материалами о Соликамске XVIII в. Например, планом города 1770 г.; сведениями о планировке городов Пермской губернии 1780–1785 гг. (Государственный архив Пермского края – далее ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 38).

Румянцевский летописец

В настоящее время найдено более 15 списков Румянцевского летописца. Один из них был известен П. И. Небольсину по дефектному тексту середины XVII в., принадлежащему графу Н. П. Румянцеву, без конца и без авторского названия [39, с. 9]. Румянцевский летописец в издании сибирских летописей относился к сокращённой редакции Строгановской летописи [56, с. X]. А в 36 томе ПСРЛ – к группе Есиповской летописи [57, описание, с. 4–6; текст, с. текст вида А, с. 32–35]. Е. И. Дергачёва-Скоп тоже опубликовала его текст [39, с. 9]. Она определяет Румянцевский летописец как краткую редакцию Есиповской летописи. Но «звезда с хвостиком» [39, с. 18] подробнее описана в пермском списке Латухинской Степенной книги (ПКМ, № 16925/116, с. 1064 в статье «О знамени небесном»). Такое описание косвенно подтверждает московское происхождение протографа Румянцевского летописца.

«Сказание о Сибирском царстве и о взятии» читается в списке Латухинской Степенной книги (ПКМ, 16925/116, с. 1047–1051). Оно следует за описанием псковских баталей: «Лета ЗЧД декабря в 1 день король пойдёт в литовскую землю под Псковом ...» (с. 1044–1047). Рукописи ПКМ, к сожалению, были перешифрованы и перенумерованы. Шифры не совпадают с описаниями Ю. К. Бегунова [5–6, № 1, с. 206–207. Старый шифр – № 35 446]. Рукопись определена как рукописный сборник первой четверти XVIII в.

Редакция Латухинской Степенной книги митрополита Афанасия [50, с. 73–79] была создана Тихоном Макарьевским, архимандритом Макарьевского Желтоводского монастыря под Нижним Новгородом в 1678 г. В ней помещены воинские повести о взятии Казани, Астрахани, Азова и др. Важно отметить: именно они составляют конвой сибирских летописей в сборниках переменного состава XVII–XVIII вв., представленных в рукописной традиции Пермского Приуралья. К настоящему времени выявлено 145 списков Степенной книги, что свидетельствует о большой популярности концептуального изложения истории России. Сличение по составу сокращения текстов сибирских летописей в Румянцевском летописце совпадают с типологией подобных сокращений в Новом летописце. Е. К. Ромодановская отмечает «несколько попыток включения событий сибирской истории в контекст как общерусской, так и мировой» [53, с. 45]. С одной из них мы имеем дело в данном случае. Е. И. Дергачёва-Скоп, описывая генеалогию сибирского летописания [27], отметила, что Румянцевский летописец как официальное концептуальное произведение о «сибирском взятии» был написан вне Сибири [29].

Данное «Сказание» текстологически совпадает с Румянцевским летописцем вида А [13, с/ 49–150]. Водяные знаки на бумаге данного текста идентичны филиграммам списка Р [57, с. 5] из собрания Н. П. Румянцева (РГБ. Ф. 256. № 379).

Это позволяет предположить пермское происхождение обоих списков. Пермский же список отличается от томского началом, написанным одним из нескольких почерков. Это – «Сказание святым иконам разным» (с. 3–15 третьей нумерации). Вторым почерком написан «Летописец словенский от правнуков иафетовых» (с. 17–24). Третий полууставной почерк представлен в «Предисловии» к Латухинской Степенной книге (с. 25–28).

После текста, совпадающего с сокращением Румянцевского летописца вида А, следует вставка – «Царство государя царя и великого князя Феодора Иоанновича всеа России» (с. 1051 б – нумерация пропущена). Ещё одна вставка описывает оборону Пскова (с. 1047). Ориентация текста на хронологическую последовательность всё ещё важна, хотя её трудно выдерживать. Об этом свидетельствует повтор статьи «О покорении казанских татар» (с. 1054). И написанное другим полууставным почерком краткое «Родословие великих князей русских» (с. 185–1218) и литовских (с. 1219–1250). Здесь обнаруживаются начатки источниковедения: родословие великих князей литовских «Списано из летописца святейшего патриарха Ермогена московскаго и всея Руси» (с. 1249). Следом – «А сие родословие великих князей литовских. Выписано в Казани из монастырские преображенские книга. А первому не согласует» (с. 1250–1253).

Далее следует возвращение к сибирской истории: «Того же году пришли ис Тобольска с царевичем Маметкулом по приказу Феодора Ивановича, – он их пожаловал, – денгами и сукнами и кормом» (с. 1052). Текст заканчивается известием: «Лета 3ЧГ-го приидоша с Москвы воеводы Василий Сукин да Иван Мясной» (с. 1053 а – лист пропущен в нумерации). Известие заканчивается упоминанием воеводы Чулкова. Оно является сокращением глав 30 и 31 Есиповской летописи и её Забелинской редакции (сокращение глав 34 и 35).

В свою очередь, Румянцевский летописец вида А сокращает ту же Забелинскую редакцию (57. с. 107–117) и совпадает со вставкой пермского списка Латухинской Степенной книги (с. 1048): «В лето же государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Росии на реке Волге множество бе казаков, на Дону» (57, с. 32). Обращает на себя внимание снижение стиля Степенной книги: не Иоанн, а Иван, что позволяет предположить латухинское сокращение текста Румянцевского летописца. Он же по принципу матрёшки сокращает Лихачёвскую редакцию Есиповской летописи (57, с. 117–128), не отягчённую точной хронологией и направляющую Ермака с Волги сразу в Сибирь в 7089 г. (57, с. 120). Румянцевский летописец совпадает с сокращением пермского списка Латухинской Степенной книги:

<p>Лета 7095-го приидоша с Москвы воеводы Василей Сукин до Иван Мясной, с ними же люди многия руския. И поставиша град Тюмень, иде же был град Чингиден, и домы себе устроиша и церковь воздвигоша (57, с. 35).</p>	<p>В лето 3ЧГ-го приидоша с Москвы воеводы Василий Сукин да Иван Мясной (с. 1053 а).</p>
---	--

Оба списка совпадают текстологически и хронологически, даже в прибавлении «-го» после написания дат. Затем в пермском списке следуют сведения «О Борисе Годунове и о вражде бояр» (с. 1053 б – лист пропущен в нумерации). Они прерываются вставкой: «О покорении казанских татар» (с. 1054). После неё продолжается описание «недружбы» боярской с Борисом (с. 1054). И опять продолжают сибирские события – строительство городов Тары, Берёзова, Сургута и иных, которые прерываются известием «О вихре и буре на Москве» в ЗРВ году. Потом – «О потрясении в Печерском монастыре» (с. 1065–1066), «О разорении Романовых» (с. 1069–1070), «О гладе тож и меженина, како мороз хлеб побил» (с. 1071–1073), о явлении царевича Димитрия «некоему иноку Тихону» (с. 1076).

Румянцевский и Погодинский (57, с. 129–137) летописцы в целом совпадают текстологически и в описании хронологии «сибирского взятия». Но в Погодинском точные даты сопровождаются ссылками на церковный календарь 7089 г. Так, под Чувашевым, у засеки, октября 23 день, «на память святого апостола Якова» (57, с. 131) и «по взятии сибирском в 4 день» – «на память святого великомученика Христова Дмитрея Селунского» (57, с. 133). Румянцевский летописец сокращает сообщение Погодинского (57, с. 136) – «Сейдяка же и царевича, и Карачу послаша к Москве с воинскими людьми» (57, с. 35). Аналогичные ссылки на церковный календарь приводятся в Строгановской летописи.

Текст Румянцевского летописца совпадает с жалованной грамотой Г. Д. Строганову 1673 г.: «Прадед его Григорьев, служа и радея великим государям, призвал с Волги атаманов и казаков Ермака с товарищи в свои вотчины и на помощь Ермаку ратных многих людей наймовал и всему войску помощь чинил, деньги и платье, и боевое ружье, и порох, и свинец, и всякой запас к воинскому делу давал из своих пожитков и вожей с ними под Сибирские города посылал, своих дворовых людей». Цитата приводится по копии из петербургской конторы Г. А. Строганова (ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. Д. 12, л. 6). А. А. Преображенский указывает, что подлинник грамоты не сохранился [52, с. 30]. Возможно, строгановские деловые люди при подготовке челобитной Г. Д. Строганова использовали Румянцевский летописец. В нём читается вставка: «А инии пишут, яко призваша их с Волги Строгановы и даша им имения и одежды добрыя, и оружия, и пищали, и пушки полковыя, и своих людей даша им, немец и литвы 300 человек» [57, с. 32]. На эту цифру обратил внимание А. А. Дмитриев [31, с. 71]. По мнению С. В. Бахрушина, данная вставка совпадает с «Иным сообщением о роде Строгановых и о завоевании Сибири» Н. Витзена [3. Т. 3, с. 48–51]. Е. И. Дергачёва-Скоп возводит её к первым письменным записям «устных летописей» и рассматривает тексты после слов «Инии пишут» или «Инии же поведают летописцы» как «записи для памяти, к слову» [28, с. 125].

Сравнение вставки с текстом Строгановской летописи под 7090 сентября 1 выявляет их содержательную близость: «...и с ними собрав из городков своих ратных людей буйственных и храбрых, и предобрых воинов триста человек» [56, с. 8–9]. Так одни и те же факты легли в основу произведений разной концептуальной направленности, были подвергнуты разной стилистической обработке с

использованием делового языка царской грамоты, пышного стиля барокко Строгановской летописи и Степенной книги, лапидарности вставок Румянцевского летописца.

Сличение отдельных чтений Румянцевского летописца из пермской Латухинской книги со сборником XVII в. из собрания Фролова выявляет их совпадение. Он привлекался к изданию Строгановской летописи [56, № 9, с. X–XIII]. Общие чтения по составу обнаруживаются в следующих статьях Фроловского сборника: «Сказание вкратце о начале царства Казанского» (79 лл.), «О взятии царства Сибирского», о посольствах к «турскому» царю, об осаде Пскова, о возвращении патриарха Филарета, а также «Сказание известно о поставлении великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича» и др.

Сборник из собрания Фролова содержательно совпадает с Афанасьевским сборником [56, с. IX]. Оба, как и Румянцевский летописец, относятся к сокращённой редакции Строгановской летописи. В Афанасьевском сборнике конца XVII – начала XVIII в. также представлены: история Казанская (79 лл.), «О взятии Сибирском», «О истории Псковской вкратце». Сокращения сибирских летописей в Латухинской Степенной книге оказали непосредственное влияние на переменный состав четых сборников. Обнаруживаются почти полные текстологические совпадения начала Румянцевского летописца с Головинской [57, с. 178–179] и Нарышкинской [57, с. 234] редакциями Сибирского летописного свода. Е. И. Дергачёва-Скоп выявила связь Строгановской летописи краткой редакции со Степенной книгой, а также её взаимосвязь с Румянцевским и Новым летописцами. Строгановская летопись основной редакции была отнесена к летописному повествованию официального характера [29].

Приведённые примеры показывают интертекстуальные связи сибирских летописей и демонстрируют общие жанровые особенности в сложившейся летописной системе как метатексте. Возможным составителем Румянцевского летописца, что основано на Написании Черкаса Александрова [35, с. 213], был Киприан. От него текст попал в Новый летописец и Степенную книгу, к московским дьякам и Строгановым. Это предположение подтверждается исследованием В. Г. Вовиной: «Деятельность Киприана заслуживает особого внимания. Архиепископом в Сибири он был с 1621 по 1624 г. Затем его поставили на Крутицы на митрополию. Видимо, в это время Киприан был близок с «кружком» патриарха Филарета, где вынашивалась идея составления общерусского летописного памятника. Эту близость подтверждает текст Нового летописца» [23, с. 64]. Добавлю к этому сообщение П. С. Икосова о первом доме Строгановых в Москве. Он располагался близ монастыря Иоанна Предтечи в Белом городе, близ Солянки [23, с. 9].

Строгановская летопись

Сборники, содержащие Строгановскую летопись, были описаны и опубликованы В. В. Майковым [56, с. II–XVI]. Самый ранний её список был издан Г. Спасским в «Сибирском вестнике» (1821 г.) и отдельно в том же году. Название списку дал Н. М. Карамзин. Этот текст перепечатала Н. В. Никулина [55,

с. 14–29]. Важно отметить в смеси Елагинской лист с записями о жёнах Ивана Грозного. Аналогичный текст приклеен к переплёту книги из Чердынского краеведческого музея [4, с. 613]. Н. А. Дворецкая кратко описала 16 списков Строгановской летописи [26, с. 476]. Е. И. Дергачёва-Скоп издала Строгановскую летопись распространённой редакции, известную по нескольким спискам. Самый ранний из них находится в сборнике третьей четверти XVII в. (ОР РНБ. Q. IV. 82). В него входят также Есиповская летопись и сказание Петра Годунова «О Китае и Индии глубокой». Погрешности этого списка выправляются по сборнику, идентичному по составу произведений с толстовским списком (СПБНИИ РАН, Арх. № 70).

Строгановская летопись известна в четырёх редакциях: краткой, основной, распространённой и особой. Текст, по мнению Е. И. Дергачёвой-Скоп, «...обработан прекрасным книжником» [39, с. 107]. Проблема его противоречивых датировок связана с тем, что Строгановская летопись сохранилась в сборнике-конволюте разных почерков. Начало составления основной редакции летописи относится Н. А. Мудровой к 1621 г. Краткая же редакция могла возникнуть во время опалы на Никиту Строганова [29, с. 57]. В «дорожном» отделе библиотеки Максима Яковлевича находилась книга списков с жалованных грамот [35, с. 153], необходимых в предпринимательской деятельности.

Подлинники документов XVI в. опубликовал Н. Устрялов [62, с. 121–123]. Ещё 33 жалованные грамоты были списаны по поручению Г. Ф. Миллера (РГА-ДА. Ф. 241. Д. 2), когда он, возвращаясь из Сибири, с 6 декабря 1742 по 1 января 1743 г., работал в Соликамске [67, с. 153]. Одной из последних является перепечатка Н. В. Никулиной жалованной грамоты Строгановым от 25 марта 1568 г. [55, с. 11–13]. Опираясь на местное предание о братьях Спиридоне и Пахоме Сорокиных, она утверждает, что русские появились на реке Чусовой раньше Строгановых. Добралась сюда с новгородскими ходоками. Так возник починок на берегу Усолки, недалеко от спириной избушки.

Н. В. Никулина в подтверждение своего утверждения приводит местные топонимы: «В долине Усолки с давних времён на **Спиринской** горе и под **Спиринской** горой располагались лома деревни **Спиряга**. Мост через Усолку, протекающую рядом, назывался **Спиринским**. В Верхних Чусовских городках, в старом посёлке, который находился на правом берегу Чусовой, мост через речку Россошку назывался **Сорокинским** или Сорокиным. Поднявшись с заливного чусовского луга по Сорокинскому мосту на небольшую горку, человек мог пойти налево по улице Мельничной или прямо – по улице **Старо-Слободской**. Эта часть Верхне-Чусовских городков вплоть до переселения посёлка на левый берег Чусовой называлась **Старая слободка**» [се страна, с. 4]. Именно здесь, на правом берегу Чусовой и левом берегу Усолки, родился, по преданию, Ермак (Васютка Алёнин) [55, с. 5].

О появлении Строгановых в Пермском Прикамье до царских жалованных грамот сообщает П. С. Икосов, ссылаясь на грамоту Анике от Ивана Грозного 7064 (1556) г. Царь «велел есми сыну твоему Григорию на Устюге, в Перми и в

иных наших городах искать руды медная, и ты бы его на то дело отпустил» [34, с. 15]. Тогда руды не нашли, но первый рудник под Пыскором назывался Григоровским.

А. А. Введенский полагал, что самый ранний из известных списков Строгановской летописи был написан одним из строгановских писцов [18, с. 12]. Из Москвы при Максиме Строганове в поморские вотчины был переведён Ждан Воронин. Он имел самый высокий оклад по сравнению с другими служащими 30–40-х гг. XVII в. По «Памяти деловой» 5 июля 1578 г. в строгановской библиотеке находились: Летописец, летописец русский, летописец литовский, летописец Стефана Пермского и летописец вкратце [35, с. 150]. Летописец вкратце присутствует в конвое сборников с текстом Строгановской летописи. Ж. С. Воронин в 1605–1624 гг. составил сборник, написанный группой писцов. В нём, по описанию Н. А. Мудровой, содержатся: произведения о Смуте, царские грамоты (1592–1616 гг.) [35, с. 150]. Р. Г. Скрынников выявил близость текстов Строгановской летописи и повести 1616 г. о Смуте [58, с. 26–30].

Нарративные источники Пермского Приуралья относят начало похода к 1581 году. Их обобщал Л. Майков: Ермак выступил в поход 1 сентября 1581 г. [41, с. 35]. Начало похода Ермаковой дружины из Нижнего Чусовского городка отмечено памятной доской, установленной краеведами 19 сентября 1990 г. Приводится её фотография [быль 2000, с. 40]. Ермаково войско отправилось в поход из нижнего Чусовского городка на сругах и плотях, часть дружины, по местным преданиям, двигалась по берегу [се страна, с. 132]. Максим Яковлевич Строганов принимал казаков в Верхнем Чусовском Городке вопреки утверждению Г. Ф. Миллера [55, с. 134–136].

А. А. Преображенский обращает внимание на то, что ещё в 1564 г. Строгановы сообщили в Москву о слухе, что сибирский салтан намерен идти на Москву [52, с. 7]. А. А. Дмитриев ссылался на челобитную великопермского воеводы Ивана Юрьевича Булгакова, посланную в июле 1572 г. со своим человеком Иваном Борисовым. Он доносил царю «о вестях про черемисский приход на торговых людей суды на Каме и о том, что 15 июня он получил письмо от строгановского человека Третьячка». В письме сообщалось, что черемис было 40 человек да с ними остяки, башкирцы и буинцы. Они побили 87 пермич, торговых людей и ваташиков. О том же писал Г. Ф. Миллер [32, с. 1–12]. Хроника боевых действий в Перми Великой представлена П. С. Икосовым, Ф. А. Волеговым, В. Н. Шишонко, А. А. Дмитриевым, А. А. Введенским. По региональному хронологу боевые действия велись в 1571, 1572, 1574, 1576, 1580 и 1581 гг. А. А. Введенский отмечает, что Строгановская летопись неправильно датирует набег мурзы Бегбелия 1581 г. В действительности он состоялся 22 июля 1580 г. [18, с. 35]. Поход Ермака решал системную проблему бинарной оппозиции «друг – враг» в актуальном контексте последней трети XVI в.

На недоказанности подлинного имени пельымского князя «Кихека» по другим источникам, кроме летописных, строится доказательная база неохронологии Р. Г. Скрынникова [58, с. 43–50, 153] и А. Т. Шашкова [64]. Ссылка

А. Т. Шашкова на неправильное чтение в Вычегодско-Вымской летописи, подобной «Изгвоздич» Бузуновского летописца, является недостаточным доказательством для обоснования неохронологии. Захоронение жителей Соли Камской, погибших от набега нагайских татар в 1547 г., отмечалось построенной усольцами деревянной часовней. Впоследствии на могилах располагалась Рождественская церковь. Этот набег 1547 г. ошибочно отнесен Р. Г. Скрынниковым к 1581 г. [9, с. 87]. Однако сибирские летописи, за некоторым исключением, как и Синодик, приводят классическую дату начала «сибирского взятия» – **7089 г.** Но ни Р. Г. Скрынников, ни А. Т. Шашков на Синодик Ермаковым казакам внимания не обращают.

Строгановская летопись основной редакции в первых 12 главах описывает события в пермских землях [56, с. 108–127]. Помимо летописи и точно пересказанных в ней царских жалованных грамот Строгановым описание пермских земель приводилось в писцовых книгах Ивана Игнатьевича Яхонтова и подъячего Третьяка Карпова (1579 г.). Однако подлинники этих книг сгорели во время пожара в Москве. А. А. Дмитриев, изучавший степень достоверности копий, сделал вывод о том, что у Строгановых была точная копия, но «объявить» её им было невыгодно и они постарались её затерять» [30, с. 19].

Сведения Строгановской летописи «о частых приходех бусурманских» [56, с. 108] отчасти подтверждаются археологическими материалами. Во время раскопок 1952–1953 гг. Орла-городка в слое второй половины XVI – первой половины XVII вв. «исследованы остатки бревенчатых изб и целых усадеб, огороженных изгородью, вкопанной в канавки, хором Строгановых, свайных оснований крепостных стен и башен рва». В городке обнаружены: соляные трубы, кузницы и другие хозяйственные постройки, а также оружие – копья, рогатины, наконечники стрел, накладки сложного лука, рукояти сабель, свинцовые пули, кремни от пищалей [47, с. 101].

Я. Беренников и М. Коршунов опубликовали царскую жалованную грамоту Григорию Строганову о построении Орла-городка (1564 января 2). В ней предписывалось устроить «...место крепко и усторожливо, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей. И пищальников, и воротников велел ему устроити собою для береженья от нагайских людей и от иных орд». Около городка позволялось сечь лес, распахать пашни, рыбу ловить и ставить дворы. В этой грамоте детально расписывались требования к строительству: «...стены сажень по тридцати. А с приступную сторону для низи и к варницам ближе в глины место каменем закласти» [33, с. 168–171].

В раскопках Орла-городка по описанию Г. П. Головчанского выявлены: «пушечные ядра, ядрышки от затинных пищалей, копья, рогатины, железные наконечники стрел, рукояти сабель, пищальные кремни (специально обработанные кремешки, устанавливаемые в замках пищалей и ружей: спусковой механизм ударял по кремню, высекалась искра и поджигала порох на «полочке» ружья, после этого происходил выстрел). Несмотря на то что оружие в то время могло быть произведено только на «государевых кузнях», Строгановы изготавливали его

в своих вотчинах. Об этом свидетельствуют бракованные ядра местной отливки, найденные археологами при обследовании Нижне-Чусовского городка» [61, с. 70].

Археологические раскопки в Пыскоре выявили древнее кладбище. Тут же была обнаружена русская монетка времён Ивана Грозного. Захоронения сделаны в первые десятилетия после основания Пыскорского монастыря. Здесь обнаружены погребения с признаками насильственной смерти. Найден уникальный косяной крест в могиле ребёнка, голова которого была пробита стрелами (отображён на цветной вкладке) [61, с. 39–40]. Пыскорскому монастырю принадлежал остров Побойщный. Дальнейшие археологические исследования выявили русский комплекс XV–XVI вв., что косвенно подтверждает изыскания Н. В. Никулиной в Чусовской вотчине Строгановых.

Общая площадь земель, пожалованных Якову Строганову, составляла около 4-х миллионов десятин с льготой по уплате налогов в течение 10 лет [47, с. 101]. Раскопки строгановских городков проводились в 1955, 1973, 1975, 1977 и 1995 гг. Отчёты о них имеются в Камской археологической экспедиции (г. Пермь). В. А. Оборин реконструировал планировку Нижнечусовского Городка (в настоящее время он затоплен водами реки Чусовой). Его кремль был обнесён стенами (диаметром около 546 м) с четырьмя башнями. Внутри располагались хоромы Строгановых (два каменных фундамента).

В целом подтверждается содержание 2-й и 3-й глав Строгановской летописи о строительстве Канкора и Кергедана, 4-й главы «О поставлении Чусовских городков», как и хронология военных действий в Пермском Предуралье, за исключением 1581 г. Укреплённые строгановские городки неприятель никогда не мог взять, как и крепости Чердыни и Соли Камской. Но городские посады, деревни, погосты и острожки разорялись неоднократно.

На строгановских землях в бассейне рек Чусовой и Сылвы кочевали вогулы, остяки и башкиры. Они занимались охотничьими и рыболовными промыслами [66, III, с. 215, 219–225, 247]. В царской грамоте «с прочетом» от 20 декабря 1581 г. написано: «А вогуличи живут блиско их слободок, а место лешее, а людем их и крестьяном из острогов выходу не дадут, и пашни пахати, дров сечи не дают же» [19, с. 62]. Строгановы вступили в конкуренцию с аборигенами за пушнину.

На берегах старицы Чусовой археологами обнаружены 15 сооружений, остатки нескольких деревянных срубов и мостовой (длина её – около 6 метров), сложенной из толстых плах, лежащих на длинных тонких лагах. Раскопки Г. П. Головчанского позволили локализовать фундамент часовни Трифона Вятского, описанный в его житии, где преподобный был сброшен с горы.

В Перми Великой Трифон Вятский появился не ранее 1565 г. Именно тогда Строгановы получили благословение митрополита на крещение инородцев. Два года продолжалась миссионерская деятельность преподобного среди язычников, которые занимались охотой, рыболовством, торговали со Строгановыми и другими русскими людьми. У преподобного были в запасе семена для приобщения

остяков к земледелию [35, с. 185]. Истовые подвиги Трифона (уничтожение заповедной ели остяков в 1570 г. и др.) вписывались в интересы Строгановых. Остяки хотели его убить, но опасались поспорить со Строгановыми. Сегментированные интересы разных народов вступили в жестокие конфликты, приведшие к боевым действиям. Например, 20 июля 7081 (1572) г. на память св. пророка Илии Строгановская летопись сообщает о нападении на царского посланника Третьяка Чебукова и служилых татар царевича Маметкула [39, с. 116]. Определение его родства с Кучумом является маркером текстологического взаимодействия списков сибирских летописей. В Строгановской он называется сыном Кучума (в действительности был племянником) так же, как и в Румянцевском летописце [57, с. 33]. На Пермской земле тогда не было объединяющих триггеров, чем и пытался воспользоваться Кучум в борьбе за ясак, который уходил к русским.

Исторические сведения Строгановской летописи и Румянцевского летописца дополняются житием св. Трифона Вятского. Одним из первых его источниковедческое исследование начал А. А. Дмитриев. Он особо отметил, что «7-я, 8-я главы жития раскрывают перед нами такие бытовые картины в прошлой жизни этой страны, каких мы не встречаем ни в одном из письменных источников о Перми Великой, имеющих большею частью деловой характер, каковы писцовые книги, царские грамоты и т. п. Тут мы знакомимся со своеобразным культом язычников-остяков и ясно видим их отношение к русским, тогда еще новым поселенцам в этих местах» [30, с. 27].

Житие Трифона показывает его знакомство со Строгановыми летописями. Примерно в 1566 г. в церкви Орла-городка случилась встреча Якова Аникиевича с Трифоном. Он просил блаженного о спасении своего сына, Максима: «понеже аз исперва имех дети многи, говорил он, и судьбами Божиими вси изомроша; ныне же единаго сына имею именем Максима, волею же Божиею и той изнеможе» [30, с. 23]. Максим исцелился, «... и оттоле познан бысть блаженный Иакову Строганову и сродникам его» [30, с. 24].

В июле 1570 г. беспокойный Трифон поселяется в устье Мулянки. Начинается его миссионерская деятельность. Житие показывает системность в освоении Строгановыми Пермской земли с учётом разнонаправленных интересов обитателей Пермского Приуралья и примыкающих к нему территорий. А. А. Дмитриев справедливо утверждает: «самая проповедь св. Трифона была, конечно, в интересах Строгановых: она могла способствовать большему сближению остяков с русскими и облегчить закрепощение их за новыми владельцами этих земель. Однако миссия св. Трифона была, по-видимому, делом его собственной инициативы, а Строгановы ловко воспользовались ею в своих практических расчетах, так как *прямого права занимать чужие земли они всё-таки не имели*» [30, с. 31]. Трифоновы подвиги – уничтожение языческого капища и просвещение остяков – совпадают с нападением черемисы (40 человек), с остяками, башкирцами и буинцами на Пермские земли в июле 1572 г.

В том же 1572 г. к Якову и Григорию Строгановым приходит Трифон и поселяется на вершине горы правого берега реки Чусовой. Здесь он поставил ча-

совню. Но в 1579 г. он по неосторожности сжег строгановские дрова. Тогда была «буря ветра велика», и Семён Строганов «зело гневом окоснев, сковати железными путы обложити». За это оскорбление преподобный пророчил ему самому страдания по «немнози времени» [60, с. 65]. Священник Василий Попов со ссылкой на местное предание утверждает, что Трифон был заперт в трехдневном заточении в одной из комнат с маленьким просветом в каменном строгановском доме. Он приводит разговор преподобного с вотчинником: «Разве ты не знаешь – я ... фон Строганов!», но «я – три фон Строганова» [55, с. 78]. Через три дня к Строганову приехал гонец из Москвы и объявил ему великий гнев царя. Так сбылись пророческие слова Трифона. По П. С. Икосову, Григорий и Яков Строгановы выехали в Москву по царской грамоте от 12 марта 1574 г. [34, с. 36]. Но молитвами преподобного гнев обратился в милость.

В 1580/81 г. Трифон уходит в Хлынов. События, описанные в житии и Строгановской летописи, в целом совпадают. «Позднее житие, – отмечает М. Д. Каган-Тарковская, – это биография хорошо известного человека. Отсюда большое количество событий из его жизни, переданных более или менее подробно» [36, с. 126]. Это житие подтверждает некоторые сведения Строгановской летописи. А. А. Введенский справедливо замечает, что эта летопись даёт правильные данные о роли Строгановых в организации похода Ермака [17, с. 3]. Семён же вставлен в текст опальной грамоты только в Строгановской летописи [18, с. 10].

Укрепленные строгановские городки неприятель никогда не мог взять, как и крепости Чердыни и Соли Камской. Но городские посады, деревни, погосты и острожки разорялись неоднократно. Это подтверждают и поздние городские летописи Соликамска. Летопись Богоявленской церкви в редакции Н. С. Белозёрова [14] и список, напечатанный А. А. Дмитриевым, не совпадают в датах. Например, № 4 под 7066 (1558) – 7065 (1557) в публикации, где сообщается о пожаре от молнии (в реальности он был позже). В авторском списке читаем: «4. 7066 (1558). В истории Сибирской летописцы повествуют, что при Каме жил весьма зажиточный человек **Михаил** Строганов. По царской жалованной грамоте Григорию Аникиеву сыну Строганову. И оными господами построен при Каме реке Орел-городок, для найденных там соляных жил, назывался прежде Кергеданом. Равным образом первый городок Строгановых, которой они по жалованной грамоте от 4-го апреля 1558 года при Каме построили, назван от них кангарка (у Дмитриева – Камгорт), сей городок Кангарка прежде строен был Кергедану, который ныне слово Орел-городок. А как они построили там монастырь, на оном городском месте, то к тому монастырю отдали ближние места все от реки Лысвы до речки Нижней Пыскарки, и имя камгорта пропало, ибо тот монастырь назван Переображенским на Пыскаре» (РО БАН 32.4.7, л. 6 об.).

Возможное объяснение имени «Михаила» находится в записи на рукописном Требнике XVII в. из Чердынского краеведческого музея, приложенном Д. Ф. Турчаниновым в женский монастырь соликамской Преображенской церкви. Этот Требник был переписан у священника «именитого человека Григория Дмитриевича Строганова ... **Михаила** Коровина» [4, № 4, с. 613].

Так пересказываются две главы Строгановской летописи. В опубликованном списке нет авторской пометы: «Зри ниже статью 1581» (л. 8 об.). После № 43 в соответствии со своей редакторской ремаркой Н. С. Белозёров приводит следующий текст, списанный из другого источника: «Набеги от вогулич на Пермские городы. 7. 7089. 1581. Августа 1 числа, около сего времени, хотя весьма бессильный народ, живущие в верхних местах реки Тавды, Вогуличи взволновались на Российские новостроющия в Перми городы, и набеги чинили, их предводитель жительство имел при реке Пелым, чайтельно на том месте, где после городок Пелым построен, почему он и Пелымским князцом называется. Он, перешедши Югорский хребет с великим множеством Вогуличей, новые строгановские поселения разорил по реке Каме, сжег множество деревень, увел с собою в полон знатное число жителей и набеги чинил осенью, и один из строгановских городков, по речке Чусовой, в осаде имел и прозьба была к Москве от Строгановых, Семена Аникиева и Максима Яковлева, дабы повелено было им из Чердыни, яко главного тогда в Перми города, прислать на вспоможение войска, и воспоследовала на сие прошение грамота 7090, писанная на Москве 1582-го года ноября 6-го дня».

Так, через посредство поздней городской летописи усольцы осваивали поморскую летописную традицию. Уже указывалось сходство текстов летописи Богоявленской церкви и П. С. Икосова за последнюю четверть XVI в. [11, с. 47–48].

Бузуновский летописец

Так называется сборник, найденный А. А. Дмитриевым в 1890 г. в крестьянской семье Иртеговых в деревне Родники (№ 32 из его собрания), когда он состоял инспектором народных училищ и по делам службы разъезжал по сёлам и деревням Пермской губернии [31. Вып. 5, с. 209]. А. А. Дмитриев издал «Сказание Сибирской земли» как неизвестный в печати памятник, писанный скорописью начала XVII в. На такую сибирскую историю ссылался Илья Черепанов [31, Вып. 5. Вступление, с. 209–211; текст, с. 213–220]. Из этого сборника опубликована Есиповская летопись четвёртого сокращения [56, с. 296–306]. Его состав описан [56, с. XXVIII–XXX].

Её представители Борис Михайлов сын и Митрофан Борисов сын оставили несколько владельческих записей на рукописи, особенно поусердствовал Борис: «Сия книга Половодовского волостного правления Харюшинской сотни крестьянина Бориса Иртегова» [56, с. XXX]. Тут же, на л. 48, фиксировался заем: «Дано Семену Маслову ржи полпуда».

Уникальный крестьянский архив изучал А. А. Преображенский [52, с. 197, 201–210]. В РГАДА удалось выявить не учтённые в историографии документы этого архива: заёмная кабала Ивана Иртегова Троицкому соборному попу Иакову Ефимьеву на пожню свою, что при речке Усолке 1628 г. (Ф. 281. Оп. 9. Д. 14403). Закладная Авдотьи Алексеевой Тупицыной Силе Андрееву Иртегову на пожню в Соликамском уезде 1640, апреля 26 (Ф. 281. Оп. 7. Д. 11304). Закладная Ильи и Ивана Силиных, Иртеговых Георгиевскому, что на Городище, церковному старо-

сте А. А. Герасимову на пожню в Усольском уезде 1641 г. (д. 11314). Известна запись на Служебнике, хранившемся в соликамской Преображенской церкви: «Лета 7181 г. марта в 28 день сменил сию книгу, глаголимую служебник, Покровские церкви староста Кирило Иванов Иртегов на казенные деньги и дал сменя рубль, по его Кирилову велению. Подписал сию книгу Покровские церкви дьячек Ванька» [66. III, с. 954].

Сборник в целом можно рассматривать как источник по историософии Пермского Приуралья последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. Представители крестьянского рода Иртеговых и сейчас живут в Перми. Пермская ветвь семьи Иртеговых началась с документа, подписанного В. Н. Берхом: «о причислении в пермское мещанство крестьянского сына Карпа Иртегова» к этому «никакого препятствия нет» (ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д., л. 109).

Н. Н. Новокрещенных описал своё знакомство с Дмитрием Петровичем Иртеговым 94-х лет: «Это типичный старик: он не пропустит мимо ушей ваших предположений, замечаний – всё это припутает к излюбленному прадеду Иртегу, и первоначально невольно поддаёшься этим сказкам, как бы преданиям» [46, с. 108].

Вариант Нового летописца (согласного со Строгановской летописью по вопросу о призвании казаков) – в «Общество археологии, истории и этнографии» при императорском Казанском университете [31. Вып. 4, с. 48]. Скопированный им текст отложился в его личном архиве (ГАПК. Ф. 597. Оп. 1 Д.).

Важно отметить, что сборник начинается со Строгановской летописи, завершённой главой о послании Ермаковой дружины в Сибирь и текстом жалованной грамоты Якову и Григорию Строгановым от 1 мая 7082 г. В конце её написано: «На подлинной сей копии подписались Соликамской провинциальной канцелярии князь Иван Черкасской. Секретарь Федор Швецов».

Так в тексте обнаруживается интерес к локальной истории, подтверждённый грамотой из канцелярии и недописанной до конца Строгановской летописью. Это подтверждается и следующим, тоже неоконченным, разделом сборника – «Краткой экстракт выбранный из жалованных грамот и указов...» Строгановым. Листы были утрачены до или после переплёта, за который, судя по записи, «отдано 10 копеек» [56, с. XXX]. На это же указывает двойная нумерация первых 22-х листов и вторых – 25-ти. Запись «Списал мещанин Соликамской Иван Смышляев» удостоверяется только пятью конечными строками [56, с. XXX]. Далее в сборнике следует «Сказание Сибирской земли» (лл. 18–23 об.), а затем – «Разные примечания: как зделать цыплят разных цветов. Как яйцо сварить в холодной воде» (л. 23 об.). Рукопись заканчивается сочинением Зотова о зачатии и рождении Петра Великого, объединённым с записками Матвеева о стрелецком бунте 1682 г.

В сборнике XVIII в. из собрания И. Е. Забелина обнаруживается ещё один сходный список, опубликованный Е. И. Дергачёвой-Скоп, с пояснением дефектного чтения «Извогдич» по списку, найденному А. А. Дмитриевым [39, с. 210]. По мнению Е. И. Дергачёвой-Скоп, Бузуновский летописец создавался в 1630-

х гг. «В его основу положен рассказ, близкий к Румянцевскому летописцу, но в своеобразной обработке, дополненной новыми фактами и слухами» [39, с. 93]. Е. К. Ромодановская обращает внимание на рукопись из ГИМ. В её составе определяется краткий Сибирский летописец (Близкий Бузуновскому) с особой концепцией «сибирского взятия» [53, с. 40].

Бузуновским летописец назван по владельческой записи: «Списал мещанин соликамской Иван Смышляев, сия книга города Соликамска мещанина же соликамского Афанасья Иванова Бузунова» (СПБИИРАН. Колл. 115. № 233, л. 17). Сборник нескольких почерков, 47 лл., в 4-ку. Водяные знаки: Тромонин, № 792 (1754 г.), герб г. Ярославля, «ЯМСЯ» (Клепиков, 1782 г.).

Сборник имеет записи, свидетельствующие, что его владельцами были крестьянин Борис Иртегов, соликамские мещане Иван Бузунов, Афанасий Иванович Бузунов; одна из записей датирована: «Сия книга мещанина Григория Бабинова, подарена 1815 года, августа 25 числа и подписана того же числа подлинно. Подписал мещанин Григорий Бабинов 1815 года августа 25 числа. Все эти данные позволяют утверждать, что сборник был создан в Пермском Приуралье.

В. В. Блажес полагает, что автор «Сказания сибирской земли» был знаком с рукописной и народной историей о походе Ермака. Он рассматривает текст в литературном плане, выделяя завязку, поэтически трансформированную информацию о борьбе с Пелымским князем: «Необходимо пояснить, что нападение Пелымского князя на чудовские владения Строгановых было в сентябре 1581 г., когда Ермак с казаками еще не прибыл с Волги; второе нападение, в котором участвовали не только манси, но и воины Кучума, было на Чердынь 1 сентября 1582 г. – примерно в этот день войско Ермака отправилось в Сибирь». [35, с. 246]. Вина перед царём определяет логику поступков Ермака. Путь в Сибирь напоминает пересказ устного источника потому что «автор, будучи жителем Прикамья, схематично представлял Средний Урал...» [35, с. 246]. Датировки событий приблизительно [35, с. 248].

Первым почерком в соликамском сборнике написана Строгановская летопись. Это чёткий, хорошо читаемый полуустав первой половины XVIII в. Его можно отнести к монастырскому скрипторию. Следующий за этим текстом «Краткий экстракт, выбранный из жалованных грамот и указов ...» (писанный тем же почерком) подтверждает наблюдение о монастырском происхождении соликамского сборника тем, что было много подобных перечней Пыскорского монастыря. Ныне они разбросаны по разным хранилищам. После перенесения монастыря из села Пыскор часть из них оказалась на рынке антиквариата. Большое количество документов объясняется непрерывными тяжбами монастырского начальства за земли в Пермском Приуралье.

Вторым почерком написано Сказание, кулинарные рецепты и сделана запись на л. 17 – это почерк Ивана Смышляева. Во второй половине XVIII в. в Соликамске одновременно жили два Ивана с одинаковой фамилией: один из них писался Иоанном (в третьем поколении был священнослужителем Рождественской церкви). В ревизских сказках 1782 г. он указан как «дьячек Иоанн Меркурьев Смыш-

ляев 28» (ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Д. 377, л. 769). Вторым Смышляевым был Иван Васильев сын. В числе других прихожан Богоявленской церкви в декабре 1804 г. он подписал свидетельство о добропорядочном поведении её священника, летописца и иконописца С. Н. Белозерова. На документе имеется его подпись: «Ивана Смышляева из себя прихожанин» (ГАПК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 237, л. 26 об.). В 1790–1793 гг. он служил на Крестовоздвиженском медном руднике (ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 214, лл. 163 об.–164).

Его семейное и имущественное положение фиксируется в тех же документах, где имеются сведения об отце Афанасия Бузунова. Семья попала в рубрику «таковые ж мещане черноработцы» под № 240. Иван Козмин Бузунов с сыном Афонасием и рожденным после ревизии Петром. 3 р. 60/4 коп.» (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1; д. 6, л. 51; д. 7, л. 79; д. 11, л. 1967). И. К. Бузунов был неграмотным. Об этом свидетельствует его доношение, полученное в Соликамском городском магистрате 9 марта 1784 г.: он дал в долг кирпичи священникам и старосте Николаевской церкви Ныробской волости: «... договор сорока тысяч. А за каждую тысячу рядил по два рубли по пятидесяти копеек, коей для свидетельства магистрату сему при сем представляю и по свидетельствованию выдать мне обратно, о чем прошу учинить милостивую резолюцию марта дня 1784 года. К сему доношению вместо Ивана Бузунова ево прозбой соликамский мещанин Вахутин руку приложил» (ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 26, л. 40).

Отец и сын Бузуновы в ревизских сказках 1791 г. значатся в разделе «Мещане черноработцы»: «240. Иван Козмин Бузунов с сыном Афонасием и рожденным после ревизии Петром». Их налог составлял 3. 60 ³/₄ руб. (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 5, л. 51). Там же, в разделе «кирпичики», переписаны: Лазарь Афанасьев Бузунов с детьми Иваном, Михаилом и Никифором; брат – Осип Козмин Бузунов с детьми Михаилом, Петром, Иваном.

В ревизских сказках 1792 г. указан Иван Козмин Бузунов с сыном Афонасием и налогом – 3. 23 ¹/₈ руб. (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 7, л. 79). В ревизских сказках 1793 г. Л. А. и О. К. Бузуновы (№ 134 и 135) записаны в разделе «Мещане же ремесленные иконописцы (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 6, л. 44), а И. К. Бузунов оказался в черноработцах (л. 51). В ревизских сказках 1795 г. в разделе «кирпичики» Афанасий Бузунов упомянут как умерший, «жена, вдова Евдокия Трофимова дочь, взятая соликамской округи верхотурской волости крестьянина Молкова», ей – 61 год (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 10, л. 113 об. и далее: дела 7–12 за 1791–1794 гг. – его налог был более 3 руб.).

Первые Бузуновы появились в Соли Камской в начале XVIII в.: «Иван Степанов сын Бузунов, а по сказке ево уроженец он Соли Вычегодской уезду, погоста Ланского крестьянской сын пришел к Соли Камской в С-м году ...». Он был неграмотным дедом Афанасия (РГАДА. Ф. 214. Д. 1511, л. 211). О нём записали: «Иван Степанов сын Бузунов, тритцати осми лет, у него жена, Ульяна Григорьева дочь, тритцати осми лет, у него ж детей: Алексей десяти, Козма четырех, Степан дву лет, Марко пятнатцати недель, две дочери, Лукерья четырнатцати, Авдотья двенатцети лет» (РГАДА. Ф. 214. Д. 1511, л. 47 об.).

2 ноября 1792 г. «Соликамский мещанин Иван Козмин Бузунов с находящимся в Соликамске от банковых горных заводов поверенным Васильем Замятиным договорился о том, чтоб находиться ему, Бузунову, в тех банковых заводах в разной пешей горной работе с платою за оныя против находящихся там протчих волнонаемных работников ... 6 рублей» (ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 214, лл. 26 об.–27).

Генеалогические изыскания помогают расширить источниковую базу изучения летописных памятников, уточнить их атрибуцию, показать, что к началу XIX в. происходит дальнейшая демократизация читательской среды посадской низовой литературы. Существуют её активные читатели, круг которых социально разнообразен. Образ Ермака актуализирует социальную память.

Сказание было известно Ф. А. Волегову. Он его включил в свою «Опись исторических документов о предках господ Строгановых и о Ермаке, покорителе Сибири». В разделе IX значатся: «1) Книга, глаголемая Новый летописец. 2) Сказание о Сибирском царстве. 3) Выписка из трех летописей соликамских граждан Арефиных и Лучникова – во многом сходных с Соликамским летописцем Г. Берха» (ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16, л. 39).

В письме от 20 марта 1833 г. В. А. Волегов сообщал брату, Федоту Алексеичу: «Николай Иванович Егонов говорит, что в Кунгуре, наверно, есть бумаги старинныя» (там же, л. 20 об.). Экстракт выписок мог происходить из вотчин Строгановых. Подобные рукописи встречаются в Пермском и Березниковском краеведческих музеях, государственном архиве Пермского края и фонде редких книг ГКБУК «Пермская государственная ордена «Знак Почёта» краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького». Судя по тиснению на корешке «60. Ф. В.», Федоту Волегову принадлежал Хронограф XVII в. из библиотеки Казанского университета [2, № 21367, с. 229–255].

Писарский список песни «Ермак взял Сибирь» хранится в личном фонде Ф. А. Волегова (Ф. 672. Оп. 1. Д. 16). В этом же деле под заголовком «Выписки из разных Писарских письменных летописей значатся: Новый летописец, Сказание о Сибирском царстве и выписки из соликамских городских летописей (л. 9).

Цикл историко-литературных произведений о «сибирском взятии», как и эпическая традиция, связанная со сборником Кирши Данилова, трудно приурочивается к конкретным географическим пунктам. Сказания, легенды и предания создавались, переписывались, пересказывались и читались в среде, подготовленной для их восприятия. Это традиции сложного состава. В них системно объединялись повести, летописи и фольклор о «сибирском взятии». В результате появлялись полифоничные произведения, где фантазии авторов и народное воображение неотделимы от реальных фактов прошлого. «Несмотря на то что каждое изустное предание чем-то отлично от текста «Ермак взял Сибирь», Киршею Даниловым, без сомнения, по-своему пересказана уральская (может быть именно чувовская) легенда, – отмечает А. А. Горелов. – По-видимому, и рассказ о спрятых в Змеевой горе сокровищах (на «Бузане-острове») того же происхождения». Исследователь делает вывод: в Бузуновском и Кунгурском летописцах,

Строгановской летописи и у Кирши сохранились черты уральских легенд XVII в. Этих сведений нет в других Сибирских летописях [25, с. 363].

Е. К. Ромодановская замечает, что пермское происхождение Ермака, его имя Василий подтверждаются фольклором. Все предания о юности казачьего атамана ставят его в давнюю связь с фольклором. Однако двинская версия происхождения Ермака тоже имеет право на существование [54, с. 144, 145].

Е. И. Дергачёва-Скоп определяет текст И. Бузунова как особый тип Краткого Сибирского летописца [28]. Исследования А. Г. Вовиной, основанные на огромном количестве списков, выявили текстуальную близость Краткого описания, Бузуновского и Нового летописцев. Только в них читается легенда о назывании Ермака князем сибирским [23, с. 63]. Важно отметить, что местные предания объединяют устные и письменные источники о «сибирском взятии». Эти выводы подтверждают предположение А. А. Введенского, развивавшего идеи А. А. Дмитриева о том, что Сказание возникло, примерно в то же время, когда создавались Есиповская и Строгановская летописи [19, с. 88].

Сложный состав текста Бузуновского летописца вынуждает исследователей искать выходы из тупиков интерпретаций, постоянно корректировать свои представления о тексте. Так, С. В. Бахрушин считал его переработкой Есиповской летописи. Его вывод развивала Е. И. Дергачёва-Скоп: «Несмотря на ряд неясностей и явных искажений, сведения этого летописца игнорировать не следует, но надо глубже разобраться в его истоках. Для нас ясно пока, во-первых, то, что эта летопись синтезировала сведения протографа Есиповской летописи и, вероятно, какой-то «устной» казачьей летописи, не связанной с официальной линией в летописании, – отсюда ряд компромиссных решений в изложении реальных событий. Во-вторых, эта «летопись» скорее всего была записана с «голоса» ... казачья летопись «Сказание о Сибирской земле» дополнялась книжными источниками по известным к тому времени летописям и была записана с устной передачи уже со всеми книжными источниками в XVIII. в.» [28, с. 115–116]. В Бузуновском летописце указывается прозвище Ермака – Токмак. Оно перекликается с сообщением Погодинского летописца [39, с. 60].

Есиповская летопись

За основной в издании сибирских летописей принят *сычёвский список* (РНБ, Q. XVII. 33) как наиболее полный и ранний из выявленных [57, с. 6–7]. В сборнике читается запись второго писца на л. 159 об: «Сия тетради Ивашка Андреева сына по реклу Сычева посадъцкого че[ло]века, а писал их своею рукою 7157-го году марта в 15 день» (1649 г.). Его же запись на л. 60: «Сие тетради о Сибири и сибирском взятии Ивашка Андреева сына по реклу Сычева усолца, а всего семь тетратей». На л. 1: «Книга именуемая летописец жителя Соли Камской, писан 7195 году». Читается также владельческая запись по лл. 1–6: «Сия книга летописец столника Ивана Ивановича Щепотева» (1687 г.). В тексте имеются читательские пометы. Н. А. Дворецкая выявила список, сходный с сычёвским [26, с. 469].

Стольник И. И. Щепотев послан на соликамские соляные промыслы «для описи и управления соляными заводами – без отказа под опасением штрафа» из Арзамаса вместо стольника Плещеева по указу Правительствующего Сената от 26 октября 1711 г. Сам И. И. Щепотев в челобитной 1710 г. просил переменить его в Арзамасе «за старостию» [66, III, с. 255–256].

Отец И. А. Сычёва, по данным переписи, входил в число лучших беспашенных людей Соли Камской. Он был приказчиком ярославца Г. Л. Никитникова, имел в совместном владении рассолоподъёмную трубу, впоследствии проданную [63, с. 262]. Сычёвы известны по записи на иллюминированном Уставе 1608 г. [12, с. 7, 12]. Известна купчая от 19 февраля 1664 г. Семёна Лаврентьева сына Сычёва игумену соликамского Вознесенского монастыря Никифору на пожни за Глотихою (РГАДА. Ф. 444. Оп. 576/1. № 11369, л. 237). Род Сычевых поминался в Синодике соликамской Богоявленской церкви (1690-е гг.) [37, № 23, с. 105].

В царской грамоте Алексея Михайловича соликамскому стольнику и воеводе С. Т. Кондыреву упоминаются межевые границы: «...с сычевыми детьми в межах...» [66, III, с. 177, 202]. Сенька Сычев известен по книге соликамского Вознесенского монастыря. Он был одним из составителей описных книг на земли Воздвиженской пустыни – «Сылвенские земли» [66, III, с. 320–327]. На челобитной 2 июля 1716 г. осталась подпись посадского человека Селиверста Сычёва. Тот же Сенька Сычёв был съезжей избы подъячим [66, III, с. 896]. В таких избах предьявлялись крепостные акты к записке в книги, в Соликамске отложились собрания таких актов. Съезжая изба на посаде была устроена в 1614 г. [66, II, с. 84].

В другом сборнике, написанном скорописью XVIII в., из «Обзора...» Н. А. Дворецкой (26, с. 469), заголовки Есиповской летописи совпадают с оглавлением сычёвского списка. Здесь же переписан «Летописец старых лет, что содеялось в Московском государстве». По листам 22–28 сделана запись: «Сия книга города Соли Камской Ивана Леготина». Часть известий Летописца старых лет восходит к Хронографу и Временнику. Текст издал А. С. Вологдин по списку, в котором приписки о пожарах могли принадлежать перу Третьяка (Ивана) Фёдоровича Рязанцева, сыну Фёдора Артемьевича Рязанцева, который, будучи городовым приказчиком, в конце XVI – начале XVII вв. управлял Хлыновым и производил «дозор» Успенского монастыря в 1601 г. Третьяк Фёдорович по царскому указу 1630 г. вызван в Москву, в суконную сотню, где мог познакомиться с Летописцем старых лет. Его текст приписан к принадлежавшей Рязанцевым Космографии. Летописец старых лет списан (РНБ. IV, № 219) с рязанцевского списка [24, с. 2, 3–4]. В Соли Камской по купчей 31 марта 1731 г. известен Яков Фёдоров сын Рязанцев (РГАДА. Ф. 281. Оп. 7, № 11455, л. 323).

Фамилия Рязанцевых распространена в Соли Камской и Хлынове. Интересно зафиксировать факт подписи на одном и том же документе (промемории Соликамской провинциальной канцелярии о церковнослужителях, давших присягу). Эта ведомость составлялась 3 января 1731 г. Её подписали: дьячок Иосиф Смагин (Государственный архив Кировской области, далее – ГАКО. Ф. 237. Оп. 81, Д. 54, л. 8) и соликамский посадский человек Иван Рязанцев (л. 9 об.).

М. В. Богданов, ссылаясь на Соликамскую летопись, упоминает двор Рязанцевых в известии 1753 г., но ссылку не приводит. Отмечает также, что в этом дворе проживал Яков Иванович с сыновьями – Иваном, Филиппом и Степаном. О Петре Филипповиче он сообщает по ссылке на ведомости цеховых 1792 г. (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 7, л. 70) [7, с. 3–4].

Двор Рязанцевых дважды упоминается в соликамской летописи Богоявленской церкви. В описании пожара 29 апреля 1753 г. «...у Рязанцева двора, близ винокуренной поварни» и следующего пожара 9 июля 1759 г. Тогда ночью сгорела улица у Богоявленской церкви «до Рязанцева ж двора, и в гору, вверх, по Вичигину и попа Иоанна Богоявленского Белозерова по старому двору» (РО БАН. 32.4.7, л. 18). П. Ф. Рязанцев вместе с автором и редактором летописи Богоявленской церкви занимался иконописанием. Н. С. Белозеров был женат на его младшей сестре. Этих двух иконописцев связывали не только партнёрские, дружеские, но и родственные узы.

П. Ф. Рязанцев оставил свои автографы на многих документах [10, с. 90–91]. Он избирался старостой главного городского храма – Святотроицкого собора (ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 40, лл. 415–415 об., 534. Д. 140, л. 17). В нём двоюродный брат С. Н. Белозёрова состоял священником. Сохранился рапорт № 143 П. Рязанцева от 22 марта 1784 г., где он просит «о зачете мещанством бывшему в соборе в старостах Ефиму Смирнову в очередь 1784 г.» (ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 26, л. 453).

П. Ф. Рязанцев баллотировался в городские депутаты от мещан (ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 49, л. 143). Он же «руку приложил» к сообщению от вновь избранного соликамского городского головы И. С. Лапина в 1790 г. (там же. Д. 60, лл. 92 об., 104). В том же году, 30 сентября, П. Ф. Рязанцев подписал опись кладбищенской церкви серебряных вещей (там же, л. 104). В ревизских сказках 1791 г. П. Ф. Рязанцев записан с Иваном и рождённым после ревизии Фёдором. Исчислен налог с них – 5. 41 $\frac{1}{4}$ руб. (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 5, л. 44). В 1793 г. под № 70 – П. Ф. Рязанцев с детьми Иваном и Фёдором платили тот же налог (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 6, л. 44).

В связи с ранней историей рода и принадлежавших ему рукописей важно отметить, что женой П. Ф. Рязанцева была «Анисья Михайлова дочь, того ж города старинная Бабиновых. 32-45» (Ревизские сказки 1795 г. – ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 10, л. 77). Он был старше её на четыре года. «У них дети, написанные в последнюю ревизию. Иван женат. 9–22. Алексей. 4 – умер 1792 году. Яков. 1 – умер 1789 году. Рожденные после ревизии Федор. 9. Иван $\frac{1}{2}$ года. У Ивана жена Дарья Борисова дочь. 22. Того ж города старинная Забелиных. У них подкидыш Анна. У Петра ж, мать родная Анисья Семенова дочь. 54 умре в 1788 г.» (лл. 77–77 об.).

По ведомости о мещанах 1795 г. иконописец с детьми Иваном и Фёдором уплачивал налог – 9.19 руб. (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 9, л. 50). В 1796 г. П. Ф. Рязанцев с детьми двумя Иванами и Фёдором платил налог – 9.18 руб. (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 11, л. 19 об.). А в 1797 году за тех же четверых – 9.9 руб.

(ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12, л. 65). В деле о требовании сведений об имеющихся в духовных пралениях иконописцев (7 февраля – 16 декабря 1778 г.) по доношению И. Котлецова епископу Вятскому и Великопермскому упоминаются не только П. Ф. Рязанцев, И. С. Швецов и Н. С. Белозёров, но и А. К. Рязанцев, иконописец и дьякон Сретенской церкви г. Хлынова (ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Т. 1. Д. 269, л. 26 об., 491). К 1789 г. относится план и фасад для постройки дома П. Рязанцева (ГАПК. Ф. 22. Оп. 2. Д. 56, лл. 1047–1048). Значит, дела шли неплохо.

Из рода Рязанцевых происходила жена соликамского летописца С. Н. Белозёрова, Татьяна Филипповна, младшая сестра Петра Рязанцева. В ревизских сказках 1782 г. указано: «Пономарь Семен Никитин Белозеров 24 г. У него жена Татьяна Филипова 21 соликамской умершаго мещанина Филипа Рязанцова дочь, взятая по родительскому с обеих сторон и брачащихся согласию. У них дочь Марфа 2 г.» (ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Д. 377, л. 765 об.).

Артемий Бабинов нашёл дорогу в Сибирь. За это царь Фёдор Иоаннович пожаловал его льготами, чтобы «...с его деревнишки из двора, что на посаде у Соликамской» никаких оброков с него не иметь (5 января 7125 (1617 г.). Подлинный список хранился у старшего врача Екатеринбургских заводов И. И. Генниха, который купил владения Бабина у его потомков [42, с. 21–22].

В составе сычёвского списка читается Новый летописец, представленный также в *дмитриевском списке* (СПБИИРАН, колл. 115, № 231) Есиповской летописи основной редакции (без первых шести глав и начала 7-й) [56, с. XVI–XVIII]. Этот сборник пермский историк А. А. Дмитриев нашёл в 1882 г. и «...передал академику Л. Н. Майкову для сличения с другими списками» Есиповской летописи [31. Вып. 4, с. 31]. Данный текст использовался в обоих изданиях сибирских летописей.

На этом сборнике конца XVIII в. имеются записи: 1. «Сия книга Соликамскаго посадцаго человека Василья Емельянова, писал своею рукой» (лл. 30 об. и 31 об.). 2. «Сия книга Соликамской Рождественской церкви дьячка Иосифа Степанова сына Смагина» (л. 30 об.). 3. «Соликамской посадцаго человека Василья Емельянова писал своею рукою» (л. 99). 4. «Сия книга Апокалеписис соликамской посадцаго человека Афонасия Потапова сына Труфакина 1712 году, февраля 2» (л. 33). В обзоре Н. А. Дворецкой и в описании сибирских летописей 1987 г. пропущена ещё одна запись: «А писал началны слова красные Родион Макушин» (л. 48).

В переписи Соликамска 1707 г. указано: «На посаде приходцкая церковь Рождества Христова деревянная, у тое церкви священники во дворе Федор Емельянов ... во дворе дьячек Осип Степанов сын Смагин, у него сын Егорей году» (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1511(1), л. 7 об.). У церкви 10 лавок на старинных местах (л. 9).

В переписи Соликамска 1710 г. дьяка Алексея Никеева [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1538] записано: «на посаде приходская церковь Рождества Христова деревянная. У той церкви священники во дворе Фёдор Емельянов ... во дворе дьячек Осип Смагин, у него сын Егорий году» (л. 5). Деревянная Рождественская цер-

ковь неоднократно горела и всякий раз выстраивалась на том же месте. В архиве этой церкви сохранились три грамоты епископа Вятского и Велико-пермского Александра и две патриаршие грамоты 1658 г. [66, III, с. 411–412].

В. Н. Шишонко отмечает: «Из хранящихся в нынешней Воскресенской или Рождественской церкви некоторых старинных актов видно, что в те времена соликамцы сильно дорожили местами, находившимися около собора и Рождественской церкви, – так что за право пользования ими они платили тогда известный оброк в казну. Дорожили же они, конечно, потому, что здесь ... сосредоточивалась тогда, равно как и ныне сосредоточивается, вся Соликамская торговля. ... Поэтому никак невозможно полагать, чтобы Рождественская церковь, после пожара 1657 г., построена была не на всем церковном месте» [66, III, с. 382]. Епископ Александр пересмотрел своё решение 1658 г. и через год простил соликамских посадских людей за то, что они проигнорировали его предписание – «...церковь поставили на старом и на новом месте» [66, III, с. 383, 411].

Игумены соликамского Вознесенского и Пыскорского монастырей освятили её под именем Воскресенской. С 1624 по 1636 г. этот храм посвящён Софии или Успению Богородицы, с 1636 до 1657 г. – только Успению; с 1752 г. – Воскресению Христову. Именно в Воскресенской церкви в 1803 г. старостой был Сергей Бузунов (ГАПК. Ф. 21. Оп. 1, Д. 255, л. 79).

В соликамском Лучниковском летописце под 1709 г. читается: «По челобитью Соликамского уезда Пыскорского монастыря подгорных священников стали образ привозить к Соли Камской Пресвятые Богородицы Одигитрии на праздник, на 9-ю неделю по пасхе, и стоять тому образу в церкви Рождества Христова седмицу, а в той год остановлено ходить вокруг по посаду в 9-й пяток, а ходить в воскресной день» (РО БАН. 16.5.19, л. 17).

По той же переписи 1710 г. на посаде отмечается двор «федоровский Емельянова». Здесь же упомянут «Иван Минин сын Емельянов 26 лет, у него жена Агрипина Филипова дочь 24 лет. У него же детей Василий дву лет, Михайло шти недель, у него ж брат Антон Артемьев сын Козицын четырнатцати лет да сестра родная девка Татьяна осмнатцати лет да работница девка калмыцкой породы Анна Иванова дочь четырнатцати лет. У него ж работник Кирилло Мартемьянов сын Коротаяев тритцати пяти лет. Холост кайгородского уезду деревни Гор крестьянин» (лл. 70 об.–71). Отец будущего автора владельческой записи явно не бедствовал.

Другой владелец рукописи оставил свой автограф в ведомости о присяге 3 января 1731 г.: «Дьячек Иосиф Смагин у присяги был и подписуюсь своеручно» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 54, л. 8). В Малом соликамском летописце рассказ о пожаре 23 июля 1743 г. заканчивается горестным указанием: «По Песянку все ж дворы згорели без остатку, а не горело толко по ростовщикову двору, да по двору дьячка Осипа Смагина ...» [РО БАН. 1.4.20, л. 6]. Церковная карьера дьячку не удалась. Более светлые перспективы открывались для его сына Фёдора, который был учеником, правда средним, известного вятского ритора М. Е. Финицкого [22, с. 100].

Очевидно, рукопись происходила из среды служителей Рождественской церкви, стоявшей у могил усольцев, убиенных от нагайских татар в 1547 г. Тут обычно начинался существующий и в наши дни крестный ход в «9-й пяток по пасце» (9-я пятница) [9]. В этой церкви хранились мощи святых и чудотворная икона. Рукопись расширяет наше понимание об историзме как компоненте системы церковно-приходской жизни.

Системное изучение «сибирского взятия» по записям переписчиков, владельцев и читателей рукописных сборников переменного состава из Пермского Приуралья показывает хорошее знакомство их с основным корпусом сибирских летописей.

Представленный в статье материал подтверждает вывод Д. С. Лихачёва: «В XVII в. происходит новое, очень значительное социальное расширение литературы. Наряду с литературой господствующего класса появляется «литература посада», литература народная. Она и пишется демократическими авторами. И читается массовым демократическим читателем. И по содержанию своему отражает интересы демократической среды. Она близка фольклору, близка разговорному и деловому языку» [40, с. 176]. «Сибирское взятие» в рукописной традиции Пермского Приуралья свидетельствует об освоении его жителями исторического мышления в его летописной парадигме, освящённой веками.

***

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. 3. 501 с. + 16 с.

2. Артемьев А. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1897. Т. 14. Вып. 2. Отдел 3. С. 1–66.

3. Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 363 с.

4. Бегунов Ю. К., Дёмин А. С., Панченко А. М. Рукописное собрание Чердынского музея им. А. С. Пушкина // ТОДРЛ. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 608–615.

5. Бегунов Ю. К. Обзор собрания древнерусских рукописных книг Пермского краеведческого музея // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. 4. С. 167–170.

6. Бегунов Ю. К. Обзор собрания древнерусских рукописей г. Перми // Die welt der slaven. Wiesbaden, 1970. С. 20 – 41.

7. Богданов М. В. Рязанцевы и православие // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории. Соликамск, 2015. С. 3–6.

8. Бординских Г. А. Оборонительные сооружения г. Соликамска (к вопросу о военно-политической ситуации на востоке России в XVI–XVII вв.). // Российское государство XVII – начала XX вв.: экономика, политика, культура. Екатеринбург, 1993. С. 20–23.

9. Бруцкая Л. А. Историческая память в соликамских крестных ходах XVI–XIX вв. // Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона. Березники, 1992. С. 86–88.

10. Бруцкая Л. А., Казаринова Н. В. Соликамские иконописцы последней трети XVII – начала XIX века // Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: история, культура, экономика. Березники, 1992. С. 90–91.

11. Бруцкая Л. А. Летописные источники «Истории...» П. С. Икосова // Строгановы и Пермский край. Пермь, 1992. С. 45–49.
12. Бруцкая Л. А., Мудрова Н. А. Книга в Соли Камской XVII в. // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь, 1990. С. 5–16.
13. Бруцкая Л. А., Кучумова Н. Н. Ермак: локальное осмысление противоречивого образа отечественной истории // Пермский сборник. Пермь, 2015. Кн. 3. С. 149–152.
14. Бруцкая Л. А. Христианство – религия историков: Белозеровы // Вестник Смышляевских чтений. Пермь, 2014. Вып. 6. С. 8–23.
15. Бруцкая Л. А. О «приходех бусерменских войною» на землю Пермскую // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Березники: Березниковская тип., 1994. С. 35.
16. Васильева А. В., Головчанский Г. П. Керамический комплекс городища Пыскор // Строгановские чтения. Березники, 2004. С. 60.
17. Введенский А. А. Аника Строганов в своём Сольвычегодском хозяйстве // Сборник статей по русской истории, посвящённых С. Ф. Платонову. Петербург: Огни, 1922. С. 90–113.
18. Введенский А. А. Купеческая вотчина Строгановых в XVI–XVII вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. 6 с.
19. Введенский А. А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Научные записки. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та, 1949. Т. 8. Вып. 1. С. 5–44.
20. Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII вв. Л.: Путь к знанию, 1924. 182 с.
21. Введенский А. С. Летописец старых лет. Памятник вятской письменности XVII–XVIII вв. Вятка: Публичная тип., 1905. 27 с.
22. Верещагин А. С. Самые старые студенты риторики в Вятской семинарии // Труды ВУАК. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. III. С. 97–104.
23. Вовина В. Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск: Наука, 1987. С. 58–69.
24. Вологдин А. С. Летописец старых лет. Что учинилось в Московском государстве и во всей русской земле в последняя времена // Труды ВУАК. Вятка, 1905. Вып. 4. Отд. 2. С. 1–27. Текст (8–27).
25. Горелов А. А. Трилогия о Ермаке из сборника Кириши Данилова (полемиические заметки) // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 305–378.
26. Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 462–482.
27. Дергачёва-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания. Концепция: материалы. Новосибирск, 2000. 94 с.
28. Дергачёва-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. 152 с.
29. Дергачёва-Скоп Е. И. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI – середины XVIII вв. Екатеринбург, 2000. URL: cheloveknauka.com/sibirskoe-letopisanie-v-obsherusskom-literaturnom-kontecste-kontsa-XVI-serediny-XVIII-vv (дата обращения: 15.10. 2018).
30. Дмитриев А. А. Критические заметки по истории Перми Великой XVI в. // Труды Пермской ученой архивной комиссии (далее ПГУАК). Пермь: Тип наследников П. Ф. Каменского, 1893. Вып. 2. С. 15–40.
31. Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1892. Вып. 4; Пермь, 1994. Вып. 5.

32. Дмитриев А. А. Роль Строгановых в покорении Сибири // ЖМНП. СПб.: Тип. В. С. Балашева. 1894. Январь. С. 1–45; Февраль. С. 243–286.
33. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией (ДАИ). СПб.: Тип. 2 отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1846. Т. 1. 400+18+14 с.
34. Икосов П. С. История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 г. Пермь: Тип. губернской земской управы, 1881. 187 с.
35. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII вв. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.: ил.
36. Каган-Тарковская М. Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII в. (жития Адриана и Ферапонта Мезенских, Трифона Вятского, Симона Воломского, Серапиона Кожеозерского, Арсения Новгородского, Никандра Псковского // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 49. С. 122–132.
37. Кириллические рукописи XV–XVII вв. в хранилищах Пермского края. Пермь: Пушка, 2014. 576 с.: ил.
38. Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в императорской археографической комиссии. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. 424 с. Издано 255 соликамских актов.
39. Летописи сибирские / сост. и переводчик Е. И. Дергачёва-Скоп. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1991. 272 с.
40. Лихачёв Д. С. Избранные работы. Т. 1. Развитие русской литературы. X–XVII вв. Эпохи и стили. Л.: ИХЛ, 1987. 260 с.
41. Майков Л. Хронологические справки по поводу 300-летней годовщины присоединения Сибири к Российской державе // ЖМНП. 1881. Ч. 217, № 9. Отдел 5. С. 21–36.
42. Макарий. Наказная грамота Соликамскому воеводе Богдану Лупандину о владениях Ортемки Бабинова. 16 июля 1617 г. // ВОИДР. М.: тип. ун-та, 1854. Кн. 20. С. 21–22.
43. Милованов, полковник. Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы // Горный журнал. 1856, № 1. Отдельно: СПб.: Тип. департамента внешней торговли, 1856. 70 с.: табл.
44. Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых в Сольвычегодске и на Урале во второй половине XVI – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 318 с.
45. Никулина Н. В. Память о Ермаке // Быль Чусовских городков. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. С. 35–41.
46. Новокрещенных Н. Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 107–141.
47. Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. 168 с.
48. Платонов С. Ф., Андреев А. И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Петербург: Гос. изд-во, 1922. Вып. 1. С. 26–37.
49. Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 352 с.
50. Покровский Н. Н. Афанасий // СКККДР. Л.: Наука, 1988. С. 73–79.
51. Покровский Н. Н. Латухинская Степенная книга – история единого государства Российского // Наука из первых рук. 2011. № 6. URL: <https://nsu.ru/a382dafufbd50eafdb8c8b1aесbe6594> (дата обращения: 01.11.2018).

52. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начала XVIII вв. М.: Наука, 1972. 392 с.
53. Ромодановская Е. К. О летописной части окладной книги Сибири. 1696–1697 гг. // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. Новосибирск: Наука, 1983. С. 93–45.
54. Ромодановская Е. К. Строгановы и Ермак // История СССР. 1976. № 3. С. 130–146.
55. Се страна Чусовская / сост. Будкин А. А., Никулина Н. В. Чусовой: Печатный двор, 2015. 198 с.
56. Сибирские летописи. СПб., 1907. XXVIII. 397. 20 с.
57. Сибирские летописи. Т. 36. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 382 с.
58. Скрынников Р. Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 82–100.
59. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука, 1986. 318 с.
60. Струминский В. Я. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца // Труды ПГУАК. Вып. 9. Пермь: Тип. губернской земской управы, 1905. С. 37–75.
61. Усолье: мозаика времён. Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2004. 319 с.
62. Устрялов Н. Именитые люди Строгановы. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1842. 129 с.
63. Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 336 с.: ил.
64. Чусовской земли устные летописи: краеведческий сборник. Чусовой: Печатный двор, 2012. 244 с.
65. Шашков А. Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского университета. 1997. № 7. Серия гуманитарные науки. URL: http://proceedings.usu.ru/proceedings/№7_97/koi&/03.htm (дата обращения: 01.10.1018).
66. Шишонко В. Н. Книги сошного письма Пермские. Письма и меры писца Ивана Игнатьевича Яхонтова да подъячего Третьяка Карпова 1579 г. с некоторыми пояснениями. Пермские губернские ведомости. 1878, 1879 гг. Отдельный оттиск: Пермь, 1879. 53 с. В. Н. Шишонко издал книги по копии, принадлежащей Н. П. Румянцеву, с рукописи, присланной В. Н. Берхом.
67. Шишонко В. Н. Пермская летопись. I–V периоды. Пермь, 1881–1889.
68. Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.

ПОСЛЕДНИЙ СКИТ КАРГОПОЛЬСКИХ СКРЫТНИКОВ
В Д. ЗАЛЕСЬЕ

LAST SKIT KARGOPOL UNDERLINGS IN THE VILLAGE OF ZALESYE

Статья посвящена археографической работе в Каргопольском районе Архангельской области сотрудниками БАН России А. А. Амосова и Н. Ю. Бубнова в 70–80-е гг. со старообрядцами-скрытниками и их наставниками (М. И. Залесский и др.), истории скрытнического движения в Каргополье, рукописным книгам, приобретенным для БАН в результате экспедиционной работы.

Ключевые слова: старообрядцы-скрытники, наставники старообрядцев, археографические экспедиции в Каргополье, экспедиционная работа А. И. Копанева, Н. Ю. Бубнова А. А. Амосова, скрытнические скиты.

The article is devoted to the archaeographic work in the Kargopol region of the Arkhangelsk region by the employees of the Library of the Russian Academy of Sciences A. A. Amosov and N. Yu. Bubnov in the 1970–1980 with Old Believers; underlings and their mentors (M.I. Zalessky and others); history of the secretive movement in Kargopol, handwritten books acquired for BAN as a result of expeditionary work.

Keywords: Old Believers, underlings, mentors of Old Believers, archeographic expeditions in Kargopol, expeditionary work of A. I. Kopanev, N. Yu. Bubnov, A. A. Amosov, secretive sketes.

О существовании в Каргопольском уезде общины бегунов-странников впервые стало известно В. И. Срезневскому в 1902 г., когда он посетил Каргополь в поисках древних рукописей, сохранившихся у местного населения. У православных священников, с которыми Срезневский общался во время своих путешествий, удалось получить для Библиотеки РАН несколько рукописей, написанных местными скрытниками (странниками) [11; 2, с. 52–54]. Однако войти в непосредственный контакт с представителями каргопольской общины археографу не пришлось.

Община странников-статейников сложилась в 1860 г. после обнаружения «статей» Никиты Семенова (Киселева) с изложением его учения о странничестве. Постепенно сформировалась иерархическая система управления общиной, во главе которой стоял выборный «преимуществ», живший в г. Данилове Ярославской губернии. На соборе, состоявшемся 20 июня 1895 г., было сформировано 5 округов (или «стран»): Ярославский, Вичугский, Вологодский, Каргопольский и Казанский [9]. Об общине странников в Каргопольском уезде писали местные краеведы К. А. Докучаев-Басков и М. И. Залесский. Исторический обзор гонений на местную странническую общину сделан в статье С. В. Кулишовой [8, с. 143–154].

Библиотека Академии наук РАН в 1965 г. возобновила археографическую работу в Каргополье. Уже в этом году сотрудникам БАН А. И. Копаневу и

Н. Ю. Бубнову при посещении деревень Каргопольского района удалось войти в прямой контакт с населением, связанным с членами скрытнической общины, и получить от них первые рукописи. В деревне Залесье мы посетили местную старообрядческую наставницу Е. С. Менших, которая передала в Академию наук несколько рукописей, в том числе «Виноград российский» Семена Денисова в списке XIX в. с биографиями местных старообрядческих мучеников [6, с. 200–201, 204]. В 1966 и 1967 гг. д. Залесье посещали сотрудники БАН М. В. Кукушкина и О. П. Лихачева, получившие там от местного населения еще несколько ценных рукописей. Однако в скрытнический скит им попасть не удалось [7, с. 309–326].

В д. Забиткино мы посетили Анастасию Дмитриевну, подарившую нам образцы своего искусства: листы незаконченной певческой рукописи Обиходника (46 л.), без включения крюковых нот, которую она писала в 30-х гг. XX в. [5, с. 204, № 58]. В Каргопольском краеведческом музее мы узнали, что в деревне Чертовицы живет историк скрытнического движения и сам бывший скрытник Максим Залесский (Смирнов). С Максимом Ивановичем археографам удалось наладить тесное общение. Он живо откликнулся на наше предложение о сотрудничестве с целью сохранения культурного (прежде всего письменного) наследия местной скрытнической общины, которая, как он хорошо понимал, переживает последние годы своего существования. Залесский подарил в БАН редчайшее «дофедоровское» «узкошрифтное» Евангелие, напечатанное в Москве около 1555 года, с владельческой записью 1568–1569 гг., красочную нотную рукопись письма странницы Клавдии Алексеевны Голдобиной, а также переписанный им самим труд страннического «преимущего» Александра Васильевича Рябинина «Нравственный цветник» [5, с. 200, 204, № 1 и №№ 59, 60]. Позднее, осенью того же 1965 г., и в последующие годы М. И. Залесский передал в БАН еще несколько рукописей из своей личной библиотеки и по нашей просьбе переписал свои собственные труды об истории скрытнической общины.

Скрытники (странники) принадлежат к самому радикальному крылу русско-го старообрядчества. Уходя «в скрыт», адепт должен полностью порвать родственные связи, уйти из родительского дома, отказаться от имущества, от брака и деторождения, обязаться вести «странническую» непорочную жизнь. Скрытники, как и все старообрядцы, не только не поддерживали связь с господствующим православием или с остальными старообрядческими толками, но и отказывались от контактов с государством. Они не имели паспортов, не должны были платить налогов, служить в армии, участвовать в переписях населения. При появлении в округе представителей власти скрытникам полагалось «бегать и скрываться», для чего были устроены специальные укрытия (пещеры, лесные сторожки). Некоторые наиболее радикальные члены общин отказывались брать в руки денежные ассигнации (с изображением «лика антихриста»), покупать что-либо в продовольственных магазинах или на рынках.

Согласно учению скрытников, в «последние антихристовы времена», которые переживает мир, спасутся немногие, «крыющиеся в пустынях и горах». И

именно таковыми они себя считали. Однако условий для выживания при соблюдении подобных требований ни в России, ни где-либо еще в мире объективно не существовало. Прежде всего потому, что для существования страннических общин необходимо было воспроизводство членов общины, постоянное обновление ее состава. Поэтому общиной допускалось существование института «благодетелей», с которыми скрытники вступали в общение. «Благодетели» полностью разделяли и поддерживали учение скрытников, а их самих возводили в ранг почти святых. В многодетных семьях местных каргопольских крестьян самого слабого мальчика, мало пригодного для тяжелого крестьянского труда, с детства предназначали отдать в «скрыт». Туда же отправляли бесприданниц, не сумевших выйти замуж. Богатые семьи «благодетелей» материально поддерживали страннические скиты, а скитяне-странники, в свою очередь, исполняли для них главные христианские обряды: крещение, отпевание, праздничные службы и др.

Надо отметить, что октябрьский переворот 1917 года странники первоначально готовы были признать. Им импонировала расправа большевиков с царским полицейским аппаратом, преследовавшим старообрядцев, их борьба с богатством и «уравниловка» в быту, воспринимаемая странниками как библейское «нищетолюбие». Но борьба властей с религией в любых ее проявлениях быстро отвратила странников от советской власти. Гонения на страннические общины быстро набирало силу. Особенно подорвала существование страннических общин коллективизация и репрессии против богатых крестьян-«кулаков». Все зажиточные крестьяне-«благодетели» были «раскулачены», сосланы или бежали в большие города. Страннические скиты лишились материальной опоры.

Когда археографы БАН в 1965 г. оказались в Каргополье, на территории района еще действовало несколько скрытнических женских скитов, в которых жили по 2–3 скитницы. Обычно это были уже немолодые женщины. Скиты существовали нелегально, хотя местные власти об их существовании знали. В скитах негласно допускалось легальное проживание лишь лиц, достигших пенсионного возраста. Женщина, пожелавшая жить в скиту, по скитскому уставу должна была порвать паспорт и пенсионную книжку, отказавшись тем самым от материальной помощи государства, и пройти годичный период испытания скитской жизнью.

Для посторонних людей найти старообрядческий скит и вступить в контакт с его обитателями было почти непосильной задачей. Даже бывший скрытник Максим Залесский, давно живший в районе, окруженном скитами, точно не знал их дислокации, так как скиты, вместе с их насельниками, часто «мигрировали», перемещаясь из одной деревни в другую. Когда в 1968 г. мы с А. И. Копаневым вновь приехали в Каргополье, то решили не останавливаться в гостинице, а (по примеру «странников») пойти пешком по берегу р. Онеги, заходя в маленькие прибрежные деревушки. В одной из таких деревень, войдя рано утром в незапертый дом, мы застали женщину, оказавшуюся монашкой-странницей, а ее помещение – «кельей», пристроенной к большому старинному дому. Страннице Марии Ивановне мы представились «странниками» и неожиданно для нас встретили приветливый при-

ем. Оказалось, что Марии Ивановне было ночное видение святого старца, который предсказал скорое появление в ее доме двух «светозарных» юношей, посланных с благородным поручением. «Исполни то, что попросят тебя светозарные юноши» – сказал ей старец. Наше, хотя и довольно поверхностное, знание веры и обычаев скрытников помогло нам не сделать пагубных ошибок в состоявшейся беседе со скрытницей. Не скрывая своей профессии историков и наших целей собрать и сохранить письменное наследие общины, мы уважительно говорили о вере и обычаях скрытников. Мария Ивановна проводила нас в нежилой родительский дом (который отстоял всего в километре от ее нынешнего жилища), где подарила для БАН несколько интересных рукописей [5, с. 447–449].

На следующий день мы обошли несколько окрестных деревень, в том числе и д. Залесье, и вновь посетили скит Анастасии Дмитриевны, незадолго до этого ставшей руководительницей местной общины. И на этот раз наставница в скит нас не допустила, но вышла на двор, беседовала с нами, разрешила себя сфотографировать и вынесла из скита и показала две красочные нотные рукописи “in folio”, написанные каргопольской скрытницей Голдобиной, похожие на уже подаренную нам Максимом Залесским рукопись этой «грамотницы». Нам Анастасия Дмитриевна подарила два небольших сборника своего письма, в том числе составленный ею в 1933 г. «Цветник» с выписками из учебника политграмоты [5, с. 454, №№ 74, 75].

Так случилось, что в следующий раз археографы БАН приехали в Каргополье лишь через 7 лет – в 1975 году [2, с. 262–266]. А. И. Копанев в 1971 г. перешел на работу в Институт истории РАН и более не мог участвовать в научных экспедициях БАН. В 1975 г. в Рукописный отдел поступил на службу молодой историк Александр Александрович Амосов, и летом мы с ним отправились в первую для него археографическую экспедицию. С нами поехала молодая сотрудница БАН Татьяна Макушкина (Ойзерман). Мы надеялись найти и посетить М. И. Залесского, переписка с которым прервалась в 1970 г., однако, как выяснилось на месте, ученый скончался в ночь на 1 января 1975 г., а остатки его архива и библиотека попали в Краеведческий музей Каргополя. От его сестры, скрытницы Фамаиды Ивановны, жившей в д. Чертовицы, мы получили 11 рукописей, в том числе лицевой Апокалипсис конца XIX в., а также дневниковые записи М. И. Залесского за 1928–1929 гг. Как вскоре выяснилось, умерла и наша знакомая наставница скрытнической общины Анастасия Дмитриевна, утонувшая в болоте, где собирала клюкву, а двух оставшихся престарелых странниц в скиту д. Забиткино опекает хозяйка скита из числа «благодетелей». Скитницы ведут строгую монашескую жизнь и с «мирскими» людьми не общаются. Хозяйка уверила нас, что книг в скиту больше нет. Местные жители сообщили нам, что еще сохранился действующий скит в деревне Залесье, с насельниками которого археографам БАН не удалось вступить в контакт в ходе предшествующих экспедиций. Еще в прежние годы у нас возникло подозрение, что в одном из скитов должна храниться библиотека страннической общины, найти и приобрести которую для БАН было бы очень важно для успешного изучения истории всего

скрытнического движения в России. Становилось ясно, что в последнем сохранившемся в округе странническом скиту может храниться такая библиотека [4, с. 133–143].

Когда члены экспедиции добрались до Залесья, местные крестьянки охотно проводили нас до небольшого домика-скита на краю деревни, где нас встретила скитница Фетинья. Когда я стал ей представляться, она заявила: «А я тебя знаю!» – «Откуда?» – спрашиваю я. Оказалось, что, когда мы с А. И. Копаневым 7 лет назад посещали скит Анастасии Дмитриевны и разговаривали с нею на пороге дома, Фетинья сидела у окна и хорошо нас рассмотрела, а по нашему уходу Анастасия Дмитриевна подробно пересказала ей весь состоявшийся разговор. Разговорчивая и простоватая монашка Фетинья жила в скиту в Залесье совсем одна и почти сразу признала, что ей поручено охранять оставшееся имущество и библиотеку общины. Как старый знакомый хозяйки, я представил ей моих молодых спутников А. А. Амосова и Т. В. Макушкину. Послушать нашу беседу с монашкой в скиту остались и местные крестьянки деревни Залесье, которые «так и сыпали» разнообразными вопросами. Надо было покормить участников «диспута», и я вызвался сходить с Татьяной за молоком в соседнюю деревню, где была дойная корова. Хозяйка вручила нам алюминиевый бидончик и показала дорогу, а Амосов, увлеченный разговором, остался в скиту. Купив у крестьян молоко и хлеб, мы на обратном пути попали под дождь и решили переждать его в кабине трактора, стоявшего среди поля. Я на минуту потерял бдительность, и Татьяна отпила немного молока из бидончика. Когда мы вернулись, Фетинья спросила нас: «Наверно отпили молока?» – и нам пришлось признаться в проступке – «Хоть бы из крышечки отпили!» – посетовала монашка. Наш проступок был непростителен: дегустировав молоко, мы, «внешние», «опоганили» посуду скита и хозяева, по скитским правилам, должны вновь «освятить» ее или вообще с ней расстаться.

Между тем в наше отсутствие диспут о вере в скиту еще продолжался. Едва дождавшийся нас «молчун» А. А. Амосов был весь «в мыле» от множества вопросов, на которые ему пришлось отвечать, рассказывая об исторической науке и искусно уклоняясь от прямых вопросов о нашей вере. Наконец мы проводили гостей, и нам удалось бегло осмотреть библиотеку, занимавшую целый шкаф в «светелке», оборудованной на чердаке. На нашу просьбу о передаче скитской библиотеки в Академию наук инокиня Фетинья отозвалась в общем положительно, заявив, что это деяние освободит ее от обременительной ответственности за сохранность книг, но она должна получить разрешение от наставницы общины Марии Ивановны, которую нам нужно привести в скит. Так мы узнали о том, что новой наставницей каргопольской скрытнической общины стала наша старая знакомая Мария Ивановна (Гринева), и исполнились надеждой на приобретение библиотеки. О нынешнем местонахождении наставницы матушка Фетинья не знала, сказав, что та изредка посещает скит. Мы с А. А. Амосовым решили идти на поиски Марии Ивановны, а Татьяну Макушкину оставили ночевать в скиту. В поисках наставницы мы посетили деревню Окуловскую на берегу Онеги, где ра-

нее был ее скит, но дом оказался закрытым. От местных жителей мы узнали, что Мария Ивановна живет «в миру» в селе Рождествено, «в услужении» у вдовца-коммуниста и воспитывает его детей: двух девочек-подростков. Переночевав в одной из прибрежных деревень, утром следующего дня мы пришли в село Рождествено.

Беседа с Марией Ивановной после семилетнего перерыва оказалась очень трудной и напряженной. Суровая скрытница понимала, что существование страннической общины под Каргополом приходит к концу и ей уже некому передать руководство скитами. Последняя ее попытка «завербовать» молодых девушек для скитской жизни, похоже, также была обречена на провал. Мария Ивановна, как и бывший странник Максим Залесский, понимала, что скитская библиотека с гибелью общины уже никому не будет нужна. Но если историк страннического движения Максим Залесский надеялся сохранить «для истории» культурные и духовные достижения общины, то для странницы Марии Ивановны сама мысль о передаче «внешним» людям на хранение культурного наследия общины граничила со святотатством. Беседуя с ней, как и в старые годы, мы старались убедить странницу, что Академия наук станет бережно хранить общинное наследие, что берет его не для «посмеяния», а «на вечное сохранение», для того, чтобы донести до потомков все духовные, нравственные достижения скрытников, раскрыть для них богатый внутренний мир «последних остальных», живших в миру, захваченном антихристом. Быть может, решая вопрос о передаче скитской библиотеки, странница еще надеялась и на возрождение святой иноческой жизни, как бы бросая через поколения якорь, зацепившись за который, можно вытянуть утерянное прошлое. Соглашаясь отдать святыне книги «в мир», она действовала по принципу: «даю не в подражание, а для знания». Мария Ивановна не пошла с нами в Залесье, но написала записку для старицы Фетиньи: «Этих людей я знаю, с книгами поступи так, как наставит Господь. Раба Божия Мария».

Обратно в Залесье мы шли по тракту пешком, так как было воскресенье и автобусы не ходили, а попуток тоже не было. По дороге нас остановили и окружили солдаты с ружьями, спрыгнувшие с подъехавшего грузовика. – «Проверка документов!». Оказалось, что из тюремного лагеря сбежали два бандита, взявшие с собой третьего заключенного в качестве «свиньи». Когда мы вернулись в Залесский скит, наш рассказ об этом «ужасном» происшествии на дороге заслонил перед местными жителями, снова собравшимися у Фетиньи, все иные темы для разговора. Женщины быстро разошлись, обсуждая, как им поступить, если голодные бандиты нагрянут в деревню и потребуют у них съестного. Избавившись таким «хитрым» способом от посторонних, которых не хотели посвящать в нашу археографическую миссию, мы рассказали матушке Фетинье об успехе наших переговоров и передали записку Марии Ивановны. Пока хозяйка читала и обдумывала записку, Татьяна рассказала нам, что провела бессонную ночь, так как бабушка несколько раз слезала с лежанки на печи, где спала, расталкивала девушку и просила все рассказать о себе и своих спутниках: Женатые ли? Коммунисты ли? Какой веры? Не блудники ли?

Не отвлекаясь более на долгие беседы, мы сложили в рюкзаки рукописи и книги, хранившиеся в скиту, и стали прощаться. К сожалению, всех книг взять с собой не удалось – мы могли взять только то, что могли втроем унести с собой: преимущественно наиболее ценные для нас рукописные книги. Хранительнице скита Фетинье мы сумели выделить из имевшихся у нас казенных сумм только 30 рублей. Согласно действующей в БАН инструкции о покупке книг у населения, необходимо было получить расписку продавца и заверить ее у представителей местной администрации. Ни того ни другого исполнить было невозможно, так как матушка Фетинья, по вере скрытников, жила «на нелегальном положении», без документов, а местные власти делали вид, что монашествующих скрытников в районе не зарегистрировано. При передаче денег монашка слезно просила нас считать, что мы даем ей «милостыню», а вовсе не покупаем у нее «святые» книги. Покидая скит, я мало надеялся, что забрать оставшиеся в скиту издания удастся в дальнейшем. Когда через год экспедиция БАН в составе Н. Ю. Бубнова и Т. В. Макушкиной вновь посетила Каргополь, скит в Залесье оказался уже заброшен, а оставшиеся книги увезены. Скрытница Мария Ивановна (Гринева) уехала в Ярославскую область, в с. Бурмакино, где тогда еще жили ее единоверцы [3, с. 269–273].

В конце 70-х гг. XX в. А. А. Амосов еще несколько раз посещал Каргополь, работая в местном музее с архивом М. И. Залесского. Последняя экспедиция археографов в этот район под его руководством состоялась в 1979 г. [1, с. 147–152]. В этот приезд удалось разыскать остатки архива М. И. Залесского, хранившиеся в домах его родственников, в том числе составленный им сборник документов и материалов по истории странничества (Каргоп. 350), получивший в БАН подробное описание [12, с. 408–412].

Предварительное изучение библиотеки скрытнического скита, найденного в Залесье, позволило А. А. Амосову выявить 32 рукописи XVIII–XX вв., включая ценные архивные материалы. Особый интерес вызвали свидетельства о существовании в скиту страннического скриптория, действовавшего с середины XIX в. по 30-е гг. XX в. Еще несколько рукописей, создание которых можно отнести к этому скрипторию, было найдено археографами БАН как в Залесье, так и в окрестных деревнях. Это многочисленные образцы (трафареты и прориси) книжного орнамента – миниатюр, заставок, инициалов, которыми скрытники украшали рукописи своего изготовления. Альбом прорисей (Каргоп. 284), а также отрывки и фрагменты неоконченных рукописей позволяют восстановить процесс деятельности книгописной мастерской, открывают возможность идентификации и определения многих неатрибутированных рукописей региона, таких как лицевой Апокалипсис (Каргоп. 287) и Иконописный подлинник (Каргоп. 164) [3, с. 266; 277, № 32].

Обзор этих и других лицевых и иллюминированных рукописей страннического скриптория был сделан В. Г. Подковыровой [9, с. 165–172]. По подсчетам А. А. Амосова, в Рукописном отделе БАН хранится 158 рукописей, поступивших из Каргополя благодаря усилиям В. И. Срезневского (эти рукописи хранятся в

составе Основного собрания БАН), а также 276 рукописей и 82 старопечатные книги, полученные археографическими экспедициями БАН в 1965–1980 гг. [2, с. 52–59]. Сформированное в Рукописном отделе БАН в 1965 г. Каргопольское собрание рукописей насчитывает ныне 404 единицы хранения. Значительная часть этих рукописей написана скрытниками или хранилась и использовалась в скрытнических общинах.

Община каргопольских скрытников вскоре стала для местных жителей светлой легендой. Потомки «благодетелей», поддерживавших почти столетнее существование общины, тепло вспоминали о ее последних представителях как о глубоко духовных людях, утешавших их в житейских трудностях и молившихся за них Христу и Богородице. Сотрудникам БАН, посетившим Каргополь в 2000 г. для участия в VI каргопольской научной конференции, были организованы встречи с жителями, помнившими последних представителей «странничества», показаны сохранившиеся скиты и пещеры, в которых странники скрывались при наездах в район царской полиции [13, с. 3–6].

Мы живем в эпоху глобализации, когда под влиянием цивилизационных процессов исчезают местные культурные особенности, среди которых нередко встречаются достижения высокого материального и духовного уровня. Зачастую эти достижения невозможно или слишком трудно адаптировать к ценностям переживаемой эпохи. Скрытническая община всю свою историю существовала под мощным прессом преследований со стороны церкви и государства и постоянно вырабатывала механизмы адаптации или противодействия враждебному окружению, что помогло продлить ее существование почти до конца прошлого века. Жизнь и деятельность общины, зафиксированная в документах, дает исследователям уникальную возможность изучения существования радикальной религиозной конфессии во враждебном окружении и взаимодействия средневекового религиозного самосознания с современным гражданским обществом.

***

1. Алексеева М. Ю., Амосов А. А., Морозов В. В. Археографические поиски и находки 1979 г. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII – первой половине XIX в. Л.: БАН, 1981. С. 147–152.

2. Амосов А. А. Археографическое обследование Каргополя. Итоги и перспективы. // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Часть II. Памятники старинной письменности. М., 1982. С. 52–54.

3. Амосов А. А., Бубнов Н. Ю. Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области (1975–1976 гг.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН. Л., 1966. С. 262–266.

4. Бубнов Н. Ю. Духовное наследие каргопольских странников // Христианство и Север. М., 2002. С. 133–143.

5. Бубнов Н. Ю., Копанев А. И. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН СССР 1965 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН. М.; Л., 1966. С. 200–201, 204, № 34. В 1966 и 1967 гг. д. Залесье посещали

сотрудники БАН М. В. Кукушкина и О. П. Лихачева, получившие там от местного населения еще несколько ценных рукописей. Однако в скрытнический скит им попасть не удалось.

6. Бубнов Н.Ю., Копанев А.И. Археографическая экспедиция Библиотеки АН СССР 1968 г. в Вологодскую и Архангельскую области // Сборник статей и материалов по книговедению. III. Л.: БАН, 1973. С. 447–449.

7. Кукушкина М. В., Лихачева О. П. Археографические экспедиции в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области в 1966 и 1967 гг. // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. II. Л.: БАН, 1970. С. 309–326.

8. Кулишова С. В. Странники и миссионеры в Каргопольском уезде // Христианство и Север. М., 2002. С. 143–154.

9. Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1996.

10. Подковырова В. Г. Иллюминированные страннические рукописи в составе Каргопольского собрания БАН России // Христианство и Север. М., 2002. С. 165–172.

11. Срезневский В. И. Отчет Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 г.). СПб., 1904. См. также: Амосов А. А. Археографическое обследование Каргополя. Итоги и перспективы // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Часть II. Памятники старинной письменности. М., 1982. С. 52–54.

12. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки РАН. Последняя четверть XIX – первая четверть XX вв. Каталог изданий и избранные тексты / автор-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2012. С. 223–228 и Прилож. № 15. С. 408–412.

13. Христианство и Север. М., 2002.

Т. Н. Бунчук, Е. А. Военушкина
T. N. Bunchuk, E. A. Voenushkina

**ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ГРАНИЦА» ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ
КОРНЕВОЙ ГРУППОЙ *STÖR- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**CONCEPT «LIMITS» BY ETYMOLOGICAL STEM GROUP *STÖR-
IN RUSSIAN LANGUAGE**

В статье представлены результаты исследования группы слов в русском языке, объединенных общим происхождением от древнего индоевропейского корня *stör-. Анализ слов был произведен с привлечением исторических, литературных и диалектных словарей. Было выявлено, что этимологическая семантика данного корня выражала древние представления об устройстве мира человека: ограничении пространства «своего» мира и его охране от потустороннего мира.

Ключевые слова: семантика, концепт, история слов, картина мира, этимология.

The article covers the results of the study focused on a group of Russian words with the same origin which is the ancient Indo-European stem *stör-. Historical, literature and dialect dictionaries were used for the analysis of the words. The study revealed that etymological semantics of this stem expressed ancient concepts of the human world structure: limiting the space of your own world and protecting it from the other world.

Keywords: semantics, concept, history of words, world picture, etymology.

1. Мир, отраженный в зеркале языка, представляет собой феноменологическое освоение и понимание действительности. Это понимание действительности отличается от его научного, объективного постижения. Мир, «увиденный» человеком и отраженный в знаках культуры, принято называть «наивной» картиной мира. Единицами феноменологической картины мира считаются концепты, лингвоментальные единицы, представляющие собой «кванты» знания человека о мире.

Важной составляющей частью картины мира является «языковая картина мира». Под «языковой картиной мира» понимается система мировидения, выраженная средствами языкового (вербального) кода, тогда как «картина мира» может быть представлена средствами и других кодовых систем – акциональной, вегетативной, цветовой, музыкальной и др. Для описания фрагментов языковой картины мира необходимо привлекать к анализу языковые единицы, вербализующие концептуальное понимание языковым коллективом того или иного фрагмента действительности.

Одним из методов извлечения концептуальной информации в процессе лингвистического исследования является метод концептуального анализа лексики, предполагающий описание и изучение слова в контексте культуры. Выявление культурно значимой семантики может быть осуществлено на основе изуче-

ния этимологии лексической единицы, установление внутренней формы слова, отражающей движение мысли наших предков.

Изучение слов одной корневой группы, учет и выявление лексико-семантической дифференциации синкретичной семантики этимологического корнеслова может способствовать восстановлению древнейшего представления о том или ином явлении. Этимологические данные помогают установить первоначальный смысл слова – его этимон (первичный образ), который соотносим с внутренней формой слова. Для описания концепта это очень важно, поскольку, как считает М. И. Чернышева, с помощью специфических лингвистических приемов, вроде реконструкции слова в праязыке, наука в силах реконструировать «первичные представления» и «первичную идею» слова [14, с. 100].

Для выявления первоначальной и возможно утраченной в данный отрезок времени в результате деэтимологизации семантики, но сохранившей свой «отпечаток» в вербализованных элементах концепта, необходима минимальная информация о происхождении слова, поскольку при анализе концепта первый этап – «этимологический анализ, который устанавливает эволюцию значений и становится средством реконструкции культурных моделей» [8, с. 38]. Следующим шагом к анализу концепта становится его описание в исторической последовательности, т. е. выявление исторической и, возможно, культурной мотивации семантики вербализаторов концепта, анализ их дальнейшего исторического развития в языке, а значит, и в концептосфере культуры данного народа [8, с. 38]. История слова помогает выявить и описать развитие концептуального осмысления реалии или явления.

Анализ семантических изменений в словах может дать представление о том, какие лексемы и с какими именно значениями, будь то в коммуникативной, номинативной или иной ситуации, представляли тот или иной смысловой компонент концепта. Е. С. Кубрякова пишет по этому поводу: «Само наречение преследует в конечном счете описание мира, а не только обозначение всего сущего. Соответственно, и в исследовании номинативной деятельности возникает задача охарактеризовать любую единицу номинации как удовлетворяющую требованиям и когниции, и коммуникации» [9, с. 327].

По замечанию Е. С. Яковлевой, «вербализаторы, представляющие концепт, обладают так называемой «культурной памятью» [15, с. 43]. Именно поэтому необходимы исторические данные, избирательно фиксирующие и сохраняющие какие-то существенные с точки зрения носителей языка представления и понятия – элементы картины мира [15, с. 43].

История развития концептосферы, отраженная в семантической истории лексико-семантической или корневой группы, может быть прослежена на основе наблюдения над развитием словообразовательных связей слов. Корневая группа может рассматриваться как набор альтернативных форм воплощения концептуального смысла, а отношения между элементами корневой группы – как отношения между вербализованными компонентами концепта, так как в диахроническом аспекте номинативная функция словообразования, по замечанию Е. С. Куб-

ряковой, «является собственно когнитивной. Она связана с выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах сознания и оценки мира» [9, с. 407]. Словообразовательные средства помогают закрепить новые «структуры знания».

Более того, наблюдения над корневой группой и историческим движением производных в ней, позволяют выйти на уровень «языкового моделирования» в процессе мышления. Производные слова являются компонентом словообразовательной модели, функционирующей в языке и регулярно воспроизводящей словообразовательные схемы, которые можно рассматривать как мыслительные схемы. По мнению И. А. Вотяковой, «способность человеческого мышления к языковому моделированию реализуется при помощи многочисленного, но в то же время ограниченного ряда словообразовательных типов, гнезд, моделей, что дает нам уникальную возможность проанализировать механизм репрезентации значимых реалий и знаний» [3, с. 53].

Таким образом, очевидна необходимость привлечения этимологических, исторических и словообразовательных данных для описания концепта в языковой картине мира, поскольку исследования такого рода позволяют выявить то, как вербализовался концептуальный смысл, и на языковом материале представить, как актуализировалось содержание концепта в сознании носителя языка.

2. Одним из важных концептов русской картины мира является концепт «граница». Этот концепт выражает понимание человеком мироустройства: мир представляет собой пространство, поделенное на части, одна из которых занята и освоена человеком, а другая остается «неведомым» и «невидимым» простором. Этому делению соответствует представление об оппозиции космос/хаос (культура/природа). Граница в этом случае является средством организации и структуризации пространства, с одной стороны, а с другой стороны, граница, находящаяся в непосредственной близости от «хаоса», представляется как носитель опасных, маргинальных свойств [12].

Такое понимание границы находит отражение в группе производных исторического корня *stōr-. Данный корень выражал важные для древнего человека понятия, что нашло воплощение в многочисленных производных, многие из которых, дестимологизировались и образовали собственные гнезда в русском языке – *простор, пространство, сторона, сторож, осторожный, стеречь, странный, странник* и др. В группе этимологических производных с корнем *stōr- условно можно выделить несколько смысловых компонентов, однако четкое разделение и отграничение этих компонентов не представляется возможным, поскольку однозначное «расщепление» экзистенциального смысла, важного для носителей русского языка, невозможно по причине синкретичной природы древней семантики корня. Тем не менее, проведя анализ значений производных данного корня в истории русского языка, мы выявили «пучки» смыслов, эксплицирующие понимание концепта «граница»: ‘положение за границей’ и ‘охрана границы’.

2.1. 'Положение за границей' как смысловой компонент концепта «граница»

Корнесловы *сторона*, *страна* и их производные *сторонник*, *посторонний*, *странный*, *странник* и т.д. вербализуют представления носителей русского языка о чужом, находящемся на другой, а не своей *стороне*, *пространстве*. Положение на другой части мироустройства мыслится как сверхъестественное, «нечеловеческое», ср. *потусторонний* 'мистический, загробный' (Ушаков: 3,662; МАС: 3,336; Кузнецов: 938).

А. 'Расположение за пределами своего места'. Мы обратили внимание на то, что само русское слово *сторона*, в том числе и его производные (*посторонний*), а также старославянские слова с корнем -стран-, изначально обладали признаком 'чуждости'. Кроме пространственного значения, которое преобладает в совокупности всей семантики этой лексемы, фиксируется элемент значения 'не свое пространство': *сторона* 'чужие люди' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 101); *сторона* 'чужбина' (Даль: 4, 335); *сторона* 'другое, чужое, не своё место, дом и т.п.' (Кузнецов: 1274); *сторона* 'чужие, посторонние люди', 'приемный, неродной сын, дочь' (СРНГ: 41, 245); *посторонница* 'постороннее, чужое' (СРНГ: 30, 233); *странь* 'чужестранец' (СРНГ: 41, 287).

В народной речи зафиксировано и довольно большое количество фразеологизмов со значением 'чужой, ненормальный, не такой, как все свои': *глаза в сторону* 'кто-л. сильно опьянел' (СРНГ: 41, 246), *смотреть по сторонам* 'о невнимательном, рассеянном человеке' (СРНГ: 41, 246), *кто-л. к этому делу сторона* 'кто-л. не имеет отношения к чему-л.' (СРНГ: 41, 246), *на левую сторону мозги* 'о том, кто плохо соображает' (СРНГ: 41, 246), *пойти, пошел и т. п. в другую сторону* 'сбиться с пути, изменить свое поведение в плохую сторону' (СРНГ: 41, 247), *сторону держать* 'изменять жене, мужу' (СРНГ: 41, 247).

В русском литературном языке также отмечается такое значение слова *сторона*: *в стороне (стоять, держаться и т. п.)* 'не принимать непосредственного участия в чем-л.' (МАС: 4, 276), *на сторону (сбыть, продать и т.п.)* 'посторонним лицам, без законных оснований' (МАС: 4, 276), *взять невесту со стороны, гулять на стороне* 'изменять мужу, жене', *продать, сбыть, стащить на сторону* 'продать и т.п. в другое, незаконное место, получив выгоду' (МАС: 4, 276).

Может показаться противоречивым, что в совокупности значений лексемы *сторона* выражается идея именно чужого пространства, тем более что нейтральное обобщенное значение 'область, страна, местность' отмечается уже в древнерусском языке (Срезневский: 3, 525; СЛ. XI–XVII вв. 28: 99). Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что для указания на другое, «свое» значение слова в русском языке требуется лексический маркер – притяжательные местоимения «свой», «наш»: *И птица свою сторону знает (любит)*; *У нас так в стороне все не так! Как мы будем отвыкать от Уралушки-реки, ить свою стороне*; *У нас-то на стороне как рожь родится!* (СРНГ: 41, 245). Это значит, что для актуализации пространственного значения 'в пределах своей границы', которого исконно, возможно, не было в корнеслове, требуется специальное лексиче-

ское уточнение, тогда как сема 'чужой' может реализоваться в употреблении слова *сторона* свободно.

Такое употребление слова говорит о том, что *сторона* изначально не обладала семантикой заселенного, обжитого пространства. Как замечает В. Н. Топоров, *место* и *пространство*, в т. ч. *сторона*, являют собой противоположные для человеческого восприятия элементы мироздания, потому что *место* обладает формой, а *пространство*, *сторона* не обладают ни формой, ни содержанием. Пространство как бы бесконечно, поэтому его необходимо осваивать. *Пространство*, *сторона* – это хаос, неорганизованная, непригодная для жизни субстанция в отличие от *места*, территории, включающей в себя все, что находится внутри *пространства*. Организованное, понятное, системное – это *место*. Оно важно для человека, поэтому помечено, выделено и воспринимается как некий сакральный центр [12].

Б. 'Некто, находящийся по ту сторону границы'. Этот смысловой компонент, характеризующий субъекта, находящегося за пределами границы, прежде всего обнаруживается в производных от корней *-сторон-* и *-стран-*: *сторонний* 'чужой', 'принадлежащий постороннему', 'другой, не принадлежащий своим' (Срезневский: 3, 526; СЛ. XI–XVII вв. 28: 103), *сторонник* 'чужестранец' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 103); *страньникъ* 'чужеземец' (Срезневский: 3, 537; СЛ. XI–XVII вв. 28: 129; Даль: 4, 335) *страньный* 'чужестранный, иноплеменный', 'чужой, иной области', 'чуждый', 'относящийся к чужому' (Срезневский: 3, 540; СЛ. XI–XVII вв. 28: 133), *странский* 'из чужих стран' (Даль: 4, 335). В XIX в. к корню *-стран-* добавляются новые, уточняющие значение 'чужой' префиксы и префиксоиды: *иностранный* 'чужой, другого государства' (Даль: 2, 46), *чужестранный* с тем же значением (Даль: 4, 613), *посторонний* 'чужой', 'иностранный' (СЛ. XI–XVII вв. 17: 248; Даль: 3, 346; Ушаков: 3, 641; МАС: 3, 324; Кузнецов: 938). Такая лексико-словообразовательная конкретизация корня может свидетельствовать об изменении семантики корней *-сторон-* и *-стран-*, что, возможно, было обусловлено смысловой трансформацией концепта.

С принятием христианства в производных с анализируемыми корнями развивается религиозная семантика: 'находящийся за границей, чужой' – 'субъект не христианской, иной, чужой веры'. Показательно, что значение отмечается только в производных старославянского слова *страна*: *странник* 'иноверец' (Срезневский: 3, 537), *странский* 'языческий', *иностраниец* 'иноверец' (СЛ. XI–XVII вв. 6: 243).

Дальнейшее развитие смыслового компонента 'находящийся за границей, чужой' обнаруживается в появлении семы 'юродивый, уродливый, маргинальный' в обеих корневых группах *-сторон-* и *-стран-*.

В группе *-стран-* можно назвать такие производные – *странник* 'калека, живущий на подаяние и находящийся под покровительством церкви' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 103), *странный* 'отвратительный, зазорный' (Срезневский: 3, 541; СЛ. XI–XVII вв. 28: 133), *странство* 'нищенство' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 136), *странствовать* 'нищенствовать Христа ради' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 136), *странь* 'негодяй'

(Даль: 4, 335). В XX и XXI вв. в значении слова *странный* остается лишь сема 'необычный' (Ушаков: 4, 538; МАС: 4, 276; Кузнецов: 1276). В группе *-сторон-* это слова *сторона* 'нелюдимый, дичится людей', 'хилый, болезненный, либо урод, собирающий подаяние' (Даль: 4, 331).

Обращает на себя внимание тот факт, что слова корней *-стран-* и *-сторон-* выражают восприятие субъекта, не принадлежащего к кругу языкового коллектива: это тот, кто принадлежит миру за границей, материальной или духовной. Вследствие этого он наделяется свойствами чужого, как правило, негативными. Однако этот субъект проникает в мир «своих» (переходит через границу) и поэтому включается в «человеческую коммуникацию», занимая, однако, пограничное (маргинальное) положение. Такими признаками наделялись странствующие нищие, не принадлежащие тому обществу, где они просили милостыню, калеки (уроды) и юродивые.

Известно, что в Древней Руси существовал культ юродивых, отношение к которым было неоднозначно в обществе: «Противоречивость юродства очень четко осознавалась в Древней Руси и была зафиксирована даже стилистически входящем оксюморе «мудрейшее юродство» [10, с. 86]. В. Долгов заметил, что причина амбивалентности лежит в разных сферах: «в религиозно-церковном дискурсе доминирует положительная оценочность, в обыденном дискурсе – отрицательная» [5, с. 18], что соответствует бинарной оппозиции сакральное / профанное, характерной для носителей мифологического сознания.

Такое отношение к юродивым нашло отражение в значении слов с корнем *-стран-*. В словарях фиксируются противоположные значения – 'маргинальное, уродливое' и 'чудесное, необычайное'. Характерно, что положительное значение выражается словами с церковнославянским корнем *-стран-*: *странный* 'удивительный, непостижимый', 'необычный' (Срезневский: 3, 541; СЛ. XI–XVII вв. 28: 133; Даль: 4, 335), *страннолепотный* 'чудесный' (Срезневский: 3, 538; СЛ. XI–XVII вв. 28: 130), *странноявленный* 'необычайный' (Срезневский: 3, 540; СЛ. XI–XVII вв. 28: 133), *страннослышать* 'слышать чудесные речи' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 133).

Подтверждением тому, что значение 'чудесный' имеет религиозное, «книжное» происхождение, является то, что в русских народных говорах положительная оценка в лексемах с анализируемым корнем не отмечается: *страниться* 'становиться лентяем, неряхой' (СРНГ: 41, 285), *странь* 'о слабоумном', 'о ленивом', 'о мерзавце' (СРНГ: 41, 287).

В. 'Переход через границу'. Производные анализируемой корневой группы развивают семантику действия исторического корня *stǫr-. В русском языке этот семантический элемент в большей степени развит в значении слов со старославянским корнем *-стран-*, поскольку паломничество как явление берет свое начало в христианской культуре, официальным языком которой был церковнославянский, поэтому многие слова с религиозной семантикой получили свое развитие в производных именно от этого корня. Например, слово *странник* обладает значением 'паломник', 'путник, скиталец' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 129; Срезневский: 3,

537), *странствие*, *странство* ‘скитание, паломничество’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 136), *странствовать* ‘путешествовать, паломничать’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 129; Даль: 4, 335). В XIX в. фиксируются глагольные производные, обозначающие только путешествие: *остранствовать* ‘объехать все части света’ (Даль: 4, 516), *чужестранствие* ‘путешествие’ (Даль: 4, 613).

В истории русского языка отмечены старославянизмы, имеющие семантику паломничества, странничества и отражающие отношение общества к таким людям: странников было положено принимать с почетом, однако не так, как «своих», а выделять их особо. Такое отношение к странникам обусловлено, возможно, отношением к гостям в традиционной культуре: гость – это пришелец из другого мира, где обитают предки (ср., например, слово *погост* в значении ‘церковь с кладбищем’, ‘покойник’ (СРНГ: 27, 309). Поэтому гость (*странник*) наделялся особыми свойствами и сверхъестественными (чудесными) способностями. Такие параллели между гостем и странником в народной культуре находим в производных с корнем -стран-: *странноприимница* ‘гостиница’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 132), *странноприятие* ‘готовность принять странников’ (Срезневский: 3, 539; Даль: 4, 336), *странноприимство* ‘принимание странников’ (Срезневский: 3, 539), ‘предоставление приюта странникам, гостиница’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 132), *страннолюбец* ‘гостеприимный хозяин’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 131), *страннолюбие* ‘странноприимство’ (Срезневский: 3, 538), ‘готовность принимать странников, гостеприимство’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 130), ‘*страннопогребательница* ‘кладбище для странников’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 130) (ср. *погост*) и т. д. Таким образом, путешествие воспринималось как перемещение из своего мира в чужой и наоборот. Поэтому *странники*, по сути, это маргинальные субъекты, опасные, пришедшие с чужого пространства, пересекающие границу разных миров. Однако в поздней культуре благодаря религиозному смыслу и восприятию *странников* как людей святых и почитаемых, в целом положительных, исконное отрицательное восприятие путешественника меняется на прямо противоположную оценку.

Представление о «чужом» у носителей русского языка складывается из двух аспектов: во-первых, древнее, дохристианское восприятие *стороны*, характеризующееся враждебным, настороженным отношением к тому, что находится за границей; а во-вторых, религиозное восприятие *страны*, связанное с культом родства на Руси, с паломничеством как выразителем духовного подвига.

В корневом гнезде с вершиной *сторона* значение ‘путешествие’ редко и отмечено лишь в древнерусском языке: *сторонник* ‘странник’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 103).

Тем не менее сему ‘переход через границу’ в производных с корнем -сторон- можно обнаружить косвенно в группе слов, связанных обозначением одной из частей печи: *посторонка* ‘вьюшка, заслонка у печной трубы’, ‘дверца, закрывающая отдушину печной трубы’, ‘углубление в русской печке, закрывающееся дверкой’ (СРНГ: 30, 233), *посторонок* ‘дверца у отдушины печной трубы’, ‘углубление в русской печке, закрывающееся дверкой’ (СРНГ: 30, 233), *постороночка* ‘верхняя дверца у печки’ (СРНГ: 30, 233), *посторонушка* ‘заслонка у

печной трубы' (СРНГ: 30, 233). Во-первых, обращает на себя внимание, что все эти производные связаны с обозначением преграды в отверстии (заслонки, дверцы), которое символически может пониматься как путь через границу миров. Во-вторых, это части печи, в мифологическом сознании сакрального объекта, наделенного функцией границы, защищающей и оберегающей от чужого, нежилого пространства; печь выступает как своеобразная перегородка между своим и чужим пространством. В свою очередь, объекты мира, связанные с границей, рубежом между мирами, связаны со смертью и рождением, а также процессом перехода из одного мира в другой. В этом плане представляется не случайным, что словом с корнем *-сторон-* обозначается печная заслонка, которая, например, играла значительную роль в похоронном обряде: «Когда человек умирал, открывали заслонку трубы, которая мыслилась как путь для души» [1, с. 164].

2.2. 'Охрана границы' как смысловой компонент концепта «граница»

'Охрана границы' – еще один важный смысловой компонент в корневой семантике группы *stǫr-, эксплицирующий концепт «граница» в русской языковой картине мира.

Вершинами корневых гнезд, от которых образовались слова, выражающие эту идею, являются *сторож* и *страж*. Проследив эволюцию значений словообразовательных гнезд с вершинами *сторож/страж*, мы отметили, что, несмотря на появление новых значений, в своей глубинной семантике они сохраняют исконную – 'охрана своего места, соблюдение границы в неизменности'.

Слова *сторож* / *страж* по своему происхождению являются общеславянскими (Фасмер: 3, 768). Прослеживается родственная связь корня *stǫr со словами *сторож*, *сторожить*, *стеречь* и *стерегу*. Их пракорни в условной реконструкции *figura etymologica*, когда глагол и имя в одном выражении имеют одну этимологию [13, с. 284], в индоевропейском периоде выглядят как *stor-g & *ster-g- & *stor-n- («сторож сторожит/стережет сторону») [12, с. 34]. *Сторож/страж* – это субъект, который осуществляет охрану границы, он бдит, чтобы *потустороннее* не проникло в этот мир. Он следит за тем, чтобы никто не явился с другой *стороны*. Одновременно сторож и его наличие в определенном месте – это знак, сигнал освоенности пространства. Часто этот знак, находящийся в центре *места*, становился пространственно организующим предметом: «речь идет о шестах, высоких деревьях (возле жилья) или других или других вертикальных конструкциях...» [12, с. 21], которые исполняли роль сигнала освоенности и, соответственно, защищенности места.

Двойственность семантики слова *сторож* как вербального репрезентанта и смыслового компонента концепта «граница» подтверждает ее амбивалентность: здесь одновременно проявляются свойства защиты своего и лиминальности (состояние порогости и маргинальности). *Сторож* – это тот, кто внутри определенного пространства следит за переходной зоной – границей, из-за которой нечто может проникнуть. Значит, сторож – это тот, кто может взаимодействовать с другой стороной и в определенной степени перенимать свойства «чужого».

А. *‘Лицо, охраняющее границу’*. Производные с корнями -сторож- сохранили исконное значение субъекта по его действию: *сторож* употреблялось в значении ‘лицо, охраняющее что-л.’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 95) и ‘привратник’, ‘караульный’ (Срезневский: 3, 522-523). В народной речи отмечается большое количество словообразовательных вариантов производных со значением ‘охранник’: *сторожатель* (СРНГ:41, 238), *сторожатый* (СРНГ:41, 238), *сторожей* (СРНГ: 41, 238), *сторожитель* (СРНГ: 41, 239).

Корневое гнездо с вершиной *-страж-* также обладает значениями ‘охрана как процесс’ и ‘охранник как субъект’, поскольку и для него характерна неразделимая семантика корня-синкреты. Так, слово *стража* одновременно обладает значениями ‘охрана, действие по гл. стеречь’ и ‘вооруженная стража, стражники, несущие караул’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 123), ‘охрана’ и ‘стража, караул’ (Срезневский: 3, 533). К тому же лексема, грамматически выраженная существительным, обозначает действие, что также говорит о неразрывной связи *стража* как субъекта и как действия: *стражь* со значениями ‘тот, кто стережет, охраняет, хранитель, сторож’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 123), *стражьба* ‘охрана, защита’, ‘забота, попечение, оберегание’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 124), ‘забота, наблюдение’ и ‘стороженье’ (Срезневский: 3, 534), *страждьба* ‘охрана, защита’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 125).

Сторож – это тот, кто охраняет опасную переходную зону стыков пространств, поэтому он также наделяется свойствами опасного существа. Об этом, как кажется, может свидетельствовать диалектная лексема *сторожок* ‘цыпленок, вылупившийся из яйца раньше всех’: *Вышел один сторожок, отсади сторожка* (СРНГ: 41, 243). Мотивацию такого наименования можно интерпретировать следующим образом. Первый цыпленок, условно говоря, пересекший границу между чужим и своим миром, в какой-то мере обозначивший ее, появившись на свет раньше всех, представляет угрозу для остальных, его надо опасаться (*сторожиться*). По народным представлениям, первый (как и последний) наделяется особыми качествами. Первым является демиург, т. е. тот, кто устанавливает границы, он обладает сверхъестественными способностями и поэтому опасен. Такая символическая семантика, возможно, определила название и отношение к птенцу – его отсаживали от остальных, еще не вылупившихся цыплят.

О том, что в лексическом значении слов с корнем *-сторож-* есть сема ‘тот, кто устанавливает границы, а значит, измеряет стороны своего и чужого’, может свидетельствовать диалектное производное *сторóжек* в значении ‘палочка, используемая в качестве мерки при вытесывании лодки’ (СРНГ:41, 239), *сторожок* ‘стрелка весов’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 95), *сторожькь* ‘стрелка весовая’ (Срезневский: 3, 522), *сторожок* ‘приспособление для фиксирования показаний в измерительных приборах (тех.)’ (Ушаков: 4, 536).

С появлением государств граница становится политическим средством разделения разных государственных территорий. В соответствии с этим смысловым компонентом оформились следующие значения, связанные с представлением о *стороже* как субъекте, который осуществляет охрану границы, т. е. в древности

это охрана границы между мирами, а позже, в исторический период, это охрана государственной границы.

Следует заметить, что слова *сторожа*, *сторож* в XIII в. имели значения ‘сторожевой, передовой отряд’ (Срезневский: 3, 522), ‘авангард’ (Срезневский: 3, 524), ‘воин передового сторожевого отряда’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 96), ‘небольшой передовой отряд войска’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 97). Такие значения свидетельствуют о том, что охрана границы осуществлялась не только одним лицом и была связана с риском.

Функция охраны в средневековой Руси совмещалась с функциями контроля над торговыми операциями и хранением товара. Об этом свидетельствует слово *сторожа* ‘сторожевая повинность’ и ‘пошлина за охрану товара’ (Срезневский: 3, 522).

Опасный процесс стороженья как элемента политического и гражданского действия в том числе требовал специального чина, ответственного за охрану. Так сформировались наименования лиц, осуществляющих этот процесс: *стражевожь* в значении ‘начальник стражи’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 125), ‘руководитель, охранитель’ (Срезневский: 3, 533); в русских говорах слово *стражник* употребляется в значении ‘полицейский’ (СРНГ: 41, 278).

Б. ‘Сигнал’. Еще один важный концептуальный компонент, который вербализуется в производных значениях – это ‘сигнал, знак изменения существующего состояния или положения’. Лексемы, в значениях которых выявлено это значение, по преимуществу встречаются в диалектном пласте русского языка и в большинстве своем связаны с охотой или рыбалкой. Например, *сторож* ‘подвесной колышек в проруби, который подает сигнал, что рыба попала в сеть’ (СРНГ: 41, 237), *сторожók* в значении ‘деталь в западне на ястреба’ (СРНГ: 41, 240), *сторóжа* в значении ‘камни-грузила, привязываемые к сети с частыми ячеями для ловли стерляди’ (СРНГ: 41, 237).

Что касается производных от корнеслова *страж*, то встречается лишь одна лексема *стражók* в значении ‘палочка, воткнутая в берег, к которой привязывают леску и колокольчик для определения клева рыбы» (СРНГ: 41, 278).

В современном русском языке фиксируются слова, выражающие значение ‘сигнал, знак опасности’ – *сторожевой колокол* ‘колокол, которым подают сигналы, а также отмеряют часы’, *сторожевые огни* ‘сигнальные огни на воде (на буях, маяках и т. п.)’ (МАС: 4,276).

В. ‘Локализация, место’. Охрана границы как элемента мироздания материально выражается в каком-либо локусе, месте, в котором *сторож* непосредственно осуществляет процесс охраны, стороженья. Локус, где осуществляется охрана границы, имеет различные обозначения: *сторожка*, *сторожевой пост*.

Разнообразно оформился этот смысл в производных лексемах корнеслова *страж*. Этот компонент реализовался в таких лексемах: *стражие* ‘сторожевая башня’ (Срезневский: 3, 534), *стражище* в значениях ‘сторожка, шалаш, хижина’ и ‘укрепление, крепость’ (Срезневский: 3, 534), ‘оборонительное укрепление’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 125), *стражьба* ‘сторожевое место’ и ‘шалаш’, ‘наблюда-

тельный пункт', 'будка' (Срезневский: 3, 534), 'сторожевой пост' и 'сторожевая башня' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 124), *стражница* 'сторожевая башня, маяк' (Срезневский: 3, 534; СЛ. XI–XVII вв. 28: 125).

Из значения 'локус, специальное место охраны' в русском языке развивается значение, отражающее охрану специального опасного объекта, способного нарушить границы отведенного для него пространства. Такое значение фиксируется в словах *стражище* 'заключение, содержание под стражей' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 125), *стражебный дом* в значении 'темница, тюрьма' (СЛ. XI–XVII вв. 28: 125).

Г. 'Линия, протяженный и тонкий пространственный объект'. Следующий смысловой компонент словообразовательного гнезда с вершиной *сторож/страж*, ярко характеризующий концепт «граница» в русской языковой картине мира единицами корневой группы *stōr, – это протяженность, линия, черта, выражающая границу, причем как в горизонтальной, так и в вертикальной проекции.

Все лексемы, в которых в той или иной степени присутствует данный смысловой компонент, встречаются только в говорах: *сторож* 'веревка, скрепляющая ставные сети, идущая к якорю и буйку', 'веревка, прикрепленная к двум продольным, на которые крепится сетное полотно', 'воткнутая в землю жердь, вокруг которой сметывается сено' (СРНГ: 41, 237); *сторóжек* 'палочка, используемая в качестве мерки при вытесывании лодки' (СРНГ: 41, 239), *сторожéльный* 'сторожельная палка, палочка, столбик' (СРНГ: 41, 239), *сторожók* 'толстая палка, к которой прикрепляются постромки пристяжной лошади', 'кол у невода', 'остаток стебля, срезанного злака на жнивье', 'плодоножка у ягоды', 'стебель растения' (СРНГ: 41, 242); *сторожья* 'в рыболовной снасти – поперечные жерди, соединяющие вбитые в дно реки колья рыболовного закола' (СРНГ: 41, 244).

Данные лексемы объединяет одно – все они называют тонкие предметы протяженной формы (кол, палка, веревка, стебель). Это может свидетельствовать о том, насколько глубоко представление границы как протяженной вертикальной или горизонтальной линии, разделяющей пространство, сохранилось в производных корня-синкреты *сторож/страж*.

Д. 'Сверхъестественные свойства, опасность'. Следующим смысловым компонентом, выделенным нами из совокупности значений корневого гнезда с вершиной *сторож/страж*, оказался элемент опасности процесса стороженья вследствие контакта со сферой чужого и сверхъестественного. Он неотделимо связан с признаком процесса охраны – бдительностью, чуткостью, настороженностью.

Здесь надо уделить особое внимание восприятию в мифологическом сознании носителей традиционной культуры опасности и субъектам, ее вызывающим или предотвращающим – сторожам.

В качестве «сторожей» в русской культуре выступают собака и ворон: *сторожок* 'сторожевая собака' (СРНГ: 41, 242), *сторожонный* в значении 'эпитет ворона' (СРНГ: 4, 243). Образы этих животных в народной культуре связаны с процессом стороженья и одновременно имеют негативную коннотацию, связан-

ную с тем, что они прочно ассоциируются с нечистой силой. Образ вороны в славянском фольклоре «связан с поверьями о том, что ворон обладает сокровищами, сторожит клады...» [11, с. 276].

Пес и ворон как охранники и существа, находящиеся на границе, участке, связанном с посторонним и темным, метонимически соотносятся с потусторонним. «Амбивалентность собаки заключается в том, что она одновременно представитель чужого мира, мира опасного для человека, и она же – посредник и защитник от злых сил...» [2, с. 215].

Еще одним субъектом, выполняющим роль сторожа и одновременно ассоциирующийся с опасностью и сверхъестественными знаниями, является дружка – помощник жениха и распорядитель на свадьбе: *сторож* ‘распорядитель на свадьбе’ (СРНГ: 41, 237). Дружка на свадьбе защищает «своих» от «чужого» вторжения, но он же и «чужой» и опасный, потому что находится на границе и взаимодействует с «чужими»: «дружка – активный посредник между родом жениха с одной стороны, и родом невесты с другой» [7, с. 4]. Дружка одновременно это и «знарок и блюститель исконных свадебных обрядов, порядков и обычаев», и «знахарь, ведун, оберегающий свадьбу от колдунов и лихих людей» [7, с. 4]. В Словаре русских народных говоров фиксируется редкое, но ярко характеризующее амбивалентный характер семантики корнеслова слово *страж* ‘тот, кому поручали охранять молодых от злых сил’ (СРНГ: 41, 276). В народной культуре это колдун: «колдуну отводится почетное место стража молодых на всех свадьбах» (СРНГ: 41, 276). Колдунов, как известно, опасались, но они одновременно осуществляли процесс охраны, несмотря на то, что сами – опасные и враждебные персонажи для носителей традиционной культуры.

Наконец, еще один субъект, который стережет, подстерегает и символически понимается как представитель потустороннего мира. Это водящий в традиционной игре: *сторожил* ‘водящий в игре’ (СРНГ: 41, 239). Водящий в игре, как подтверждают исследователи русского фольклора, «оказывается зверем, демоном или «одушевленным» (самодвижущимся) предметом. Если «мы» – живые, то водящий – «мертвый» [5, с. 129]. В этом случае *сторожил* является существом, представляющим опасность в силу его принадлежности к *другой стороне* мира. Водящий в игре *сторожит, подстерегает*, у него особая привилегия: он ловит игроков как опасный персонаж (*сторож*), но со значительным и важным статусом. Он следит за правильностью игры – проекцией мироздания, где он – демиург и хранитель правильно организованной вселенной. Обращает на себя внимание, что сторож как водящий в игре ассоциируется с действиями *ловить, хватать, похищать*. Такое же значение есть и в производных с корнем -сторож-: *посторожить* (Даль 3: 346), *усторожить* и *устораживать* (Даль 4: 515) ‘подкараулить’, ‘подстеречь’, *настораживать* ‘ставить что-л. для подстереженья’ (Даль 2: 476), *подстораживать* в значении ‘наладить ловушку’ (Даль 3: 206), *подсторожить* ‘разг. кого-что’ и ‘подсторожить капкан’ (Ушаков: 3, 1001); *сторожок* ‘в ловушках, кляпышек, подставочка, подпорка, которая вставляется в зазубрину язычка, чем и настораживается ловушка’ (Даль: 4, 330–331).

Об опасных свойствах *сторожа* свидетельствуют производные от корня -сторож-: *насторожка, насторожить*. Они называют процесс ловли врасплох, с подстережением жертвы. Сторож подстерегает и ловит добычу. Например, *сторожок* в значении ‘насторожка в капкане на медведя’ (СРНГ: 41, 239), *сторожить* ‘настораживать ловушку на животное’ (СРНГ: 41, 239).

Сторож – субъект, ассоциирующийся в народной культуре со смертью. Н.А. Колкова, анализируя концепт «смерть» на пословичных текстах, указывает, что смерть «сравнивается со сторожем, готовым в любой момент забрать жизнь» [7, с. 14]. Тем самым *сторож* связывается с образом смерти, подстерегающей (сторожащей) человека на другой стороне мира.

Кроме того, мы обратили внимание на значение слова *сторожка* ‘помещение, куда, раздеваясь, отдают одежду на сохранение’ и ‘шкаф в бане для одежды’ (СРНГ: 41, 240). Здесь, как кажется, тоже можно обнаружить, помимо бытового значения, символическое отношение носителей русской народной культуры к опасности, которая исходит от пограничного (маргинального) локуса, в данном случае бани. Баня – это маргинальное пространство на границе своего и чужого миров, с нею связано множество поверий и запретов. В свою очередь одежда – это маркер человека и человеческого мира, поэтому охране одежды придавалось большое значение. Похищение одежды (банником или чужим человеком) было крайне нежелательно и мыслилось как знак большой опасности.

Е. ‘Бдительность, чуткость’. Процесс несения сторожевой службы опасен сам по себе, поскольку связан с пограничной зоной, зоной стыков, насыщенной мистической энергией, неизвестной для человека, который находится на безопасной, знакомой территории. Поэтому он, находясь на границе, должен быть бдительным и чутким. Этот смысл вербализовался в древности в таких словах, как *сторожливо* ‘осторожно, бдительно’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 99), *сторожливость* ‘чуткость, бдительность’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 99), *сторожливый* ‘бдительный, чуткий’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 99), *стражьба* ‘предостережение’ (СЛ. XI–XVII вв. 28: 124).

В XVII в. фиксируются слова *сторожно* (СЛ. XI–XVII вв. 28: 99), *осторожливо* (СЛ. XI–XVII вв. 13: 153), *осторожливый* ‘хорошо защищенный’ и ‘осмотрительный’ (СЛ. XI–XVII вв. 13: 154), *осторожно* (СЛ. XI–XVII вв. 13: 154), *осторожность* (СЛ. XI–XVII вв. 13: 154), *осторожный* (СЛ. XI–XVII вв. 13: 154), *осторожство* (СЛ. XI–XVII вв. 13: 154).

В XIX в. отмечаются глагольные лексемы, характеризующие виды охраны границы: *настораживать* ‘выставить чуткие караулы’ (Даль: 2, 476), *понастораживать* (Даль: 3, 283).

В XX в. фиксируются слова уже с более абстрактным значением *сторожкость* ‘отвлеч. суц. к *сторожкий*’ (Ушаков 4: 536), *предосторожность* (Ушаков: 3, 719). Оформляется новый признак бесполезной охраны: *просторожить* ‘упустить, прозевать’ (Ушаков: 3, 1011).

В современном русском языке отмечается значение, связанное со степенью охраны: фиксируется слово *осторожничать* в значении ‘проявлять чрезмерную

осторожность' (Ушаков: 2, 884; Кузнецов: 734; МАС: 2, 656). В слове *осторожный* закрепляется новое значение 'совершаемый в негрубой форме, бережный' (МАС: 2, 656; Кузнецов: 734).

В говорах также отмечаются лексемы с данным значением: *сторожа* в значении 'бдительность' (СРНГ: 41, 238), *сторожский* 'осторожный' (СРНГ: 41, 242), *сторожско* 'осмотрительно' (СРНГ: 41, 238), *осторожка* 'осмотрительность' (СРНГ: 24, 67), *осторожский* 'осмотрительный' (СРНГ: 24, 67), *посторожиться* в значении 'поберечься, проявить осторожность' (СРНГ: 30, 232) и *осторожниться* в том же значении (СРНГ: 24, 67); *стражить* 'беречься, остерегаться' (СРНГ: 41, 278), *стражить* 'пугать, угрожать кому-л.' (СРНГ: 41, 278), *стражкой* 'пугливый' (СРНГ: 41, 278).

Таким образом, исторический и концептуальный анализ показал, что корневая группа *stǫr- содержит в себе важнейшие концептуальные представления наших предков о мироустройстве и об отношениях между частями мира – своим, обжитым местом и чужой, опасной стороной, разделение которых должен в неизменности сохранять сторож.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1990–1991.

Кузнецов – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2004.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

СЛ. XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 20, 22, 28. М., 1995–2008.

Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / РАН, Ин-т лингв. исследований. Вып. 24, 30, 41, 42. СПб., 1990–2008.

Ушаков – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3–4. М., 1939–1940.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987.

Шанский – Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М., 1980.

***

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

2. Бунчук Т. Н. Культурогенные возможности слова «собака» (особенности бытования слова в севернорусском регионе в контексте общеславянской культуры) // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 208–218.

3. Вотякова И. А. Словообразовательный аспект в анализе концепта радость (на материале русского и испанского языков) // Вестник Удмуртского университета. 2011. №2. С. 53–58.

4. Гаврилова М. В. Персонаж, мотив, сюжет в традиционных восточнославянских играх. М., 2017.
5. Долгов В. Лингвокультурный концепт *юродивый* в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... док. филол. наук. Бельцы, 2016.
6. Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии. Губернская типография: Вятка. 1904.
7. Колкова Н. А. Концепт «смерть» в русских пословичных текстах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 11. С. 8–15.
8. Кругликова Е. А. Диахронные и синхронные описания концепта «надежда» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Лихачев Д. С, Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
11. Топорков А. Л. Ворон в русских заговорах: между мифологией фольклором и книжностью // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира. М.: Индрик, 2013. С. 273–281.
12. Топоров В. Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004. С. 12–106.
13. Трубочев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003.
14. Чернышева М. И. «Человек» в древнерусских и христианско-византийских памятниках. Очерк третий. Лице // *Византийский временник*. 2001. № 60 (85). С. 99–108.
15. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // *Вопросы языкознания*. 1998. №3. С. 43–73.

**СПОСОБЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ
НАПРАВЛЕНИЯ «ФИЛОЛОГИЯ»)****METHODS OF SEMANTIZATION OF VOCABULARY OF THE BULGARIAN
LANGUAGE (FROM THE EXPERIENCE OF WORK WITH STUDENTS
OF THE DIRECTION «PHILOLOGY»)**

В статье дана характеристика беспереводных и переводных способов семантизации слов болгарского языка, используемых при работе со студентами направления «Филология» в рамках учебного курса «Современный славянский язык». При выборе приемов обучения лексике иностранного языка особое внимание уделяется учету контингента учащихся и их родного языка. В качестве собственных предложений по работе с лексикой конкретной тематической группы приведены апробированные в аудитории приемы семантизации слов лексических групп «Части тела человека» и «Термины родства».

Ключевые слова: болгарский язык, семантизация, перевод, наглядность, языковая догадка, контекстуальная догадка, системные отношения в лексике, интерференция.

The article describes the characteristics of non-translational and translational methods of semantization of the words of the Bulgarian language, used when working with students of the "Philology" direction within the framework of the course "Modern Slavic Language". When choosing methods of teaching foreign language vocabulary, special attention is paid to the registration of the contingent of students and their native language. As their own proposals for working with the vocabulary of a particular thematic group, the methods tested in the audience are given for the semantization of the words "Parts of the human body" and "Kinship terms".

Keywords: Bulgarian language, semantization, translation, clarity, language guess, contextual guess, systemic relations in vocabulary, interference.

Дисциплина «Современный славянский (болгарский) язык» занимает важное место в системе подготовки студентов направления «Филология». Генетическая близость болгарского, южнославянского по происхождению, и русского, восточнославянского, языков дает студенту-филологу материал для сравнений и аналогий при изучении, например, исторической грамматики и диалектологии русского языка, создает историческую перспективу его развития.

Недостаточный словарный запас вызывает у человека, изучающего иностранный язык, чувство неуверенности и нежелание говорить на этом языке. По этой причине одной из первых задач, решаемых преподавателем на занятиях, становится формирование и расширение словарного запаса студентов. Сегодня существует множество способов и методов решения этой задачи. Каждый из них в практике показал себя эффективным по-своему, в зависимости от способностей студента к изучению иностранных языков [6, с. 103].

Можно выделить четыре группы трудностей, возникающих при усвоении лексических единиц: 1) трудности, связанные с их фонетико-графическим образом; 2) трудности, связанные с их значением; 3) трудности, связанные с их грамматическим оформлением; 4) трудности, связанные с употреблением в речи. Вторая группа указанных трудностей предполагает решение целого ряда частных вопросов и проблем: вопрос объёма значений слов, который в большинстве случаев не совпадает с родным языком; проблема многозначности слов; проблема сочетаемости одних слов с другими; вопрос употребления слова в конкретных ситуациях общения и др. Общая для всех языков сложность заключается в том, что одно и то же понятие часто выражается в них разными по семантической структуре лексическими средствами. Кроме этого, каждому из изучаемых языков присущи свои трудности.

В процессе обучения иностранному языку новые лексические единицы должны быть не просто механически заучены студентами, но и усвоены таким образом, чтобы они могли использовать их в устной и письменной речи. Одним из способов обеспечения прочного усвоения лексики на этапе презентации слов является их семантизация.

Семантизация – процесс сообщения таких данных о языковой единице, которые позволяют пользоваться ею в речевой деятельности. В определении использования тех или иных способов семантизации лексики большую роль играют три вида факторов.

Первую группу факторов называют методическими. Они учитывают этап обучения и уровень владения языком, количественный состав аудитории, время, отведенное на активизацию новой лексики, а также техническую обеспеченность учебного процесса. Вторая группа факторов учитывает психологические особенности, в том числе возраст учащегося и уровень его языковых способностей. К третьему виду факторов относятся лингвистические факторы. Они включают в себя характер слов (слова абстрактные, конкретные, полнозначные, служебные), внутреннюю форму слова, его системные свойства и контрастивную ценность слова, т. е. то, что отличает слово изучаемого языка от слова родного языка.

Способы семантизации принято делить на две группы: переводные и беспереvodные способы.

К беспереvodным способам семантизации относят, в частности, введение слов, которые образованы по уже известным учащимся способам словообразования. В курсе преподавания болгарского языка нужно обратить внимание на два способа словообразования:

а) суффиксальный способ: *ябълка* – *ябълков* ‘яблоко – яблочный’ как *слънце* – *слънчев* ‘солнце – солнечный’; *млад* – *младост* ‘молодой – молодость’ как *бодър* – *бодрост* ‘бодрый – бодрость’, *пчела* – *пчелар* ‘пчела – пчеловод’ как *обувка* – *обувщар* ‘обувь – обувщик’, *пръст* – *пръстче* ‘палец – пальчик’ как *кон* – *конче* ‘лошадь – лошадка’ и др.;

б) префиксальный способ: *живея* – *преживея* ‘жить – пережить’, *пиша* – *пропиша* ‘писать – прописать’, *говоря* – *поговоря* ‘говорить – поговорить’, *за-*

тихнах – позатихнах ‘умолкнуть – приумолкнуть’, *чета – препрочета* ‘читать – перечитать’, *броя – преброя* ‘считать – пересчитать’ и др.

Вызывающим большой интерес учащихся является знакомство со словами, которые образованы сложением: ср. *кръстословица* ‘кроссворд’, *сладолед* ‘мороженое’, *денонощие* ‘сутки’, *вратовръзка* ‘галстук’, *кръводарител* ‘донор крови’, *междучасие* ‘перемена’ и др. Задание догадаться о значении таких сложных слов в болгарском языке стимулирует языковую догадку учащихся, которая особенно продуктивна в аудитории студентов-филологов.

Следующим способом семантизации, относимым к беспереводным, является использование синонимов и антонимов. Данный способ оказывается одним из самых популярных в семантизации слов практически всех частей речи: существительных (*момче – момиче* ‘мальчик – девочка’, *закуска – вечеря* ‘завтрак – ужин’ / *съпруг – мъж* ‘супруг – муж’, *шия – врат* ‘шея’); прилагательных (*студен – горещ* ‘холодный – горячий’, *сладък – горчив* ‘сладкий – горький’ / *строен – тънък* ‘стройный – тонкий’, *разноцветен – шарен* ‘разноцветный – пёстрый’); глаголов (*отивам – заминавам* ‘возвращаться – уходить’, *отварям – затварям* ‘открывать – закрывать’, *сядам – ставам* ‘садиться – вставать’); наречий (*винаги – никога* ‘всегда – никогда’ / *тук – там* ‘здесь – там’); некоторых предлогов (*при Андрей – от Андрей* ‘к Андрею – от Андрея’).

Нужно признать, что способ объяснения нового слова через приведение его синонима или антонима не всегда точен, так как в языках редко встречаются полные синонимы и антонимы. В большинстве случаев каждый из синонимов имеет определённый оттенок значения, в связи с чем приведение многих синонимов нуждается в уточнении их стилистических особенностей, дополнительных значений. Здесь появляется возможность для формирования социолингвистической и социокультурной компетенции студентов как составляющих коммуникативных компетенций [6, с. 106].

Следующий способ беспереводной семантизации опирается на использование контекстуальной догадки. При использовании данного способа семантизации необходим достаточно высокий уровень владения языком обучающимися. Он считается способом самым сложным и одновременно самым важным для практического владения языком. Приведение контекста позволяет продемонстрировать новое слово во фразе, в речи, развивает догадку и навыки аудирования. Важно, чтобы контекст употребления слова был однозначным, понятным, легко выводимым. Контекстуальная догадка подразумевает использование небольших условно-речевых ситуаций с включением в них новых слов или их определением средствами неродного языка. Преподаватель включает изучаемое слово в предложение с уже знакомыми учащемуся словами или новыми, но понятными по общему смыслу фразы: *Майка ѝ замина за чужбина* ‘Её мама уехала за границу’ или *занаятчия – мъж, който владее и практикува занаят* ‘ремесленник – мужчина, который владеет и практикует какое-либо ремесло’.

Востребованным при изучении иностранного языка носителями родственного ему языка, безусловно, является такой способ семантизации, как использова-

ние слов, созвучных со словами родного языка. В случае изучения русской аудиторией болгарского (южнославянского) языка этот способ семантизации показывает хорошие результаты. Студенты-филологи, знающие историю развития русского языка, смогут установить фонетические соответствия, а значит, более прочно запомнить словами, обнаруживающие следующие фонетические особенности: 1. неполногласие: *крава* ‘корова’, *врата* ‘ворота’, *глас* ‘голос’; 2. изменение носовых гласных: *път* ‘путь’, *зъб* ‘зуб’; 3. изменение гласной «ять»: *тяло* ‘тело’, *лято* ‘лето’; 4. изменение переднеязычных согласных под влиянием *j*: *свеца* ‘свеча’, *нощ* ‘ночь’, *сажди* ‘сажа’ и др.

Особое место при использовании этого способа семантизации слов нужно отводить так называемым ложным друзьям переводчика – паре слов в двух языках, похожим по написанию и / или произношению, часто с общим происхождением, но отличающимся в значении. Ср. *направо* ‘прямо’, *друг* ‘другой, иной’, *стол* ‘стул’, *булка* ‘невеста’, *майка* ‘мать’, *кофа* ‘ведро, бадья’, *диня* ‘арбуз’, *закуска* ‘завтрак’, *ягода* ‘клубника’, *куче* ‘собака’, *тиквичка* ‘кабачок’, *стая* ‘комната’, *живот* ‘жизнь’, *гора* ‘лес’, *маргаритка* ‘ромашка’ и пр.

Наконец, еще одним способом беспереводной семантизации является использование обобщения или перечисления. Задача учащихся заключается в том, чтобы при перечислении ряда предметов определить слово, объединяющее их в один класс, или, наоборот, для родового понятия подобрать соответствующие ему видовые слова: *чиния, купичка, чашка, тиган, тенджеря – съдове* ‘тарелка, миска, чашка, сковорода, кастрюля – посуда’; *круша, вишня, кайсия, ябълка – плодове* ‘груша, вишня, абрикос, яблоко – фрукты’; *рокля, яке, дънки, потник – дрехи* ‘платье, куртка, джинсы, майка – одежда’ и др.

Успех беспереводной семантизации в работе преподавателя зависит от соблюдения ряда правил. Во-первых, следует избегать ассоциации между вводимым словом и единичным предметом; для этого полезно продемонстрировать несколько изображений, относящихся к одному понятию. Во-вторых, изображение должно быть понятным учащемуся и удовлетворять художественным и эстетическим требованиям, предъявляемым к наглядным пособиям. В-третьих, семантизируемое слово надо давать в высказывании, что способствует лучшему пониманию значения слова. В-четвертых, в процессе работы должна быть организована проверка понимания значений вводимых лексических единиц [8, с. 79].

В практике большая часть преподавателей иностранного языка в качестве средства семантизации лексики используют родной язык, рассматривая перевод в качестве самого надежного способа проверить то, насколько хорошо усвоили слово изучающие иностранный язык.

Переводной способ – один из самых удобных способов объяснения значения лексической единицы. Данный способ не требует временных затрат, экономит время на занятиях, но вместе с тем является, по мнению методистов, малоэффективным на этапе формирования лексических навыков, поскольку слова при таком способе семантизации усваиваются, как правило, изолированно. Поэтому методисты рекомендуют использовать перевод для раскрытия смысловой стороны

слова только в том случае, если слово изучаемого языка в обозначении имеет относительно то же понятие, что и соответствующее слово исходного языка. Так, например, совершенно точное совпадение имеется в терминологической номенклатуре, названиях флоры и фауны, частей Вселенной, номинациях некоторых обиходных предметов: *глухарче* ‘одуванчик’, *охлюв* ‘улитка’, *таралеж* ‘ёж’, *мечка* ‘медведь’, *пролет* ‘весна’, *планина* ‘гора’, *мъгла* ‘туман’, *бравда* ‘топор’ и др.

Опасность переводного способа семантизации заключается в том, что, имея только перевод, учащийся может установить неверную ассоциацию лексической единицы неродного языка с несопадающей по объёму значения соответствующей лексической единицей родного языка. Новое иностранное слово он станет употреблять по нормам родного языка, допуская лексические погрешности. В случаях несовпадения объёма значений двух соотносимых в родном и изучаемом языках лексических единиц ограничиваться только переводом недостаточно. Форма семантизации должна дать возможность наиболее точно определить значение изучаемого слова применительно к национальному языковому сознанию учащихся с наименьшими временными затратами [3, с. 86–88].

Чтобы не допустить возникновение ложных ассоциаций и предотвратить совершение лексических ошибок, необходимо объяснять значение слов изучаемого языка, демонстрируя разницу в его семантическом объёме со словом родного языка. Например, в болгарском языке прилагательное *хубав* в зависимости от определяемого им существительного может соответствовать в русском языке как слову ‘симпатичный, хороший’: ср. *хубаво момче* ‘симпатичный мальчик, хороший мальчик’, так и слову ‘вкусный’: ср. *хубава супа* ‘вкусный суп’. Ту же особенность наблюдаем в сочетаниях с лексемой *дълг*: *едно дълго кафе* ‘одна большая чашка кофе’, но *момиче с долга коса* ‘девочка с длинными волосами’. Это явление можно проиллюстрировать на примере и других частей речи. Например, наречие *много* может переводиться на русский язык как ‘много, многие’: ср. *Имам много приятели* ‘у меня много друзей’; *Много студенти от филологически факултет са отличници* ‘многие студенты филологического факультета – отличники’, так и ‘очень’: ср. *Много те обичам* ‘я очень тебя люблю’. Глагол *чувам* соответствует русскому глаголу *слышать*: *Чуваш ли ме?* ‘ты меня слышишь?’ и *чувствовать*: *В стаята се чуваше аромат от цветя* ‘в комнате чувствовался аромат цветов’.

Итак, перевод в качестве способа семантизации нужно использовать лишь на первых занятиях иностранным языком. Безусловно, перевод экономит время на занятиях, но преимущество беспереводного метода заключается в том, что он позволяет уменьшить интерференцию, сохраняя «чистоту» изучаемого языка.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, основоположники коммуникативного метода изучения иностранного языка, разработали приёмы, позволяющие семантизировать многие лексические единицы, практически не обращаясь к родному языку [4].

Надёжным способом семантизации является в первую очередь использование наглядности – предметной (непосредственная демонстрация предмета),

изобразительной (предъявление рисунка, схемы), моторной (предъявление действия и название его).

Средства предметной наглядности помогают при введении простых понятий, выраженных конкретными существительными: *маса* ‘стол’, *гривна* ‘браслет’, *тапети* ‘обои’, *химикалка* ‘ручка’ и др. В случае, если текст сопровождается иллюстрацией, то учащиеся, внимательно рассмотрев картинку, могут догадаться, о чём идёт речь.

Ряд глаголов можно ввести через демонстрацию иллюстраций или при помощи пантомимы: *кихам* ‘чихать’, *отварям* ‘открывать’, *прозея* ‘зевнуть’, *мигам* ‘моргать’, *пера* ‘стирать’, *телефонирам* ‘звонить по телефону’ и др. Объяснение значения прилагательных можно проводить путём демонстрации разных предметов, различающихся формой, размером, цветом: *сива рокля* ‘серое платье’, *червен молив* ‘красный карандаш’, *къса пола* ‘короткая юбка’, *нисък стол* ‘низкий стул’. Мимика и жесты помогают раскрыть значение прилагательных и глаголов, выражающих эмоции: *свидлив* ‘жадный’, *уморен* ‘усталый’, *намръця се* ‘нахмуриться’. Знакомство с числительными естественно осуществлять с помощью картинок с разным числом предметов или самих предметов: часов, календаря и т. д. Предлоги семантизируются путём соотнесения предметов в классе, специальных рисунков: *ученикът е пред вратата* ‘ученик перед дверью’, *ученикът е зад вратата* ‘ученик за дверью’.

Таким образом, наблюдая за действиями преподавателя, учащиеся с лёгкостью догадываются о значении новых слов, а увиденные образы откладываются в долгой памяти. Чаще всего способ наглядности применяют на начальном этапе обучения.

Современные технологии и техническая обеспеченность учебных заведений позволяют сегодня использовать не только печатные издания, но и аудио- и видеоматериалы, что также можно отнести к наглядному методу семантизации. Данный способ рассчитан на более продвинутый уровень владения изучаемым языком.

Использование видеофильмов и различных видеоматериалов способствуют реализации важнейшего требования коммуникативной методики – представить процесс овладения языком как постижение живой иноязычной культуры; индивидуализировать обучение и развить и мотивировать речевую деятельность обучаемых [1, с. 21].

Применение видео в учебном процессе делает занятие более живым и интересным. Также применение видео на уроках способствует расширению общего кругозора учащихся, обогащению их языкового запаса и страноведческих знаний. Видеотекст соединяет в себе различные аспекты акта речевого взаимодействия, что определяет его преимущество перед печатным текстом. Помимо содержательной стороны общения, видеотекст содержит визуальную информацию о месте события, внешнем виде и невербальном поведении участников общения в конкретной ситуации, обусловленных зачастую спецификой возраста, пола и психологическими особенностями личности говорящих [1, с. 21].

Существует большое количество видеоматериалов, которые можно использовать на занятиях болгарского языка. Это могут быть рекламные ролики или интервью с известными людьми, мультфильмы, фрагменты новостей и телепередач. Например, «*Аз съм*» – «Я»: серия короткометражных (не более 12 мин.) видеороликов, в которых интересные и талантливые молодые люди, проявившие себя в различных отраслях (спортсмены, артисты, художники, певцы), рассказывают о себе (<https://www.bnt.bg/bg/a/az-sam>); «*Денят започва с Георги Любенов*» – «День начинается с Георгием Любеновым»: блок ежедневной утренней информационно-новостной телепрограммы, в котором автор раскрывает актуальную тему дня с неофициальной точки зрения (<https://www.bnt.bg/bg/a/pazim-ezika-siste-zanie-po-ezikova-gramotnost-za-uchenitsi-05052018>); «*Български детски песни*» – «Болгарские детские песни»: каждая песня представлена в виде мультипликационного ролика; для разучивания песен предусмотрены субтитры (https://vk.com/im?sel=1659444&z=video1659444_456239033%2Fa0056265258e325056); «*Под игото*» – «Под игом»: культовый многосерийный телевизионный фильм болгарского телевидения, сценарий и постановка Янко Янкова, режиссёр Нина Янкова, 1990 г. (<https://www.youtube.com/watch?v=w3y8eiCYFHE>) и др.

В качестве примера работы с лексикой конкретной тематической группы приведем апробированные в аудитории предложения семантизации слов, которые объединяются в тематические группы «Части тела человека» и «Термины родства».

В тематической группе «Части тела человека» большой ряд образуют слова русского и болгарского языков, которые совпадают по звуковому составу и по значению, выражаемому корневой морфемой: ср. болг. *мозък, ухо, нос, гърло, ръка, бедро, коляно, стъпало*. Особый случай представляют в этой группе болгарско-русские пары, которые обнаруживают «классические» фонетические отличия южнославянских и восточнославянских языков соответственно. К ним относятся две пары с неполногласным или полногласным сочетанием: *глава* ‘голова’ и *врат* ‘шея / поворот’ и одна пара с начальным *ла-* или *ло-*: *лакът* ‘локоть’.

Второй вариант соотношения лексем, называющих в болгарском и русском языках части тела человека, обнаруживает следующую закономерность: слово современного болгарского языка сохраняет корень, известный русскому языку, но русские слова с этим корнем уже являются архаизмами, устаревшими лексемами: *око* ‘глаз’, *пръст* ‘палец’, *чело* ‘лоб’, *рамо* ‘плечо’.

Отдельного, без использования опоры на русский язык, запоминания потребуют только четыре слова рассматриваемой тематической группы: *мигли* ‘ресницы’, *буза* ‘щека’, *корем* ‘живот’, *крак* ‘нога’.

Характеризуя состав тематической группы «Термины родства», отметим прежде всего, что в русском и болгарском языках встречается много слов, совпадающих по звуковому составу и по значению: *свекър* и *свекърва* ‘свёкор’ и ‘свекровь’; *тът* и *тътца* ‘тесть’ и ‘тёща’; *племенник* и *племенница* ‘племянник’ и ‘племянница’. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что некоторые родственные связи получают в болгарском языке однословное языковое воплоще-

ние, в то время как русский язык прибегает к обозначению двусловному. Так, для номинации старшего брата и старшей сестры в болгарском есть специальные слова: *батьо* ‘старший брат’, *кака* ‘старшая сестра’.

В ряду терминов родства болгарского языка есть еще одна группа слов, которые также отличаются от соответствующих словосочетаний русского языка, но их прозрачная внутренняя форма способствует их быстрому запоминанию. Это слова со значением ‘двоюродный брат’ – *братовчед* и ‘двоюродная сестра’ – *братовчедка*. *Братовчед* дословно означает *ребёнок* (чадо) *брата* (сестры), в то время как русское *двоюродный*, тоже состоящее из двух корней, указывает на включенность в общее представление рода: это второй (компонент *дво-*) по близости, степени родства человек. Нужно заметить также, что в русском языке, как и в современном болгарском языке, употребляются наряду с *братовчед* и *братовчедка* и заимствованные французские обозначения родства *кузен* и *кузина*.

Особого внимания требуют слова, которые совпадают по форме со словами русского языка, но в болгарском и русском языках имеют разные значения, так называемые ложные друзья переводчика. Услышав русское слово *бабушка*, носитель болгарского языка не поймёт, что речь идёт о маме одного из родителей, потому что в переводе на болгарский язык оно называет рыбу семейства карповых, уклею или пескаря. Болгарское слово *майка* со значением ‘мать’ носитель русского языка ошибочно может перевести как ‘нательное нижнее бельё’.

Можно обратить внимание изучающих болгарский язык студентов-филологов на слово *дядя*. В русском языке этим словом называют брата отца или матери, а также любого незнакомого взрослого мужчину. В болгарском языке картина отличается последовательной фиксацией точных родственных связей: кровный дядя в зависимости от линии родства по-болгарски называется *вуйчо* (брат матери или муж сестры), *свако* (муж сестры матери или отца) или *чичо* (брат отца).

Лексемы остальных тематических групп также могут представляться обучающимся с опорой на их соотношение с соответствующими лексемами русского языка. Таким образом, учет контингента учащихся и их родного языка обязателен при выборе приемов изучения лексики иностранного языка. К таким приемам можно отнести аналогию с родным языком учащихся, предупреждение от интерференции, внимание к внутренней форме слова, обращение к фонетическим соотношениям родного и изучаемого языков, акцентирование внимания на особом членении действительности, отраженное в значении слова. Такие приемы в результате оказываются наиболее эффективными при его освоении, а также для осмысления студентами-филологами его места в системе других, в частности родственных языков.

Итак, исходя из практики преподавания болгарского языка русским студентам-филологам, в качестве более результативного метода семантизации слов можно назвать беспереводной метод. Вместе с тем на начальном этапе работа со студентами ведётся по большей части с использованием переводного метода.

Из беспереvodных способов наиболее востребованы следующие способы. Поскольку способы образования слов как в русском языке, так и в болгарском, типичны (приставочный, суффиксальный, основосложение и т. д.), комментарий того, как слово образовано, помогает студентам запомнить его. В силу родства русского и болгарского языков большое количество их лексических единиц характеризуются частично или полностью схожим произношением. Семантизация слов-«лжедрузей» также проходит успешно. На занятиях используется наглядность как при непосредственной демонстрации предмета, объясняющей некоторые существительные, так и с использованием мимики и жестов для глаголов движения и прилагательных, обозначающих эмоции. Также в работе быстро вспомнить необходимое слово помогает его включение в синонимический ряд или антонимическую пару.

***

1. Барменкова О. И. Видеозанятия в системе обучения иностранной речи // Иностранные языки в школе. 1999. №3. С. 20–25.

2. Бордашова А. А. Проблемы освоения лексики иностранного языка // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 16 (595). С. 9–21.

3. Вагнер В. Н. Лексика русского языка как иностранного и её преподавание: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2009.

4. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.

5. Гочнев Г. Н. Русско-болгарская контактная лексика и её место в изучении русского языка в болгарской аудитории // Русский язык как инославянский. Вып. 2. Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Белград: Славистическое общество Сербии, 2010. С. 64–76.

6. Ларионова О. В. Беспереvodные способы семантизации иностранных слов // Дальневосточный аграрный вестник. 2010. № 2 (4). С. 103–107.

7. Милованова М. В. Проблемы адекватной семантизации лексических единиц в практике преподавания славянских языков как иностранных // Вестник ВолГУ. 2005. Сер. 2. Вып. 4. С. 120–125.

8. Щукин А. Н. Методика использования аудиовизуальных средств (при обучении русскому языку как иностранному в вузе) М.: Высшая школа, 1981.

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ СМИ)**

**LANGUAGE GAME IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF THE INTERNET
(ON THE MATERIAL OF THE REGIONAL NETWORK MEDIA)**

Статья посвящена исследованию феномена языковой игры в региональном коммуникативном медиaprостранстве. Выявляются особенности людических трансформаций на различных уровнях интернет-коммуникации и на разных уровнях языка. При этом особое внимание уделено языковой игре в «самономинации» пользователей, на «речиgro-вых» интернет-сайтах, а также в комментариях постов и прочих интернет-текстов.

Ключевые слова: Интернет, интернет-коммуникация, языковая игра, сетевые СМИ.

The article is devoted to the study of the language game phenomenon in the regional communicative media space. It reveals human transformations of Internet communication at different levels of language. At the same time, special attention is paid to the language game in the «self-nomination» of users, on «speech» websites, as well as in the comments to the posts and other Internet texts.

Keywords: Internet, Internet communication, language game, online media.

В настоящее время коммуникация в Рунете – самая подробная документальная фиксация современного состояния русского языка и зеркало основных тенденций его развития [3, с. 6]. В процессе интернет-коммуникации находит свое яркое воплощение такая особенность, присущая языку на современном этапе его функционирования, как тенденция к экспрессивизации общения и усиление лингвокреативного начала. Активное использование в текстах интернет-коммуникации языковых единиц в людической функции неоднократно привлекало внимание лингвистов [1; 2; 4; 6 и др.]. Тем не менее «специфика реализации языковой игры в интернет-коммуникации требует дальнейшего изучения, что обусловлено стремительным развитием коммуникативного пространства Рунета, появлением новых интернет-жанров и распространением в Сети ранее не зафиксированных игровых инноваций» [2, с. 4].

В рамках настоящего исследования языковую игру будем трактовать как «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и в целом

стилистический эффект» [5, с. 657]. Языковая игра связана прежде всего с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать свежий, необычный образ.

Источниками настоящего исследования послужили интернет-ресурсы Республики Коми: паблик Республики Коми «Территория мечты» [8], группа ВКонтакте «7x7. Коми» [9] и интернет-журнал «7x7» [10]. В качестве примеров рассматривались такие интернет-специфичные коммуникативные жанры, как записи в паблике, а также комментарии новостей, репортажей, журналистских расследований, актуальных постов блогеров и др. Среди примеров представлены как подготовленные речевые произведения профессиональных коммуникаторов, так и образцы спонтанного речевого поведения «рядовых» пользователей. Отбор материала проводился методом сплошной выборки с 2017 г. (всего собранный материал насчитывает более 600 единиц).

Игровое пространство интернет-коммуникации разнообразно, сложно и не может быть описано в рамках только одного подхода, учитывая многоуровневость самого Интернета. Б. Я. Шарифуллин выделяет такие уровни реализации речевой игры в русском интернет-пространстве, как речевая игра в наименованиях сайтов и в «самономинации» пользователей, речевая игра на «игровых» (т.е. «речеигровых») интернет-сайтах, а также речевая игра в «постах» и прочих интернет-текстах [6, с. 208–218].

Огромные возможности для реализации языковой игры дают комментарии актуальных постов блогеров, новостей, репортажей, в которых игровые трансформации охватывают все уровни языковой системы – фонетический, морфемный, лексический, синтаксический. Опираясь на классификации типов языковой игры, предложенные О. В. Лутовиновой [4, с. 104–111] и Е. В. Каллистратидис [2, с. 11–15], рассмотрим наиболее распространенные виды ludических трансформаций в коммуникативном пространстве региональных сетевых СМИ.

1. В современных исследованиях отмечается, что возможности **фонетической** языковой игры у участников интернет-общения незначительны из-за графической фиксации речи [4, с. 106]. Тем не менее региональный материал свидетельствует о том, что в интернет-коммуникации активно используется фонетическая игра, основанная на фиксации особенностей произношения. Однако большая часть примеров, иллюстрирующих приемы фонетической игры, действительно, не отличается разнообразием и представляет собой в основном утрированное и комичное имитирование неграмотной речи, просторечного или диалектного произношения: *Я ж говорил: нечего делать коми морту **возля** власти – власть не изменишь, но тебя – изменят. Вежасны, пежаласны...; Обещали, **чо...** И снова наобещают...; За дела нынче **содют** :)))*; *Явлинский слишком самонадеян, слишком высокомерен <...> И смешно слушать его обещания **идьтить** в Президенты; **Бывалоча, нету** урны – кидаешь бычок куда попало. А **теперича** не то, что **давеча** – прицельно в урну метнёшь :)*; *У тебя своя голова есть? Или ты как дикарь, **вождь** сказал что **люминий**, значит **люминий**....))))*; *Не торопитесь благодарить, Любовь, **товарисч** не прав (видать, тоже не Пушкинист))*);

Деревенские роб_ята сборе и как всегда настроены **сурьёзно**; **Пердупердиль**; А подвоха тут и нет, просто производитель **«специфический»**)); Блин, сколько же людей имеют в жизни всего одну мечту – высоко и сытно летать, а **«пожрамыш»** метко гадить)); Или Вы **нализамишь** снова и во множественном числе себе-двум-трем... в зеркале отражаетесь?)); **Инфантилизм!!!**... Всего одно слово...; Есть такая **проХфессия** – Родину подбивать; И кстати, поинтересуйся на каком языке Ломоносов писал свои научные работы и на каком языке преподавал в **РУССКОЙ акадЭмии** наук.)))); Тираж, **значицца**, маленький, только для «специалистов»; Ох, вспомнился один не слишком развитый **педАгог**, набросившийся на меня на уроке с ножницами патлы хипацкие состригать; **Теперича** федеральных денег маловато будет; науки жрут друг друга а нам фиолетово, **пуццай** жрут; **Дык это...**; А вот репы **нету!!!**; Кароче, Вам с **товар-исчем** Бэндером, про **«Жюликов»**, конечно, виднее.)); накатила Ва-Нюша До-Ветрова и ее понесло **пот преотизьмом**, перефэсбучнув аккаунт на Вику Ширинкину; Может, Владимиру **лисaped** подарил кто...Вот он и добрый:); **сцйт**... а я ему говоришишил... а я ему предлагал...; Двай ты не будешь мне рассказывать про всяких **акадЭмиков** Гумелевых и Карамзиных; **Шоб** не сп...зьдили!; Господи, **Скока** же этого хохлосрача во Власти!; **Чоо**; А про адвоката вспомнят в день беды. И тот попросит **денюжку**; это солдаты НАТО? **дык пуццай** уж лучше **НАТА**, чем эти кровососы.

Фонетическая игра может состоять в передаче ярких акцентных особенностей произношения иностранцев: *Что Ви говорите?..*; Марков даже дикцию изменил, стал «косить» под **Ффффинновввв**... В качестве примера можно привести и так называемый кавказский акцент, присущий речи носителей различных языков Кавказского и Закавказского регионов: **Маладэц**. Но значительная часть фонетических трансформаций заключается в стилизации коми акцента, т. е. в передаче на письме особенностей произношения звуков в коми языке, и строится на такой особенности языка коми зырян, как отсутствие в нем фонем Ф, Х и Ц: *Вот он, «караактер»!!!*; *Что-то ты разболтался, окотник!*; **Картупель** озимый надо сажать! Урожайность выше :); **МОЛОДЕЧ** !!!! Я, вопрос ставил не в части употребления графемы «ф» в русских заимствованиях... А в части, написания при употреблении графем так называемой «кириллицы» при написании конкретного словосочетания: «Российская Федерация» на языке аборигенного населения ... По смыслу ответа следует: надо писать **«ПЕДЕРАЧИЯ»**; **ПЕДЕРАЧИЯ**... тем более многие граждане (независимо от знания языка коми) указывают, что именно такое написание более верное к существованию положения коренного населения (независимо от национальности) и Власти (нынешней).

2. В процессе языковой игры участники интернет-общения активно используют **графические** средства. Собранный нами материал свидетельствует о том, что манипуляции с графической оболочкой слова/словосочетания/предложения достаточно однообразны и чаще всего заключаются в капитализации определенных сегментов слова, которая позволяет подчеркнуть каламбурную игру: на общение пользователя о том, что он видел главу республики С. А. Гапликова в

кинотеатре: *Стоял за билетом на Матильду, а в итоге на смартфоне смотрел пиратку Тор 2 – последовал ответ: **Алексей, губернаТОР***. Приведем другой пример шрифтовой игры, позволяющей с помощью заглавных букв выделить один из элементов слова и рассматривать его как самостоятельную единицу: *Да скольтаких предков ЧУД (некрещенных предков зырян) было <...> **ЧУДной** народ эти Зыряне. Не от мира сего...)))* Весьма частотна капитализация ключевых слов в высказывании: *Так русский язык это и есть **ПИСЬМЕННЫЙ УГОРСКИЙ***. *А коми-зыряне один из угорских народов участвовавших в его создании.))) Всё просто.)))*

Встречается и такой вид языковой игры, как одновременное использование кириллического и латинского алфавитов при написании высказывания: *Он плохо знал Руський фольклор... и деятельно старался чтобы другие его не помнили. ...И снял одну из самых злых сказок, которая как бы ненавязчиво- безконтактным способом управления – стала формировать алгоритм действий простых обывателей на «пьяный **Новый Gott**». По злой «иронии судьбы»- совершенно сознательно именно в его фильме впервые на телеэкранах в СССР учительница русского языка поднимает бокал шампанского и держит в руках сигарету, встречает своих пьяных подружек-учительниц и трогательно-грустно рассказывает про свою девичью «**лавстори**»...*

3. В условиях графической фиксации речи в спектр внимания участников интернет-коммуникации регулярно попадают **орфографические** средства, с помощью которых можно исказить смысл высказывания: *Кто руководит Россией? Кого набирают в **госдуру**?* Как показывают современные исследования, участники виртуального общения зачастую придумывают подобные «опечатки», развлекаясь игрой с языком [4, с. 110]. В посте паблика «Территория мечты» *Сыктывкарский снеговик-мальчик ищет снеговика-девочку для серьезных отношений до весны 2018 года. Интим предлагать* игровой эффект возникает за счет перестановки местами рядом стоящих букв в одном из комментариев: **Сыквтыкарский**.

Как показал региональный материал, игровое переосмысление правил русской орфографии чаще связано с сознательным искажением написания имен собственных, что можно объяснить прежде всего стремлением передать негативное эмоционально-оценочное отношение к обозначенным персоналиям и подчеркнуть типичность описываемого явления: *Все эти **ротенберги, мизулины, яровые, поклонские, мигалковы**, казаки и попы византийские ... ровно из той же палаты. У них разум напрочь отключен религиями из Иерусалима.)))); А что, Люб, давай и дальше жить, иногда вздрагивая плечами от выходов каких-нибудь «**сасиных**»...; И улицы будут переименованы, а то большая часть имен всяких **ордже... орджо, орджане, орджони... арджаникидзов**, вообще не имеет никакого отношения ни к Сыктывкару, ни даже к Республике Коми; А вот ваш **путин** и православное министерство образования видимо желает столкнуть русских и коми на теме национальных языков; Будут **бобрыКовы**, в ванной «хрущёбы», заплывы делать; Не путайте, Ермилов, Руський фольклор с «бабушкиными сказками» из третьих рук **интербродских-бэндеров... и всяких-рязановых**.*

Встречается также слитное написание нескольких слов: *Общение быдлана с «нитакоеккаквсякоебыдло» школьником. Из мухи слона, ей богу.*

Принято считать, что «чем парадоксальнее и необычнее орфографический облик единицы, тем больше вероятность, что автор сможет привлечь внимание реципиента и донести до него свою интенцию» [2, с. 13]: *Ермилов... у Вас что, обострение мании величия? так и пишите: «Мы – Ермилов, Великий ГаспАдрь Всея ССемерки и прочая, и прочая...».*

4. На словообразовательном уровне можно отметить функционирование большого количества созданных на базе языковой игры окказионализмов как отражающих специфику виртуальной среды: *Троль-стахановец* свой «план» выполнил – накидал сотню комментариев, так и не являющихся специфичными для интернет-общения: *Я не тщу себя надеждами: возьмут-не возьмут. Туда попадают свои «возьмутки»...); А давайте-ка вступим в ЕР! Дружно. И устроим там такое симпатичное бордельеро? :)); Ну а наши доморощенные деревенские борцуны... Ну что с них взять :) У них два варианта – или свергните нам Путина или сделайте **куоми** независимым государством. Пожалейте ватников, которых заманивали за 500р на **путинги** и многих тупо кинули организаторы, присвоив отпущенные на них деньги, не а чо: собрал ватанов 100 шт, пообещал им выдать по 500р; Сейчас появится тролль **ЗЯшка** – зыряк и растолкует тебе, Люба, что, кто и куда вкладывал; Не срослось у **киноменеджера** с **пропагандонством**... Хамит :)); Ай-яй-яй, **переоппозиционировал-перебздел**. И смех, и грех; Когда наконец, написание слова «Федерация» на всех учреждениях Республики Коми (территории где вы бурно «**краеведите**») будут написаны в соответствии с нормами коми языка; **Волонтёрю** из идейных соображений. Понятно?; Министр образования Коми презентует книгу «Особенности эксплуатации детского труда в условиях борьбы с **борщевизмом**»; Школа «**распилийского**» резерва...; «Сереж, смотри **терпилоиды** в коментах кукарекают».*

5. На лексику в коммуникативном пространстве региональных сетевых СМИ также приходится значительное количество примеров языковой игры. Как правило, данный вид людических трансформаций строится на обыгрывании сходно звучащих слов и паронимов, что позволяет достичь юмористического эффекта: ***Пыссы** рулят миром!!!* (Большая Пысса – село в Удорском районе Республики Коми); *Откуда большой-то? **Сущее** дитя; Сегодня это стадо ворчит, ропчит, надеясь на чудо, но с аппетитом, почти с аргозмическим наслаждением, глядывается в рот солнцеликого и в голове у них только неопознанные летающие **объедки**; а Я прачел **арбитальный суд в КОМЕ**.* В качестве еще одного примера можно привести ответ редакции паблика «Территория мечты» о переносе столицы Коми: ***Роман**, ударим **Большой Пыссой** по **Мандачу!*** Прецедентные феномены также используются как строительный материал в процессе языковой игры. В следующем примере языковая личность, вовлеченная в игру, видоизменяет один из компонентов названия романа М. А. Шолохова на сходный по количеству слогов и связанный смысловыми отношениями с контекстом: *Можно будет писать продолжение к роману Шолохова с новым названием «**Поднятая***

мерзлота»... Поводом для подобной людической трансформации послужил пост паблика «Территория мечты»: *Беженцы из гнивающей Европы пересекают тундру, чтобы обосноваться в Воркуте.*

6. Морфологическая игра, будучи одной из наиболее сложных разновидностей людических трансформаций, поскольку предполагает высокий уровень владения нормами литературного языка, встречается реже и строится на игровом переосмыслении основных грамматических категорий разных частей речи. К данному типу языковой игры можно отнести шутивное изменение родовой принадлежности существительных: *Из него получился бы неплохой Фемид*; игровое образование множественного числа несклоняемых имен существительных или существительных, имеющих форму только единственного числа: *Жалость есть у человека, у каменюков, Коля, жалостев нету*); *Груб Щиголов, не понимает галантерейного обращения с благородными мадамами*; ненормативное образование формы множественного числа существительных: *Ох уж эти борцуны с ветряными мельницами*. Результатом языковой игры может стать просторечная форма спряжения глагола: *Спортсмены перемёрли уже*, а также степени сравнения наречия: *Следуя русской частушке: Я и лошадь, я и бык... Я и баба и мужик! – надо бы копать ширше и глубже:)))* Как отмечает Е. В. Каллистратидис, данные людические трансформации привлекаются для стилизации речевого поведения носителя просторечия и «создают ощущение обыденности, повседневности описываемой ситуации, а также неофициальности общения» [2, с. 14].

7. В процессе интернет-коммуникации **синтаксическая** языковая игра, как правило, реализуется в ответных репликах и является реакцией на сообщение предыдущего пользователя: на высказывание *Ты совсем неострый человек, так скажем. И потому служишь режиму. Будешь люстрирован* поступает ответ, построенный на обыгрывании созвучных слов *Звучит как «кастрирован»...* :))) Подобных примеров достаточно много, приведем лишь некоторые из них: в комментариях к стихотворению *Мы – великая страна! Есть нам чем гордиться. Жаль вот только, что говна Много в ней родится* один из пользователей замечает: *Так точно, Ваше плодородие!* Следующий пример построен по такому же принципу: *Забыты все выборы, Потрачены рублики, Но так не дождались Мы ...* – исходное сообщение предполагает продолжение («возрождения Республики»), но Семён Попов иронически замечает: *Мы... бублики?*

Необходимо отметить, что языковая игра в рамках коммуникативного пространства Интернета зачастую реализуется в рефлексии пользователей Сети над речевым поведением других: *Нехорошо писать заголовки безграмотно. Одно это ужестораживает и не хочется читать дальше, Товарищ*). На пост, содержащий орфографические ошибки *Как говориться «Собаки лают, корован идёт»* – последовала целая серия иронических комментариев, среди которых были и игровые: *«Корован – это караван из коров. Об этом я ещё в школе догадался»*. Однако, по мнению исследователей, ярко выраженная эмоциональность и оценочность игровых трансформ не всегда способствует возникновению комического эффекта и нередко граничит с вербальной агрессией [2, с. 15]: в процессе

обсуждения проблем преподавания коми языка в школах республики один из пользователей заметил: *Ты серьезно ожидаешь адекватных комментариев по теме среди кывосрача, который сейчас традиционно начнется?* Некорректность данного комментария послужила поводом для следующей эмоциональной реакции: *«кывосрач» – это оскорбительное, полунецензурное, полуличное слово. Смешивание коми нормального слова с нецензурным русским, получается унизительно.*

Людические манипуляции с языковой материей регулярно встречаются при создании виртуальных псевдонимов, «единиц самонаречения, способствующих самопрезентации пользователя и помогающих ему лучше понять себя как виртуальную личность и эффектнее представиться другим коммуникантам» [2, с. 17]. При этом используются различные механизмы языковой игры: фонетическая (*Дед Пыхто, мнений, Пенсионер, Хулио Ган*), орфографическая (*рузкий дух*), словообразовательная (*знайка, Черномырда, кывовед*), лексическая (*Увядание валенок*), графическая (.); игра с прецедентными феноменами (*Чук Геков, Кин Дохот, Ганс-Христиан*). Кроме того, в процессе самоиминации зачастую происходит игровая адаптация норм образования антропонимов: имена *Man Manov, Лох Ватанович Терпилов* созданы по традиционным словообразовательным моделям и соответствуют всем морфологическим параметрам. Считается, что в таких людических интернет-псевдонимах «отражается попытка человека понять свое виртуальное «Я» через традиционные речевые формы, сопоставить и по возможности соединить два мира: обычный и виртуальный» [2, с. 18].

«Речеигровых» сайтов в интернет-коммуникации довольно много, но в региональном медиаполе заметным явлением можно считать паблик Республики Коми «Территория мечты». Большая часть публикаций данного сообщества представляет собой синкретический текст, состоящий из фотографии и комментирующей ее надписи, и является типичным примером вербально-иконической игры. Суть подобной игры – в контрасте картинки и надписи, создающем иронический контекст. В качестве примера можно привести пост от 17 сентября 2017 г. (иллюстрация № 1), отсылающий к многочисленным социальным, экономическим, экологическим и др. проблемам г. Воркуты, который содержит фотографию внимательно изучающих что-то в микроскоп людей и надпись *«Мэр Воркуты рассматривает жалобы недовольных жителей»*. Запись от 23 сентября 2017 г. (иллюстрация № 2) состоит из фото массового легкоатлетического забега и надписи *«В Инте прошёл забег, победитель которого сможет работать на местной шахте»*. Иронический подтекст создается за счет контраста между желаемым и реальной ситуацией, сложившейся на шахте Инты, которая приносит убытки. В итоге совет директоров АО «Интауголь» принял решение об остановке работы шахты и ликвидации градообразующего предприятия. Пост от 8 июля 2018 г. (иллюстрация № 3) *«Канализация Троицко-Печорска откликнулась на призыв президента совершить прорыв»* построен на каламбурном обыгрывании многозначного слова *прорыв*, которое является существительным, образованным от глагола *прорвать* (т. е. пробиться сквозь что-нибудь, сломив сопротивление), а

также обозначает место, где что-то прорвалось (фотография затопленного канализационного люка свидетельствует о том, что актуальным является второе значение).

1. Мэр Воркуты рассматривает жалобы недовольных жителей

2. В Инте прошёл забег, победитель которого сможет работать на местной шахте

3. Канализация Троицко-Печорска откликнулась на призыв президента совершить прорыв

В публикациях паблика «Территория мечты» встречается и такой специфический для Рунета жанр интернет-фольклора, как «стишки-пирожки». Как отмечает Ю. В. Щурина, данный поэтический жанр представляет собой четверостишие, написанное четырехстопным ямбом по 9 слогов в первой и третьей строчках и по 8 слогов – во второй и четвёртой, строчными буквами, без рифмы и знаков препинания [7, с. 40]. Игровой характер пирожков выражается в нестандартном использовании языка или в неожиданных смысловых поворотах, возникающих в последних строках. В следующем примере от 27 мая 2018 г. для создания комического эффекта использовалась игра с сочетаемостью слов, построенная на трансформации прецедентного текста – строчки из стихотворения А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека»: *олег не вынес больше порно / пошел искать свою любовь / маршрут знакомый повторяет / аптека боль и сыктывкар*. Считается, что в «стишках-пирожках» языковая игра «выполняет жанропорождающую функцию, поскольку уже сам жанровый канон, четко прописанный и неизменно соблюдаемый, представляет собой результат обыгрывания представлений говорящих о том, какой должна быть «нормальная» поэзия» [2, с. 20].

Таким образом, факты языковой игры оказываются широко представленными на всех уровнях интернет-опосредованной коммуникации: в комментариях пользователей, в виртуальных псевдонимах, а также на речеигровых сайтах. Большое количество примеров языковой игры выявлено в комментариях новостей, репортажей, актуальных постов блогеров. Здесь игровые модификации связаны прежде всего с активным употреблением аномальных с фонетической точки зрения единиц, а также обилием графико-орфографических трансформаций и окказиональных лексических единиц. Данная тенденция связана прежде всего с

большой раскрепощенностью пользователей в виртуальной среде, стремлением воплотить свою мысль в необычной форме, а также выразить свое эмоционально-оценочное отношение к действительности и собеседнику. Кроме того, в процессе реализации языковой игры в коммуникативном пространстве исследуемых СМИ активно вовлекаются региональные феномены, к которым регулярно апеллируют пользователи. Примечательно, что в рамках виртуального общения языковая игра зачастую реализуется как реакция на высказывание партнера по сетевой коммуникации или с установкой на него. При этом игровые трансформации не всегда способствуют возникновению комического эффекта и нередко граничат с вербальной агрессией, что может быть связано с серьезностью проблем, обсуждаемых в коммуникативном пространстве сетевых СМИ, бескомпромиссной позицией, занимаемой коммуникантами, а также их общим культурным уровнем.

***

1. Ильясова С. В., Каллистратидис Е. В. Языковая игра в «сетевых языках» // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 220–236.

2. Каллистратидис Е. В. Языковая игра в неформальной интернет-коммуникации (на материале русского языка начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2013.

3. Колокольцева Т. Н. Предисловие // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 5–8.

4. Лутовинова О. В. Языковая игра в интернет-коммуникации // Известия ВГПУ. 2015. №2 (97). С. 104–111.

5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин; члены редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2006.

6. Шарифуллин Б. Я. Языковая игра в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 203–219.

7. Щурина Ю. В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета // Известия ВГПУ. 2014. №2 (87). С. 39–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-komicheskikh-rechevyh-zhanrov-kommunikativnogo-prostranstva-interneta> (дата обращения: 18.10.2018).

8. URL: <https://vk.com/komipublic> (дата обращения: 14.10.2018).

9. URL: <https://vk.com/7x7komi> (дата обращения: 14.10.2018).

10. URL: <https://7x7-journal.ru/komi> (дата обращения: 14.10.2018).

**МОДЕЛЬ СМЕРТИ СВЯТОГО В АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ:
ЗАВЕЩАНИЯ О «НЕБРЕЖЕНИИ» К ТЕЛУ И МОТИВ
«ТАЙНЫЕ СЛУГИ ГОСПОДА»**

**MODEL OF THE DEATH OF A SAINT IN THE HAGIOGRAPHIC TRADITION:
TESTAMENTS ABOUT «NEGLIGENCE» OF THE BODY
AND THE MOTIVE «THE SECRET SERVANTS OF THE LORD»**

В статье рассматривается модель смерти святого в византийской и русской агиографии, представленная образцами раннехристианской монашеской практики, завещаниями основателей монастырей, житиями византийских и русских святых. Автор приходит к выводу о том, что в византийской агиографии, наряду с жизнеописаниями благочестивой кончины и торжественного погребения подвижников, сформировалась традиция непогребения тела. Она была связана с осознанием собственной греховности, противопоставлением плотского и духовного, тленного тела и бессмертной души. Кроме того, в раннехристианской агиографии отмечается существование парадоксального мотива «тайные слуги Господа» с иерархией явной и тайной аскезы в пользу последней. Все это, наряду со многими другими факторами, воздействовало на формирование особенностей русского религиозного сознания и могло оказать существенное влияние на возникновение такого феномена в русской агиографии, как жития праведников XVI–XIX вв., описание смерти которых противоречит агиографическому образу, а их тела не удостоиваются христианского погребения

Ключевые слова: агиографический канон, модель смерти святого, жития византийских и русских святых, иноческие завещания, мотив «непогребение тела праведника», мотив «тайные слуги Господа».

The article discusses the model of the death of the saints in Byzantine and Russian hagiography, presents examples of early Christian monastic practice, wills of founders of monasteries, the lives of the Byzantine and Russian saints. The author comes to the conclusion that in Byzantine hagiography, along with the biographies of the pious death and the solemn burial of ascetics was formed, the tradition of neogreene body. It was connected with the conviction of personal sin, the juxtaposition of the carnal and the spiritual, the corruptible body and the immortal soul. In addition, early Christian hagiography there is a paradoxical motif of «the secret servants of the Lord» with a clear hierarchy and secret austerities in favor of the latter. All this, along with many other factors have influenced the formation of the peculiarities of the Russian religious consciousness and could have a significant impact on the occurrence of this phenomenon in Russian hagiography, like the lives of the righteous XVI–XIX centuries, the description of death which is contrary to the hagiographic pattern, and their bodies do not receive christian burial

Keywords: hagiographic canon, the model of the saint's death, the lives of Byzantine and Russian saints, the monastic testament, the motive of «neogreene the bodies of the righteous», the motive «the secret servants of the Lord»

1. Завещание о «небрежении» к телу в агиографической традиции

Схема агиографического сочинения, определенный жанровый канон был выработан еще в византийской агиографии, которая воспринималась впоследствии, как отмечал Х. М. Лопарев, «лабораторией агиографической письменности» [25, с. 39]. Согласно агиографическому канону, житие святого должно состоять из трех частей: предисловия, главной части, заключения; внутри трехчленного композиционного деления отмечается целый ряд более частных обязательных черт. В предисловии к произведению автор подчеркивал свой убогий дар и мотивировал решение писать о святом ссылкой на евангельскую притчу о нерадивом рабе, говоря при этом, что святые своей жизнью возвращают плод сторицею, приумножая его либо в 60 крат, либо в 30; здесь же автор сообщал о том, как он собирал сведения о жизни святого. В центральной части жития, как правило, повествовалось о родителях святого, его родине, которая должна быть похвалена, разъяснялся этимологический смысл имени святого; автор говорил об особых знаках, подчеркивающих избранничество святого еще в детстве, описывалось имущественное положение святого и обучение, его отрицательное отношение к браку, аскеза; особое место занимала историческая часть. В этой же части особое внимание уделялось предсмертным наставлениям святого и описанию его благообразной кончины, причем описание кончины подвижника было сходно в различных житиях. Рассказам о чудесах, совершившихся при кончине святого и после его смерти, была присуща фактографичность. В заключительной части проводились параллели между своим героем и ветхозаветным, присутствовало и молитвенное обращение к святому за помощью [25, с. 39]. Эти типические черты были характерны для многих византийских житий VIII–IX вв.

Важным семантическим компонентом в архитектонике текста жития как целого является «преставление святого». Этот композиционный элемент житийной схемы становится своеобразным центром, вокруг которого «сконцентрированы основные семантические поля словесной структуры на любых уровнях ее организации. “Смерть” организует событийную канву жизнеописания, суть которого заключается в следующей схеме: “рождение” – “подвиг” – “смерть” (“преставление” – “подвиги” (“чудеса” после смерти). Причем, если земная жизнь святого ограничена во времени историческом, то подвиги святого после смерти (посмертного причисления к лику святых) ориентированы на бесконечность (незавершенность)» [3, с. 60].

Модель «смерти» святого была представлена, таким образом, уже в святоотеческой традиции, согласно которой земная жизнь праведника есть лишь преддверие его загробной жизни, восхождение к Царствию Небесному, «переход от смерти в жизнь» (Ин. 5: 24) [5, с. 5–7]. Существенной частью жития святого служило описание его ухода из жизни, поскольку иногда не столько жизнь, сколько смерть проявляла святость подвижника: это был либо торжественно величавый переход из жизни временной в жизнь вечную – к Богу, либо страдальческая смерть подвижника за веру.

В ранней византийской агиографии формируется традиция описания благообразной кончины святого. При этом в агиографической литературной схеме описание преставления святого состоит из комплекса взаимосвязанных друг с другом сюжетных мотивов: святой заранее знает о времени своей кончины, дает духовное наставление иноческой братии, преставление святого сопровождается чудесами, по преставлении лик святого светел, от мощей проистекает благоухание; мощи святого торжественно, с почестями и псалмопением, погребают в монастыре; от мощей подвижника впоследствии совершаются чудеса исцеления, которые тщательно фиксируются. Все эти сюжетные мотивы описаны еще в житиях раннехристианских подвижников [30, с. 317].

Однако, наряду с рассказами о благочестивом погребении подвижников, в агиографии этого периода неоднократно воспроизводятся мотивы «небрежения» к телу после смерти, обусловленные определенным отношением к смерти. Установки в отношении к смерти, по справедливому замечанию А. Я. Гуревича, «теснейшим образом связаны с образом потустороннего мира. Мысль о расплате, ожидающей за гробом, оказывала мощное воздействие на трактовку смерти, равно как и на императивы поведения смертных» [7]. Уже в святоотеческой литературе создаются духовные завещания основателей монастырей, в которых они просят свою иноческую братию не воздавать почестей при погребении своего тела, не погребать себя по христианскому обычаю или вообще не заботиться о сохранности тела. Их завещания, включенные, как правило, в жития святых, наполнены мотивами осознания своей тяжкой греховности, самоуничужения и покаяния.

Основатель пустынножительства и отец монашества, раннехристианский подвижник преподобный Антоний Великий (ок. 251–356 гг.) завещал погresti свое тело тайно, чтобы никто потом не мог найти это место, опасаясь почитания от людей после смерти: «Когда же братия стали неотступно просить, чтобы у них остался и скончался, он не согласился на это <...> Египтяне имеют обычай – совершая чин погребения над телами скончавшихся уважаемых людей и особенно святых мучеников, обвив их пеленами не предавать земле, а возлагать на ложах и хранить у себя в домах, полагая, что этим воздают чествование отшедшим. <...> Антоний же, зная этот обычай и опасаясь, чтобы не поступили так и с его телом, <...> сказал им: “Аз, как написано, отхожду в путь отцов. Ибо вижу, что зовет меня Господь. <...> не попустите, чтобы кто-либо взял тело мое в Египет и положил у себя в доме <...> *Предайте мое тело погребению и скройте под землю. Да соблюдено будет вами сие мое слово, чтобы никто не знал места погребения тела моего, кроме вас одних, потому что в воскресение мертвых приму оно от Спасителя нетленным*”. <...> Братия же, как дал им заповедь, совершив чин погребения, обвив тело, предали его земле, и, кроме их двоих, *доныне никто не знает, где оно погребено*» [11].

Известный христианский богослов, писатель и поэт Ефрем Сирийский (IV в.) оставил завещание, в котором строжайше предписывалось не воздавать почестей его телу после смерти и не погребать вместе с другими иноками, а похоронить с

нищими: «<...> не преступайте заповедей моих! Если кто положит меня под жертвенником, то да не узрит он Божия жертвенника, потому что смрадной нечистоте неприлично лежать на святом месте. Если кто положит меня во храме, да не узрит он храма света, потому что суетная слава бесполезна тому, кто недостойн славы. <...> Для чего воздавать почести тому, кто не смог соблюсти своей чести? <...> Не полагайте меня с мучениками, потому что грешен я ничего не стою; по недостаткам своим боюсь и приближаться к костям их. <...> Кто понесет меня на руках своих, у того руки да покроются проказой, как у Гинезия; но, подъяв меня на рамена, несите как можно скорее, и *предайте погребению, как презренного, потому что бедственно прошли дни мои.* <...> Кто со мной во гроб положит шелковую одежду, тот да будет ввержен во тьму кромешную. Кто со мной во гроб положит багряницу, тогда будет низринут в геенну огненную. *В моей ризе и в кукуле предайте меня земле,* потому что убранство неприлично непотребному, а пышность бесполезна мертвецу, распростертому во гробе. <...> *Пусть проданы будут дорогие одежды,* принесена цена их и роздана бедным, нищим и нуждающимся. <...> Кто удержит у себя что-либо из обещанного мне, тот да умрет смертью Анании, который помыслил солгать апостолам, – пал мертвый к ногам их. <...> Кто понесет передо мной восковую свечу, того да пожжет огонь из внутренности его. Зачем огонь тому, кто сжигается собственным своим огнем? <...> Не полагайте со мной во гроб ароматы, потому что честь сия для меня бесполезна. Не полагайте благовоний, потому что не избавят меня от Суда. <...> *Не полагайте меня в ваших гробницах,* потому что ни к чему не послужат для меня ваши украшения. *Я же дал обет Богу, чтобы погребли меня со странниками»* [31].

О запрете хоронить с почестями тела иноков повествуется и в Житии основателя общежительного монашества Пахомия Великого (ок. 292 – ок. 246 или 348 гг.) в греческой версии произведения: «Однажды умер один из братьев в монастыре. И после того, как (тело) было приготовлено к погребению, *не разрешил (Пахомий) петь псалмы перед ним,* (когда процессия) по обыкновению шла на гору. *И не было сделано за него евхаристии. Снеся же его одежды на середину монастыря, сжег, устрашая всех не приزيрать свою жизнь»* [6, с. 260]. В данном тексте еще нет объяснений действия Пахомия Великого, кроме указания на то, что святой поступил так, постигнув, более чем другие, божественную мудрость: «Как он обходился с ним, пока тот не умер, мы не знаем. Но знаем мы то, что *Божьи люди не делают ничего плохого. Ибо их строгость и благость измерены знанием Бога»* [6, с. 260].

В другой версии Жития Пахомия Великого, «Паралипомена», перед читателем предстает не только рассказ о запрете святого на воздаяние почестей телу почившего инока, что вызвало недоумение иноков монастыря, но и приводится подробное объяснение этого запрета. Святой Пахомий сам разъясняет иноческой братии смысл своих действий, противопоставляя попечение об умершем теле заботе о спасении греховной души: «Воистину, братья, у меня больше, чем у вас, сострадания к лежащему здесь. И я, как отец, проявил о нем больше заботы, при-

казав, чтобы это сделали. *Ведь вы заботитесь только об этом видимом теле, я же борюсь за его душу.* Ибо если будете петь ему псалмы, то постигнут его большие наказания за этот псалом, потому что он умер, не постигнув силы псалмов. Если же вы действительно хотите умножить его вечные страдания, то пойте ему псалмы, но он, страдая еще больше за этот псалом, проклянет вас. *Итак, я, зная, что нужно его душе, не стану заботиться об этом мертвом теле.* Ведь если я разрешу вам петь псалмы, то в глазах Бога окажусь человеком, который угождает людям, потому что, чтобы угодить людям, я пренебрег тем, что необходимо душе, которой предстоит быть наказанной судом. Ибо Бог, источник благодати, ищет повод, который дал бы ему возможность излить на нас потоки своей благодати. <...> Поэтому я призываю вас облегчить его наказание и похоронить его без псалмов. Ибо Бог, который благ, знает, как освободить его от нечестия, постигшего его, и призвать его к вечной жизни. Если бы он почаще слушал меня, когда я наставлял его, не случилось бы с ним этого» [27, с. 338–339]. Инок, как сообщается в тексте, захоронили тело усопшего брата, по повелению Пахомия Великого, без всяких почестей: «И после того как блаженный сказал это, отнесли (покойного) на гору *без псалмов и похоронили*» [27, с. 339]. Впоследствии именно этот пространный эпизод из «Паралипомены» с подробным толкованием запрета святого Пахомия переписывался в сборниках дидактической направленности. Примечательно, что в данном случае в объяснении запрета на достойное погребение нерадивого инока присутствует формула *«не нужно прислуживать умершему телу, но только бессмертной душе, которая вновь получит это тело нетленным в Воскресении»* [8], подобно толкованию запрета в Житии Антония Великого.

В раннехристианский период сформировалось представление о том, что благочестивое погребение далеко не всегда отражает духовную реальность и даже губит бессмертную душу: от глаз людей может быть скрыта духовная сущность событий, иногда она противоположна видимому. На этой антитезе построена глава «Видение богатаго умерша» в Житии византийского святого V в. Андрея Юродивого (создано не ранее конца IX – начала X вв.), известном в большом количестве списков и весьма популярном в Древней Руси [10, с. 541]. Обладавшему даром прозрения Андрею Царьградскому был явлен тайный смысл похорон богатаго и знатного человека. Несмотря на то, что окружающие участвуют в благочестивых похоронах богача (пышная похоронная процессия, за гробом следует множество народа, слышится громкое пение идущих, они несут много свеч и кадильниц, раздаются громкие стенания его близких), в духовном видении перед святым предстает чудовищная картина глумления демонов над усопшим за совершенные этим человеком при жизни тяжкие грехи: «Узри и се, прѣдъ свѣщами множество ефиоп дѣмон идяше, болми пѣвец въпиюще: “Горе ему, горе ему”. Все же, еже тамо кажаху, яко мотыла смердяху, и якоже мѣхы держащее в руку, известъ и попел сыпаху по единому. Идущу множеству тому пляшущем и смѣющемся бе-студа, якоже бестудная блудница, да другоици лаяху, якоже пси, а другоицы въпияху, якоже свинья. Да бѣаше им мертвец он веселье и радость.

Да друзии около одра его идяху, гноим и скалушьною водою лице мертваго кропяще, а друзии по вѣтри лѣтающе, около одра лѣтаху. Велик же смрад исхожаше из одра того и ис тѣла того грѣшнаго, якоже се кыдающе и скалушу и мотыла истлѣвша и смердяща кромѣ кыдають. Да друзии пѣсья мотыла и масло морьскаго пса и с инѣми смрады кладяху на лице его, друзѣи же въслѣд идущее плясаху, плещуще рукама, а ногама тѣпѣть велик творящее, смѣющеся и ругающеся невидимо поющимъ и глаголюще: “Не даи вы Бог видити ни единому вас свѣта, лишенѣи хресьяни, поющее над псом “с святыми си покои душу его”, но и раба Божия наричающе его, сущаго повинѣна всему дѣлу злomu”» [10, с. 346–348]. Подвергнутое осквернению тело богача было затем сожжено в адском огне: «<...> князь нечистыхъ дѣмонов, имѣя оци, яко диковы, и страхъ творяща зрящему на него, держаше же и огонь в руцѣ своей и сѣру, и смолу идяше к гробу лишеннаго оногo, охриту сотворити тѣло его и огнемъ съжечи, еже и по погребению створися» [10, с. 348].

В завещании преподобного Арсения Великого (354–449 (450) гг.) отчетливо противопоставляются тленное тело и бессмертная душа. Святой оставил своим ученикамъ наказ заботиться не о благопристойномъ погребении своего тела, приказавъ выбросить его, а молиться о спасении души: «Когда приблизилось время блаженной кончины преподобного, то онъ сказалъ своимъ ученикамъ: “Когда я умру, то *не делайте поминокъ по мне, не собирайте братию на обедъ*, но только позаботьтесь о томъ, чтобы приносилась божественная жертва за мою грешную душу”. Ученики его, услышавъ это, весьма печалились и начали плакать. Но преподобный сказалъ имъ: “Не плачьте, чада! Еще не пришелъ часъ кончины моей, хотя уже онъ недалекъ отъ меня”. Тогда ученики спросили его: “Какъ похоронить тебя, честный отецъ?”. Онъ же сказалъ имъ: “*Привяжите къ ногамъ моимъ веревки и выбросите меня за гору*”» [13].

Игуменъ Синайскаго монастыря Иоаннъ (VII в.), авторъ популярной в Византии, а с XIV в. и на Руси, книги «Лествица», учащей борьбѣ со страстями и внутреннему восхождению къ Богу, также писалъ о «небрежении» къ телу после смерти в словѣ 5 «О покаянии». По мысли Иоанна Лествичника, инокъ долженъ молить о томъ, чтобы его тело не предавали «человеческому» погребению, но «бессловесному»: «... *иногда они [иноки. – Е. Р.] сами себя лишали и гроба*. Ибо никакъ не могутъ утаить и сего истинно умильтельнаго смирения сихъ блаженныхъ и сокрушения ихъ любви къ Богу и покаяния. Когда сии добрые граждане страны покаяния отходили ко Господу, чтобы стать передъ нелицеприятнымъ судилищемъ: тогда, видевшій себя при концѣ жизни, посредствомъ своего предстоятеля, умолялъ и заклиналъ великаго авву, чтобы онъ *не сподоблялъ его человеческого погребения, но, какъ скота, повелѣлъ бы предать тело его речнымъ струямъ, или выбросить в поле на съедение зверямъ*» [24]. Тела раннехристианскихъ подвижниковъ, указываетъ Иоаннъ Лествичникъ, зачастую действительно не удостоивались благочестиваго погребения: «*что нередко и исполнялъ сей светильникъ рассуждения, повелевая, чтобы ихъ [тела. – Е. Р.] выносили безъ чести и лишали всякаго псалмопения*» [24].

В ранней византийской агиографии, таким образом, неоднократно воспроизводятся мотивы «небрежения» к телу после смерти, причем они представлены в широком диапазоне – от завещания устроить погребение в тайном месте, чтобы избежать людской славы, похоронить подвижника в рубище, похоронить вместе с нищими, до требования вообще не погребать тело из-за греховности при жизни для смягчения воздаяния за грехи на Страшном суде, предать тело на растерзание зверям и др.

В дальнейшем подборки текстов из житий и поучений отцов церкви и святых подвижников о погребении праведников помещались в сборники дидактической направленности, имевших распространение в рукописно-книжной традиции. Одним из таких сборников по праву считается святоотеческая антология «Евергентин», каждая из 200 глав которой посвящена описанию отдельной страсти, способу борьбы с ней и стяжанию соответствующей добродетели. Сборник, получивший название от монастыря Евергетиды, был составлен в XI в. его основателем монахом Павлом («Евергентин», или «Свод богоглаголивых речений и учений богоносных и святых отцов, от всякого Писания богодухновенного собранный, подобающим же образом и удобно изложенный Павлом, преподобнейшим монахом и создателем обители Пресвятой Богородицы Евергетиды, прозванным Евергентином»), а в XVIII в. исправлен и издан афонским монахом, богословом Никодимом Святогорцем [1]. Глава 37 «Евергетина» целиком составлена из текстов о мнимости благочестивого погребения («О том, что пышные похороны весьма вредны для души усопшего и поэтому боголюбивые люди избрали простое погребение как наиболее полезное»), среди которых находятся рассмотренные нами выше фрагменты из Жития Ефрема Сирина, Жития Арсения Великого, Жития Пахомия Великого, Жития Андрея Юродивого, а также Жития Иоанна Каливита и некоторых других произведений [8].

В русской агиографии, ориентированной на святоотеческую литературу и византийскую агиографию, также устанавливается традиция предсмертного завещания о «небрежении» к телу [5].

Как правило, это связано с житиями основателей монастырей. Следует отметить, что комплекс мотивов (топосов), свойственных в основном житиям создателей обителей, описана на материале русской агиографии Т. Р. Руди. Она указывает, что для подобных житий характерен «мотив предсмертного наставления святого братии», иногда – *в соединении с мотивом небрежения к телу* [28, с. 491]. Комплекс других связанных с этим мотивов, выявленных исследовательницей, характеризует благообразное усупение подвижников: о своем преставлении святой обычно знает заранее, при описании преставления используются традиционные формулы “в руке твои, Господи, предаю дух мой” и особые топосы-формулы: “телом начат изнемогати, иже душею крепкий”; “аще и телом отхожу от вас, но духом присно буду с вами”; “вас же предаю в руцѣ Божии” и др.; игумен обещает процветание монастырю после его смерти в случае, если он (святой) заслужил милость Господню; “плач велик” иноков о преставившемся игумене [28, с. 491–496].

Завещание о «небрежении» к телу в ранней русской агиографии, по нашим наблюдениям, звучит в смягченной форме – не омыывать и не наряжать тело. Такой наказ дает святой Феодосий Печерский, заповедав погresti себя в тайной пещере, что и было затем исполнено: «...И о семь же молю вы и заклинаю: *да въ ней же есмь одежди нынѣ, въ той да положите мя тако въ пещерѣ, идеже постыныя дъни прѣбываахъ, ниже омывайте убогаго моего тѣла, и да никѣтоже от людий мене, нѣ вы едины сами да погребете въ прѣжжереченнѣмъ мѣстѣ тѣло се*» [19, с. 430]; «Братии же врата затворивъшемъ и никогоже пустящемъ по повѣлению блаженааго, и бѣша присѣдяще надъ нимъ и ожидающе, дондеже разидуться людие, и тако того погребуть, якоже самъ повелѣ. <...> *И тако того несъше въ прѣжжереченную пещеру, положиши и, и запечатьлѣвъше и отъидоша, и без брашна вьсь днь прѣбыша*» [19, с. 432].

Этот сюжетный мотив напоминает Житие Пахомия Великого, в саидской версии которого святой трижды наказывает своему ученику Феодору похоронить себя тайно, чтобы избежать посмертного поклонения и славы: «После этого обратился он [Пахомий Великий. – Е. Р.] и сказал ему: “*Если Господь посетит меня, то не оставляй мое тело в том месте, в котором его похоронят*”. Ответил тот ему с болью сердца: “Я сделаю (все) по твоим словам”. Затем схватил (Пахом) его за бороду, ударил его в грудь и сказал во второй раз: “*Запомни, Феодор, не оставляй мое тело в том месте, где его похоронят*”. Снова ответил он ему: “О мой господин и отец, я сделаю с благодарностью все, что ты прикажешь мне”. Думал же Феодор про себя, что часто говорил он об этом с великой настойчивостью, как бы не взял кто-нибудь его тело и не превратил бы его в место почитания мученика, как это делали со святыми мучениками. Ибо он много раз слышал, как (Пахом) порицал тех, которые поступают таким образом, потому что всякий, что делает это, является торговцем святых тел. Затем снова схватил его за бороду и сказал в третий раз: “*Феодор, позаботься о том, чтобы сделать без промедления то, о чем я сказал тебе...*» [30, с. 316]. Завещание старца было выполнено: «...и они унесли его из того места, в котором он был похоронен. <...> *И никто до сего дня не знает места, где он лежит*» [30, с. 318].

Оставляет братии наказ погresti себя вне стен созданного им монастыря св. Троицы основатель общежительного монашества на Руси св. Сергей Радонежский: «Егда приспѣ врѣмя преставления его, заповѣда учеником своим и не повелѣ имъ въ церкви положити ся, но внѣ церквѣ тако просто повелѣ погresti ся с прочими братиами. <...>» [18, с. 404]. Однако его завещание не было выполнено, тело святого погребли с почестями в храме св. Троицы: «[Архепископ Московский Киприан. – Е. Р.] Поразсмотривъ и разсуди въ себѣ, како и гдѣ погребется блаженный, и благослови и повелѣ им положити его церкви на правѣй странѣ, еже и бысть» [18, с. 404].

Церковный и общественный деятель, идеолог «нестяжательства» Нил Сорский (+1508 г.) ориентировался более на византийскую традицию и первым из русских подвижников написал завещание о непогребении своего тела, которое характеризует его как человека, избегавшего мирской славы: «Завѣщаваю яже о

себе моимъ приснымъ господиямъ и братиям, яже суть моего нрава: молю вас, *повергните тѣло мое в пустыни сей, да изъядятъ е звѣрие и птица, понеже съгрѣшило есть къ Богу много и недостойно есть погребения.* Аще ли сице не сътворите, и вы, *ископавше ровъ на мѣстѣ, идѣже живемъ, съ всякимъ безчестиемъ погребите мя»* [20, с. 182]. Примечательно, что в своем завещании он делает отсылку к наказам Арсения Великого: «Бойте же ся слова, иже великий Арсений завѣща своимъ учеником, глаголя: на судѣ стану с вами, аще кому дадите тѣло мое» [20, с. 182].

В севернорусской агиографии XVI–XVII вв. завещание основателей монастырей о «небрежении» к телу после смерти становится этикетным, в том числе и за счет подражания литературным образцам. Следует отметить, что в данном случае мотив «небрежения» к телу окрашен суровыми реалиями северной природы – подвижники завещают бросить свое тело в болото, в дебри на растерзание диким зверям, растоптать во мхах и т.п., см.: «И въпросившимъ братиаи святаго, да гдѣ его положат погребут по преставлении его. Онъ же завѣщав им, глаголя: “Братие мое, *грѣшное тѣло свяжете по нозѣ и влечете и в дебрь блата и въ мху покопавше и ногама же своима да поперете и”*» (Житие Александра Свирского) [9, с. 87–88]; «Тогда помянуша жалостныя его глаголы, еще живъ сый, в последнем смиренни глаголя въпросившим бо им того, да где положить мощи его. Он же отвѣща: “*Мое грѣшное тело влечете в блато и ногам своим в поприание сътворите”*» (Житие Дмитрия Прилуцкого) [16, с. 33]; «И заповѣдавъ всемъ ученикомъ своим: “Егда душа моа от тѣла разлучится, и *никояеже почести грѣшному тѣлесе моему сотворите, но влекуще за нозѣ мои, и предайте блату, и ногами своими пофрете”*» (Житие Григория Пельшемского) [15, с. 320]; «Братиаи же умилне святаго вопросившим, да гдѣ положат честныя мощи его по преставлении его к Богу. Блаженный же отвѣщавъ к ним, да связавше по нозѣ влекут и в дебрь: “*Во мху и в блатѣ потопьчите, – рече, – грѣшное мое тѣло на растерзание звѣремъ и гадом, или на кляпинѣ обѣсите и птицам на снѣдение, или за шию оцѣпивше, во езеро верзите”*» (Житие Антония Сийского) [12, с. 298–299]; «И о семь убо молю вы, братие, и заклинаю: “*В коей же ми нынѣ одежди пребывающу, в той мя и погребити посреде острова сего, идѣже вода не иссыхаше, но стояше беспрестани, и ту погребите тѣло мое грѣшное”*» (Житие Кирилла Новоезерского) [17, с. 62] и др. Завещание это чаще всего не исполнялось, подвижника хоронили с почестями в созданном им монастыре: «Они же [братия монастыря. – Е. Р.] глаголаху к нему: “Ни же, отче, не сътвориве сего, нь у Троицы въ монастыри да погребен будеши...”» (Житие Александра Свирского) [9, с. 87–88]; «Они же со мноземъ рыданием глаголаху: “Ни, отче, не сотворим сего никакоже, но у Живоначалныя Троицы тобою в созданѣй обители честно погребем трудолюбезныя твоя мощи святыя!”» (Житие Антония Сийского) [12, с. 298–299] и др.

Пожалуй, только в Житии праведного и блаженного Георгия Шенкурского, который завещал похоронить себя на холме среди болота, описывается его выполнение. Данный эпизод имеет в произведении важное композиционное значе-

ние: святой еще при жизни предрек возведение храма на месте его захоронения, что впоследствии и произошло: «по смерти же родителей своих праведный Георгий <...> часто приходя на Великий погост к Великому чудотворцу Николаю. Ту за едино поприще от церкви блато трясушее, посреде же блата того холм сух быше, святой же Георгий всегда приходя на холм той и седяше на нем, любя место то и глаголаше: *“После смерти моей погребите мя на сем холму”*. Людем же ему глаголющим: *“Почто далече от церкви?”*. Блаженный же, прозрев душевными очами, глаголя: *“Быти и храму чудотворца Николая на том месте!”*» [14, с. 200]. Из-за реки, сменившей свое русло, храм Николая Чудотворца был перенесен, а мощи чудотворца Георгия стали главной храмовой святыней: *«По преставлении же его погребен бысть на том холме по повелению его. И блато тое нача бысть сухо и равно молитвами святаго. По летех же неколицех храму чудотворца Николая перенесену и поставлену близ гроба святаго Георгия таковыя ради вины, понеже великая река Вага устремлением многих лет тое церковь подметала»* [14, с. 200]. Этот эпизод из Жития Георгия Шенкурского напоминает фрагмент из Жития византийского святого Иоанна Каливита: *«над кущей, где св. Иоанн подвизался три года, отец его воздвиг церковь»* [26, с. 78].

2. Агиографический мотив «тайные слуги Господа»

Некоторые парадоксальные мотивы, связанные с погребением праведного человека, отражены в раннехристианских легендах о Божием человеке. Эпитет «Человек Божий» широко употреблялся, указывает А. В. Пайкова, применительно к персонажам библейских книг, в частности к пророкам – Моисею, Ездру, Самуилу, Илии, Елисею и даже к неназванным поименно пророкам. Пророки, как свидетельствует Писание, «вели подчас скромный образ жизни. Иногда они обитали в лачугах, построенных собственными руками (11 Цар. 6:1–5), питались корнями и травами, которые собирали в поле (11 Цар. 4:38, 39) или принимали подавания богобоязненных людей (11 Цар. 4:42)» [26, с. 80]. Добавим, что нередко именуется «Божьим Человеком» в агиографических произведениях Пахомий Великий [6, с. 242, 245, 246, 260].

Ряд житий раннехристианских святых – Авраама Кидонийского, Иоанна Каливита (Кущника), Алексея Человека Божьего – сближает, как считает А. В. Пайкова, повторяемая ситуация «человек не на своем месте» [26, с. 27], связанная с мотивом неузнавания, когда пребывающий в миру подвижник скрывает от всех свою праведность.

Одним из начальных этапов развития легенды о Человеке Божьем исследователи считают Житие преподобного Иоанна Каливита (Кущника) [21, с. 87]. В этом произведении святой, пребывая в одеждах нищего и только перед смертью открывшись своим родителям, берет с них клятву похоронить его в одеждах нищего и в шалаше, поскольку другого погребения он недостойн. Нарушившая клятву мать Иоанна, переодевшая его в золотые одежды, была наказана параличом и получила исцеление только после того, как отец вновь облек тело Иоанна в рубище и повелел погresti в указанном Иоанном месте: *«Славного подвижника*

похоронили в его хижине, как он и завещал, зная, что смиренная жизнь на земле наследует светлое торжество на небе» [8].

Широко известное в древнерусской рукописно-книжной традиции уже с XII в. переводное Житие Алексея Человека Божьего было основано, как доказывает А. В. Пайкова, на сирийском житии безымянного святого, или, как он называется в тексте, Человека Божьего [26, с. 12, 25–29, 77–86]. Сирийская версия произведения появилась в районе Эдессы «сирьской», где начинал подвижничество святой, и сохранилась в списках V–VI вв.; греческая версия известна в рукописях начиная с IX в.; в X в. сложился культ Алексея Человека Божьего в латинской традиции; далее появились переводы с греческого и латинского на другие языки, в том числе и на славянские [26, с. 77–80].

В Житии Человека Божьего отражена «установка на парадоксальность святости», присущая византийской агиографии [21, с. 52]. Тайная святость, как она описывается в житиях раннехристианских святых, выше явной, а сама степень святости «не определяется соблюдением стандартных правил аскезы» [21, с. 51–52]. Об этом свидетельствует сирийская версия Жития Человека Божия, судьба героя которого, как отмечает С. А. Иванов, похожа на рассказы о «тайных слугах Господа»: «Алексий, сын богатых родителей, вернувшись домой неузнанный под видом нищего, молится по ночам, долго отказывается назвать себя церковному сторожу, заметившему его благочестие; потом он все же рассказывает ему о себе, но берет клятву молчать; наконец Алексий умирает в больнице для нищих, а когда епископ узнает о том, что усопший был великим праведником, тело не удается обнаружить – оно восхищено на небо» [21, с. 82]. В дальнейшем именно сюжетная форма о «тайных слугах Господа» была использована в жизнеописаниях юродивых [21, с. 52–53].

Отметим, что уже в ранней сирийской версии безымянной легенды о Человеке Божиим, который в поздней редакции получил имя Алексея, вводится, по сравнению с Житием Иоанна Каливита, новый мотив – святого погребают вместе с нищими, *однако впоследствии его тела там не оказывается*: «Когда блаженный испустил дух, больничные служители тотчас же отнесли его на носилках, как это они делали обычно без особых церемоний, в усыпальницу для странников. <...> [Привратник. – Е. Р.] обо всем рассказал епископу, страстно моля его воздать должные почести чистым и непорочным останкам и похоронить святого торжественно и пышно, в достойном месте. <...> По пути они встретили могильщиков, которые возвращались после погребения святого. Когда их спросили, где они погребли этого странника, они ответили: “Рядом с такими же, как он”. <...> Когда подошли к могиле, епископ приказал вскрыть склеп, потом он и все, кто был с ним, и могильщики вошли внутрь, чтобы взять тело святого и воздать ему должные почести. Посмотрели и увидели, что только нищенские лохмотья, в которые был одет святой, лежат на этом месте, *а тела его нет. Тщательно искали они тело по всему склепу, но не нашли ничего, кроме его одежд*» [22, с. 103]. Исчезновение тела воспринимается окружающими как чудо и свидетельство богоизбранности почившего: «<...> И стал молиться святой Раввула, и говорил со

слезами: “Сохрани меня Господь, если отныне я стану заниматься чем-нибудь, кроме попечения о странниках. Кто знает, может быть, немало есть таких смиренных, как этот нищий, *избранных Богом, но безвестных среди людей из-за своего смирения*”» [22, с. 103].

Свидетельства о том, что тела праведников после смерти могут быть скрыты от людей, содержатся и в ранней русской патериковой традиции. Так, в рассказе о постнике Киево-Печерского монастыря Евстратии встречается мотив исчезновения чудотворных мощей инока. Как говорится в произведении, после длительных мучений и истязаний он был умерщвлен иудеем, а его тело брошено в реку. Останки не смогли найти, однако и в реке от мощей Евстратия совершались чудеса: «Тѣло же святаго в море вверъжено бысть, *идѣже множество чудесъ сътворяется. По искании же быша вѣрными святаго его мощи не обретенными*» [23, с. 368]. Примечательна фраза, резюмирующая краткое жизнеописание Евстратия: «*не въсхотѣ бо святий от человекѣкъ славы, но от Бога*» [23, с. 368].

Следует отметить, что в рассказах о мученической смерти святых и в византийской, и в русской агиографической традиции композиционный эпизод «погребение святого» состоит, как правило, из двух антиномичных сюжетных мотивов: «осквернение / уничтожение, непогребение и сокрытие тела праведника мучителями» и «чудесное явление чудотворных (невредимых) мощей праведника христороубам и благочестивое погребение, проявляющее святость подвижника».

По такому принципу строится сообщение о смерти в жизнеописании святых мучеников в Афонском патерике. После казни мощи преподобномученика Онуфрия были положены в куль, отвезены в открытое море и брошены в воду, однако Господь «сохранил их невредимыми и в волнах морских», поскольку «хранит Господь вся кости их и ни едина от них сокрушится» (Пс. 31: 21) [2, с. 24].

В рассказе о 42 мучениках Аморийских (будучи плененными, сорок два воеводы отказались от предложения халифа в Персии принять ислам, и только один из них оказался ренегатом) в редакциях X в. говорится о том, что расчлененные и брошенные в воду тела мучеников вновь обретают целостность, не тонут и чудесным образом обнаруживаются христороубами, которые их благочестиво погребают: «Тела казненных были брошены в р. Тигр. Тело ренегата тотчас же погрузилось на дно, тогда как *тела 41-го виднелись на речной поверхности в виде как бы судов, причем каждая голова пристала к своему туловищу*. Они проплыли довольно миль и остановились в одном речном заливе. *Здесь они были взяты христороубами и положены в одном замеченном месте* – обычное выражение мученичеств» [25, с. 82]; «*...тела обнаруживались ночным светом над водою и обретенны “божественным оным игуменом монастыря”, который положил их в раках*» [25, с. 84].

В новелле из Киево-Печерского патерика повествуется об иноке Григории, который был утоплен в Днепре слугами князя Ростислава Всеволодовича. Монастырская братия два дня искала инока и не могла найти, пока он сам не явился в третий день в келью: «въ 3-й день приидоша в кѣлию его, хотяще взяти оставшаа

его, и *ее мертвый обрется в кѣлии связанъ, и камень на выи его, ризы же его еще мокры, лице же его бѣаше свѣтло, самъ же аки живъ*. И не обретется кто принесый его, но и кѣлии заключеннѣ суши <...>» [23, с. 410]. Его мощи оказались нетленными, от них впоследствии происходили чудеса: «Братия же изнесше тѣло его и положиша в печерѣ честнѣ, иже за многа лѣта пребысть цело и нетлѣнно» [23, с. 410].

Чудесным образом обнаруживается тело основателя Маркушевской пустыни преподобного Агапита, убитого в 1585 г. и утопленного вместе с тяжелыми веригами в реке Уфтюге: «Узнавши о том жители деревни Камкина стали подстергать его, и когда старец 21 числа мая возвращался в обитель, они под предводительством Богдашки Ляхова напали на него и убили вместе с обоими его спутниками и тела их бросили в реку Уфтюгу, полагая, что быстриную ее унесет тела и не падет на них подозрение в этом страшном злодеянии. С этою конечно целию убийцы сняли с тела преподобного и тяжелые его вериги и особо бросили в реку, чтобы тяжесть их не погрузила и не задержала тела» [4, с. 544]. Однако именно вериги старца помогли найти его тело, а затем он был погребен с почестями в созданном им монастыре: «Долго искали они старца и его спутников в оврагах и в лесу около дороги, но нигде не могли найти, пока не пришли на берег реки Уфтюги и не увидели железных вериг преподобного Агапита, плавающих на одном месте на поверхности воды, подобно легкому древу. Под ними нашли и все три тела убитых, хотя вода в Уфтюге в то время была еще велика и быстра. С горькими слезами и рыданием братия перенесли тела убиенных в обитель и с великою честью погребли преподобного Агапита посреди монастыря, между созданными им церквями, и поставили над могилою его часовню, а вериги положили на его гробницу. Во все время существования Маркушевского монастыря мощи преподобного почивали в этой часовне до построения нынешней каменной приходской церкви, в которой они находятся на южной стороне холодного храма, в склепе» [4, с. 545].

Многовековое наследие византийской агиографии (раннехристианская монашеская практика, святоотеческие писания, завещания основателей монастырей, жития византийских святых), в которой, наряду с жизнеописаниями благочестивой кончины и торжественного погребения подвижников, сложилась традиция «небрежения» к телу, связанная с осознанием собственной греховности, противопоставлением плотского и духовного, тленного тела и бессмертной души, а также наличие в ней парадоксального мотива «тайные слуги Господа» с иерархией явной и тайной аскезы в пользу последней, не могло не оказать влияния на формирование особенностей русского религиозного сознания и русской агиографии. Это, наряду со многими другими факторами, подготовило почву для почитания в XVI–XIX вв. святых праведников, в основном на Русском Севере, о благочестивой жизни которых не сохранилось никаких известий, а их тела не удостоились христианского погребения.

Жития таких святых обладают рядом композиционных особенностей, а их структура существенным образом отличается от классической схемы жития. От-

метим при этом, что структурно-композиционные черты, присущие житиям праведников, прослеживаются и в севернорусских жизнеописаниях преподобных, преподобномучеников и юродивых. В этих случаях терминологический характер выражения «жития праведников» не столько связан с типом святости, сколько служит определением, отмечающим данную жанровую разновидность житий [29, с. 391–393].

В житиях русских праведников описание преставления святого, как правило, отсутствует или не укладывается в рамки церковного канона. Многие севернорусские жития и сказания нарушают канонические представления о богообразном успении подвижников, рассказывая о чудотворениях от нетленных останков утонувших (Сказание о Вассиане и Ионе Пертоминских, Сказание о Иоанне и Логгине Яренских), убитых «лихими» людьми (Повесть об Исайте и Никаноре Ручьевских), умерших от молнии (Житие Артемия Веркольского), самоубийцах (Сказание о Кирилле Вельском), чьи мощи были принесены водой (Сказание о Иакове Боровичском) или «земля издаде» (Житие Евфимия Архангелогородского, Житие Афанасия Наволоцкого, Сказание о Прокопии Устьянском, Житие Петра Черевковского), и др. Первоначально тела праведников не удостоивают погребения, оставляют лежать «в пусе месте» – в лесу, как в Житии Артемия Веркольского, в истории об Афанасии Наволоцком; на берегу, как в Сказании о Вассиане и Ионы Пертоминских; в деревянном обрубе или срубе, как в Сказании об Иоанне и Логгине Яренских, в агиографических памятниках о Иакове Боровичском, в Сказании о епископах Пермских; обложенными камнями и ветками «аки некая хоромина», как в Повести об Исайте Ручьевском, и т. п. Однако впоследствии тела праведников чудесным образом обнаруживаются нетленными и от них происходят многочисленные исцеления. Затем устанавливается традиция почитания подвижников, выражающаяся в перенесении их чудотворных тел в существующие храмы или в возведении над нетленными останками новых храмов или монастырей.

Рассмотрению особенностей еще одного аспекта модели смерти святого – теме божественного промысла в житиях праведников – будет посвящена наша следующая статья.

***

1. Асмус В. Предисловие к «Евергентин» [Электронный ресурс]. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Valentin_Asmus/predislovie-k-evergentin/ (дата обращения: 12.10.2018).

2. Афонский патерик, или Жизнеописание святых на афонской горе просиявших. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1897. Ч. 1. Изд. 7-е, испр. и перераб.

3. Власов А. Н. Эпизод «преставления» святого как структурный элемент житийного текста (на материале памятников Устюжской литературной традиции) // Семиотика культуры: межвуз. сб. научн. тр. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1994. С. 53–75.

4. Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда: Тип. В. А. Гудкова-Белякова, 1880.

5. Голоскова Н. А., Рыжова Е. А. Модель «смерти» праведника в древнерусской агиографии // Семиотика культуры: тез. докл. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1991. С. 5–7.
6. Греческая версия Жития Пахомия Великого // Хосроев А. Л. Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб.; Кишинев; Париж: Нестор-История, 2004. С. 187–288.
7. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. М., 1989. С. 114–135 [Электронный ресурс]. URL: <http://antropology.rchgi.spb.u/forum/gurevich.htm> (дата обращения: 20.10.2018).
8. Евергентин. Благолюбие: в 4 т., в 2 кн. 2010. Свято-Троицкое издательство [Электронный ресурс]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/paterik/everg_8/txt17.html (дата обращения: 22.10.2018).
9. Житие Александра Свирского. РНБ, собр. Погодина, № 874, л. 500 об. XVI в. Цит. по: Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2002.
10. Житие Андрея Юродивого / Подготовка текста, перевод и комментарии А. М. Молдована // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 330–359, 541–544.
11. Житие Антония Великого [Электронный ресурс]. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Afanasij_Velikij/zhitit-prep-antonija-velikogo/ (дата обращения: 22.10.2018).
12. Житие Антония Сийского // Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского: Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 2000. С. 241–340.
13. Житие Арсения Великого // Великие Минеи Четьи Дмитрия Ростовского. 8 мая [Электронный ресурс]. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/402 (дата обращения: 13.10.2018).
14. Житие Георгия Шенкурского // Усердов М. Святой праведный Георгий Шенкурский // АЕВ. 1899. Ч. неоф. С. 200–211.
15. Житие Григория Пельшемского // Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского: Тексты и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. С.-Петербургский ун-т, 2003. С. 147–180.
16. Житие Дмитрия Прилуцкого / Украинская Т. Н. Житие Дмитрия Прилуцкого – памятник вологодской агиографии // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 25–54.
17. Житие Кирилла Новоезерского // Житие Кирилла Новоезерского: Текст и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2003. С. 23–91.
18. Житие Сергия Радонежского / подгот. текста Д. М. Буланина, пер. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина, комм. Д. М. Буланина // БЛДР. Т. 6. XIV – середина XVI века. СПб.: Наука, 1999. С. 254–411.
19. Житие Феодосия Печерского / подгот. текста, перевод и комм. О. В. Творогова // БЛДР. Т. 1. XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 352–433.
20. Завещание Нила Сорского / подгот. текста, пер. и комм. Г. М. Прохорова // БЛДР. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 182–183.
21. Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005.

22. История Человека Божьего из города Рима, который бы прославлен и увенчан подвигами аскетической жизни в городе Эдессе в дни достославного и блаженного священника мар Раввулы, епископа града Эдессы // Пайкова А. В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии: Палестинский сборник. Вып. 30 (93). Л.: Наука, 1990. С. 101–104.
23. Киево-Печерский патерик / подгот. текста Л. А. Ольшевской, пер. Л. А. Дмитриева, комм. Л. А. Дмитриева и Л. А. Ольшевской // БЛДР: XII в. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 296–489.
24. Лествица, или Скрижали духовные. Слово 5. О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников, и о темнице [Электронный ресурс]. URL: https://azbuka.ru/otechnik/loann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/10 (дата обращения: 13.10.2018).
25. Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков: Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Пг., 1914. Ч. 1.
26. Пайкова А. В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии: Палестинский сборник. Вып. 30 (93). Л.: Наука, 1990.
27. «Паралипомена» // Хосроев А. Л. Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб.; Кишинев; Париж: Нестор-История, 2004. С. 333–363.
28. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 431–500.
29. Рыжова Е. А. Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2007. Т. 58. С. 390–442.
30. Саидское Житие Пахомия Великого // Хосроев А. Л. Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб.; Кишинев; Париж: Нестор-История, 2004. С. 315–318.
31. Святой преподобный Ефрем Сирийский. Творения. Т. 3. Предсмертное завещание [Электронный ресурс]. URL: https://www.biblioteka3.ru/biblioteka/efrem_sir/tom_3/txt19.html (дата обращения: 22.10.2018).

В. И. Супрун
V. I. Suprun

ЗВУК [X] И ЕГО РЕФЛЕКСЫ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

THE SOUND [X] AND ITS REFLEXES IN THE HISTORY OF SLAVIC SYSTEM OF CONSONANTS

В статье рассматривается история славянского звука [x], его преобразования по фонетическим законам, действие в языках лингвоэкономических и лингвоэстетических принципов развития. Звук возник в праславянском языке в ходе мутации [s] > [x] и из других источников, он становится частью фонетической системы всех славянских языков. Во II–III вв. н. э. вместе с другими заднеязычными согласными он подвергся первой палатализации и йотации, а позже третьей и второй палатализациям. С XII в. в восточнославянских диалектах получает распространение звук [x'], отражая постепенное исчезновение рефлексов второй палатализации в формах слов. В XIV в. у всех восточных славян отвердел звук [u]. В сербском, хорватском и македонском языках проявилась тенденция к исчезновению звука [x], он употребляется только в заимствованных словах, а в исконных либо отбрасывается, либо заменяется на [j] и [v].

Ключевые слова: консонантизм, звук [x], мутация, s-mobile, палатализация, йотация, рефлекс, велярный спирант, закон Педерсена, древнерусский язык.

The article deals with the history of Slavic sound [x], its transformation according to phonetic laws, the action in the languages of linguistic-economic and linguistic-aesthetic principles of development. The sound originated in the proto-Slavic language during the mutation [s] > [x] and from other sources, it becomes part of the phonetic system of all Slavic languages. In the II-III centuries ad, together with other posterior consonants, he underwent the first palatalization and iotation, and later the third and second palatalization. Since the XII century in the East Slavic dialects sound [x'] has been spreading, reflecting the gradual disappearance of the reflexes of the second palatalization in the forms of words. In the XIV century, all the Eastern Slavs hardened sound [u]. In the Serbian, Croatian and Macedonian languages there is a tendency to the disappearance of the sound [x], it is used only in borrowed words, and in the primordial either discarded or replaced by [j] and [v].

Keywords: consonantism, sound [x], mutation, s-mobile, palatalization, iotation, reflex, velar spirant, Pedersen's law, old Russian language.

История звука [x] – одна из загадок глоттогенеза и лингвогенеза. Его не обнаруживают в ностратическом консонантизме, где имеется триада переднеязычных: взрывной звонкий [d]– взрывной глухой [t] – фрикативный глухой [s], но у заднеязычных третий элемент отсутствует: [g] – [k] (глоттализированные и предполагаемый звонкий [z] опускаем) [41, с. 237]. Нет его и в праиндоевропейском, где наблюдается та же картина: [d] – [t] – [s] и [g] – [k] (придыхательные из анализа опускаем) [48, с. 6–7; 40, с. 119]. В праславянском языке начинаются активные

процессы дополнения заднеязычной пары третьим элементом, создания триады заднеязычных, сходной с троичной переднеязычной системой. Главным источником нового звука стало прогрессивное воздействие гласных *i (*ī, *ī), *u (*ū, *ū) и согласных *r, *k на единственный фрикативный *s, который резко передвигался вглубь ротовой полости и трение переносилось на заднюю часть языка. В истории славистики и индоевропеистики этот процесс получил наименование закон Хольгера Педерсена [8, с. 369], хотя первым его описал голландец Кристиан Корнелиус Уленбег, но его труд не получил известности в научных кругах.

По воздействующим звукам этот закон называется также правилом «руки» (*r, *u, *k, *i). Если воздействие звуков *k и *u можно объяснить физиологическим приспособлением переднеязычного фрикативного *s к предшествующим звукам, передвижением трения в область заднеязычного взрывного согласного и гласного заднего ряда соответственно, то в случае звуков *r, *i, видимо, имеет место противоположный процесс – отталкивание звуков, возникающих на кончике языка и при артикуляции мешающих другу другу. Препятствием для перехода *s в велярный спираント были последующие взрывные звуки *p, *t, *k [50, с. 128; 2, с. 165].

Возможно, первоначально возникла аффриката [*kx̣], которая, как и аффриката *t̥s, утрачивала смычный элемент в результате действия внутри звука принципа восходящей звучности [28] и превращалась в простой фрикативный звук, отдавая при этом энергию предшествующему гласному, который удлинялся [27, с. 524]. Это хорошо проявляется при образовании в праславянском языке 1-го лица единственного числа сигматического аориста от основ на согласный: *reksū > rekhū > rekḥū > rēxū > РѢХЪ; *peksū > pekhū > pekḥū > rēxū > ПѢХЪ; ср.: *čitsū > čit̥sū > čisū > ЧИСЪ; *vedsū > vetsū > vetsū > vēsū > ВѢСЪ.

Звукосочетания	Аффрикаты	Дезаффрикация
*t + s	t̥s	s
*k + x	ḳx	x

Вокалическое удлинение показывает, что аффриката воспринималась носителями языка как более эффективный, яркий, эмоционально окрашенный звук, обладающий более сильной энергией, чем простые звуки, поэтому при её упрощении эта энергия направлялась на предшествующий гласный.

Ф. Ф. Фортунатов, опираясь на литовские звуки [s] и [š], предполагал, что общеславянское [x] восходит к двум звукам индоевропейского языка [36, с. 73–74]. В. А. Маслова отмечает, что в отличие от протобалтийского и протоиранского диалектов индоевропейского языка в протославянском процесс перехода [s] в [x] был наиболее активным [19, с. 207]. Ж. Ж. Варбот считает целесообразным обобщение данных протекания подобных фонетических мутаций в ареале греческого, иранских, балтийских, индийских и иллиро-кельтских языков Верхнего Дуная [5, с. 134].

Ж. Ж. Варбот высказывает также осторожное предположение, что на мутацию [s] > [x] в праславянском языке мог оказать воздействие последующий просодический признак, ларингал [5, с. 135]. Вместе с тем переход [s] > [x] отмечен не только в славянских языках. Андре Вайян говорит об аналогичном изменении в истории испанского языка как о типологической параллели возможному изменению *š > *x [55, с. 28].

Помимо закономерного возникновения (мутации) звука [x] из [s], обнаруживается некоторое число примеров его происхождения из других источников. В.М. Иллич-Свитыч уточнил закон Теодора Зибса об оглушении звонкого или звонкого придыхательного смычного в индоевропейских языках при присоединении s-mobile к корню и установил, что звук [x] в славянских языках мог возникать из начального сочетания s-mobile со звонким заднеязычным (простым и придыхательным) с возможным прогрессивным оглушением и сохранением в новом звуке целевого произношения первого звука и заднеязычности второго. Закон Зивса приобрёл следующий вид:

- *s + k > санскр., др.-греч., герм., балт., слав.sk-;
- s + g > санскр., др.-греч., герм., балт. sk-, слав. x-;
- s + gh > санскр., др.-греч. skh-, герм., балт. sk-, слав. x- [11].

В. Э. Орёл, однако, на материале «Этимологического словаря славянских языков» обнаружил, что славянское неэкспрессивное [x] восходит исключительно к *sk, *ks и *s и вполне вписывается в действие закона (правила) «руки» [21, с. 5–6].

Этот звук появлялся незакономерно в формах слов в результате аналогии [47, с. 228]. Наиболее типичными примерами этого являются формы славянского аориста 1-го лица оувидѣхъ, оувидѣхомъ, призвахъ, призвахомъ, возникшие в результате процесса обобщения по аналогии с коупихъ, коупихомъ [37, с. 196]. Под влиянием остальных типов склонения, в которых в местном падеже множественного числа [x] закономерно преобразовывался из *s после *i и *u по закону «руки», в склонении на *ā также появилось окончание -ахъ: женахъ, доушъхъ [37, с. 152].

Стал классическим пример *ходити* < *приходити* как иллюстрация возникновения звука [x] в результате обратной деривации. Ж.Ж. Варбот относит его к проявлениям данайского адстрата, ставшим общим лексическим достоянием протославянских и протогреческих диалектов, ср.: *hodos ‘путь для перемещения верхом или в повозке; один дневной переход сидя верхом или в повозке’ [5, с. 135]. Можно, однако, предположить передвижение полугласного палатального [j] с середины на конец языка с последующим превращением в глухой фрикативный в вариантах корня *jīd- / ход-, ср.: *идут, ходят, шедший*. Обратный процесс позже проявился в сербском языке, в котором в диалектах интервокальный [x] передвигается вперёд и превращается в сонорный [j]: *снаха > снаја, кихати > кижати* [45; 42, с. 96]. Эти случаи свидетельствуют о том, что в славянской фонетической системе наблюдается консонантное взаимодействие между звуками [x] и [j]. В южнорусских говорах в подобное взаимодействие с полу-

гласным палатальным [j] вступает фрикативный [ɣ'], являющийся звонкой парой к [x']: *енерал, ерманец, иде* < [ɣ'ð'э] [26, с. 161–162, 218].

Звук [x] встречается в заимствованных словах на месте фарингальных звуков языка-донора. Славяне заменили германский фарингальный звонкий [h] глухим заднеязычным фрикативным [x]: *хижина* < *hûs*, *хлеб* < *hlaifs*, *хлев* < *hlaiw*, холм < **hulma-* [34/IV: 235, 242, 243, 255]. Мы находим [x] также на месте персидского нижефарингального [h]: *хаз* 'кусок ткани' < *hez* 'шёлковая и шерстяная ткань' [34, с. 215], карельского [h]: *хай* 'арханг. опытность' < *haju* 'ум, разум', *харва* 'арханг. сеть' < *harva* 'сеть с большими ячейками'; *хариуз* 'сорт рыбы' < *harjuš*; *харяки* 'магарыч' < *harjakat* [34/IV, с. 216, 224, 226], ненецкого увулярного [h], который в начале слова произносится как придыхание, в середине – как звонкий фрикативный: *хапторка* 'самка оленя' < *habarta* 'лось' [34/IV, с. 223].

Звук [x] появляется также в исконных оноματοпоэтических и экспрессивных словах [15, с. 169]: *хавать, хавкать, хавальник* 'рот'; *халкать* 'жадно глотать', *хамать, хамкать, хахаль, хвистать, хвоша, хихикать, хлам, хламать, хлипать, хлобыстать* и др. [34/IV, с. 215, 218; 4. с. 197, 227, 231, 233, 241, 244]. Это показывает, что звук [x] обладает способностью придавать слову экспрессию, что косвенным образом свидетельствует о его лингвоэстетических истоках. М. Фасмер, приводя этимологию различных слов с начальным *x-*, говорит об экспрессивности звука [34/IV, с. 252, 253 и др.].

Звук [x] настолько прочно вошёл в восточнославянский консонантизм, что, когда возникла проблема с заимствованием из греческого и других языков слов с чуждым славянской фонетике звуком [φ], он «подставил плечо» заимствованным словам и стал в них этот звук заменять собой в чистом виде или в сочетании со звуком [в] (наряду с фонемой [п]: *парус* < греч. *φάρος* 'маяк', *Степан* < греч. *Στεφάνος* и др.): *Хома, Хаврония, Халимон, Хвёдор, Хвилип*. Это фонетическое явление до сих пор является живым в русских, белорусских и украинских народных говорах: рус. *тухли, хунт, хуражка, торх, хверма, хвартук, хвамилия* [24, с. 59], белорус. *Хроська, Хадорка, Хілімон, хвабрыка, картохвель, Хвёкла, Хведар* [18, с. 42], укр. *кохта, хвокус, хвото* [30, с. 120].

Учёные довольно единодушны в определении времени действия закона Хольгера Педерсена – середина 1-го тысячелетия, VI–V века до Р.Х. [50, с. 633; 53: 143]. Звук [x] вошёл в фонетическую систему праславянского языка и преобразовал диаду заднеязычных в триаду, аналогичную переднеязычной. Эта триада сохранилась во всех славянских языках, однако в чешском, словацком, украинском, белорусском языках и южнорусских говорах она претерпела изменения, в результате которых пара по глухости / звонкости взрывных [g] / [k] заменилась на фрикативные [ɣ]([h]) / [x].

Попытки объяснить этот процесс предпринимались неоднократно. А. А. Шахматов и Н. С. Трубецкой предполагали, что [ɣ] возникло в диалектах общеславянского языка на позднем этапе общеславянской эпохи [39, с. 33–34; 54, с. 267–268]. А. Вайян считал [ɣ] продуктом системы чередования и называл пару закономерных рефлексов первой палатализации и йотации $\gamma : \text{ž} / \chi : \text{š}$

[55, §11]. Чешские, словацкие и польские исследователи полагали, что процесс перехода [g] в [ɣ] затронул западнославянские языки не ранее XI века и продолжался в некоторых языках (например, в верхнелужицком) до XIII века [49, с. 51]. Я. Гебауэр указал, что в чешском языке переход от [g] к [ɣ] произошёл в XII веке [43, с. 37]. Ф. П. Филин отмечал, что начало утраты затвора во взрывном g происходило ещё в общеславянскую эпоху; взрывной сохранился у восточных славян в диалектах словен и кривичей, а в остальных племенных диалектах он изменился в γ [35, с. 255], который чередовался с [x].

Это чередование обнаруживается рано. Во многих трудах по истории славянского консонантизма приводятся записи византийского императора Константина Багрянородного из его сочинения «Об управлении империей» (949): Ὀστροβουνίπραχ, Βουβνίπραχ (см. [13, с. 3, 194–196]), во второй части которых предполагается церковнославянское неполногласное прагъ ‘порог’ с оглушением [ɣ] > [x]. Некоторые учёные считают, что в этом слове используется метафора прахъ ‘пыль (от падения воды в пороге)’, что менее вероятно [35, с. 251]. В «Изборнике Святослава» (1073) обнаруживается кънихъчии, гиперизм укроугъ вместо укроухъ [10], что также является свидетельством чередования [ɣ] > [x] в слабой позиции.

Однако на этом процесс пополнения системы славянского консонантизма не остановился. Произошёл очередной поиск более выразительных фонетических средств для передачи языковой экспрессии и отражения фоноэстетических представлений носителей языка, что привело к созданию серии новых более сложных в артикуляции звуков. Этот процесс затронул все заднеязычные согласные, которые трижды подверглись преобразованиям по законам трёх палатализаций и ещё раз по правилам йотации.

По вопросу о первой палатализации разброс мнений учёных существенный: от VI–V вв. до н.э. [22, с. 38] до V–VI вв. н.э. [50, с. 252; 53, с. 223], т.е. почти 1200 лет. Думается, что истина находится посередине [46], и доказательством этому служит судьба звонкой аффрикаты [дж’], появившейся в результате регрессивного воздействия гласных переднего ряда на заднеязычный [g] (первая палатализация) и регрессивного преобразования его же перед среднеязычным полугласным палатальным [j] (йотация).

Причиной исчезновения этой аффрикаты в славянских языках были две тенденции: одна исходила из глубин глоттогенеза, а вторая опиралась на собственно славянские закономерности формирования звукового потока. После того как стремление носителей языка сделать свою речь более яркой, эмоциональной, воздействующей, вызвало к жизни аффрикаты, лингвоэкономические причины стали набирать силу и начали теснить лингвоэстетические, упрощать сложные для произношения двуприродные звуки. Закон экономии речевых усилий стал причиной появления в славянских языках принципа восходящей (возрастающей) звучности, регулирующий последовательность друг за другом согласных в составе слога. Он требовал, чтобы в сочетании *смычный* + *фрикативный* первый элемент исчезал [1, с. 95], поскольку взрывной в этнолингвосознании древних

славян воспринимался как более звучный и потому нарушал восхождение звучности.

О. Н. Трубочёв писал: «Тенденция к постепенному повышению звучности, впоследствии так ярко выразившаяся в гласном облике славянской речи, задолго до того проявила себя в праславянских консонантных инновациях (здесь – дезаффрикация)» [32, с. 50]. Именно в этом заключались причины превращения аффрикаты [dʒ'] в простой шипящий звук [ʒ']. Аффриката содержала в своём составе двуприродность по способу образования: в начале стояла смычка, переходящая затем во щель. Это нарушение возрастания звучности неизбежно привело к устранению начального эксплозивного элемента и превращения аффрикаты в простой звук [27, с. 520]. Ещё в эпоху праславянского единства звонкая аффриката утратила смычку, превратилась в простую фонему [ʒ']. Исчезновение звонкой шипящей аффрикаты произошло, видимо, до III–IV века после Рождества Христова, поскольку во всех славянских языках отмечен только простой шипящий звук на месте этой аффрикаты: рус., болг., серб., макед. *жена*, белор. *жана*, укр. *жона*, *жінка*, чеш., словац., хорв., словен. *žena*, польск. *żona*, в.-луж., н.-луж. *žona* [34/II, с. 46]. Следовательно, первая палатализация произошла не позже этого времени, она, естественно, затронула и звук [x], который просуществовал без существенных изменений в славянском консонантизме около 800 лет, чтобы во II–III вв. н.э. вместе с другими заднеязычными подвергнуться первой шипящей палатализации и йотации, а затем третьей и второй свистящим. Звук [x] по первой палатализации был преобразован в [š'], по второй и третьей – в [s] (в чешском языке и по второй палатализации в [š']). Произошёл своеобразный возврат звука в исконное состояние, но в первом случае он обрёл двуфокусность, что также было в определённой степени показателем лингвоэстетики, усилением эмоционального воздействия звучащей речи.

Преобразование звука [x] в шипящий происходило перед всеми гласными переднего ряда, включая [ǣ], который под воздействием мягкого [ш'] переходил в [a]: *шалить*, *шалун* – корень *xǣl-, другая его вокализация *xǫl- даёт *нахал* [34/IV, с. 399].

Относительно времени возникновения второй палатализации мнения учёных расходятся незначительно, они считают, что самым ранним периодом её проявления могли быть II–III вв. н. э., а наиболее поздним – VI–IX вв. Второй срок, видимо, более реален. Т. Лер-Сплавиньски отмечает, что вторая палатализация заднеязычных, в отличие от первой, происходила в период, когда славяне уже были не столь едиными, как ранее, поэтому в восточной (учёный придерживается точки зрения, что южно- и восточнославянские языки были едиными при выделении из праязыка) и западной частях праславянского мира она проявилась по-разному. По мнению А. М. Селищева, прежде всего это касалось двух явлений у западных славян: 1) отсутствие дистантной палатализации в звукосочетаниях *kvi, *gvi, *xvi, *kvě, *gvě, *xvě; 2) переход x > š в отличие от s у восточных (и южных) славян: рус. *серый*, *седой*, польск. *szary*, *szady*, чеш. *šerý*, *šedý* [15, с. 18–19].

У восточных славян вторая палатализация проявилась не повсеместно, она не происходила или была утрачена новгородским говором: *хѣде* ‘седой’; *хѣрь* ‘серь, серое (некрашеное) сукно’; *кѣркы* ‘церковь’; *кѣле* ‘цел’; *кѣ тетѣкѣ, на Лугѣ; на отрокѣ, отроки, вежъники; вѣ другѣмь* и др. Исследователи отмечают, что в берестяных грамотах палатализация встречается только в церковной лексике. Как и в западнославянских языках, в новгородском говоре не произошла вторая палатализация в сочетаниях **kv, *gv: звѣзда* ‘звезда’; *квѣт* ‘цвет’. Третья палатализация непоследовательно отмечена у заднеязычных звонкого [g] в середине и на конце слова и у фрикативного [x] в местоимении *вѣхъ* ‘весь’, но последовательно отражается у [k]: *нелга* ‘нельзя’, *варлгъ; стагъ*; топоним *Вховезъ* < **Въховѣдъ* ‘Всевед’; но *отѣць, мѣслаць, задъница* [20, с. 27; 6, с. 64–65; 9, с. 39–41, 45–47].

От первой палатализации не отличается йотация заднеязычных звуков, она даёт такие же рефлексы. Различия заключаются в оформлении суффикса: *тиши-на* < **tīxīnā* – 1-я палатализация, *тишь* < **tīxjī* – йотация. В праславянском языке **j* входил в состав многих частотных формантов: суффиксы существительных -*jь, -ja, -jo* > -*je*, суффиксы притяжательных прилагательных, суффикс сравнительной степени прилагательных, глагольные суффиксы и флексия и др. [47, с. 233]. Звук [x] переходил в мягкий [ш’]: *доухъ* > *доушъ*. М. Шекли датирует славянскую йотацию V–IX веками н. э. [53, с. 233], т.е. она была несколько позже первой палатализации.

В дальнейшем в славянских языках происходили новые преобразования звука [x] и его рефлексов. Уже в древнецерковнославянском языке наблюдались заимствованные слова с гласными переднего ряда после заднеязычных (кесарь, хвтонь, гигантъ), в глаголице для мягкого [г’] в подобных словах даже использовалась специальная буква *гервь*. С XII–XIII вв. появляются регулярные записи *ги, ки, хи* в древнерусском языке (один из первых примеров – небескимъ в Галицком евангелии 1144 года), после чего можно говорить о появлении у восточных славян мягкой фонемы [x’], оформилось противопоставление [x] / [x’]. Произошло выравнивание основы существительных при склонении (выравнивание парадигмы): *моусѣ* → *моухѣ*, *монаси* → *монахи*. В белорусском языке твёрдые заднеязычные на письме сохранялись до XV века, хотя, видимо, к этому времени уже существовали мягкие парные звуки. В Библии Скорины XV века отмечаются *похыбы, грѣхы* [18, с. 47]. В остальных славянских языках [x] оставался только твёрдым.

В некоторых словах среднесловацких говоров и в восточнословацких говорах исконный [x] переходит в [h]: *raholok, њehat’; muha, hudobni* и др. Предполагается, что это явление возникло на востоке Словакии под влиянием венгерского городского населения, которое усвоило словацкий язык, но из-за отсутствия в их родном языке звука [x] заменило его [h]. Однако Я. Станислав отмечает, что подобный фонетический процесс отмечается в польских и сербохорватских диалектах, где венгерское влияние трудно ожидать [52, с. 179–180]. Кроме того, в среднесловацких говорах [x] мог переходить в [k]: *skodi* < *schody*, *kcem* < *chcem*, *њek*

sa ráci < ňech sa ráci др. [52, с. 181]. Похожее явление отмечается в верхнелужицком языке: в начале морфемы [x] произносится как аспирированный [k^h]: chlěb [k^hl'ep], wobchod [ɔpɔk^hot]. В середине и на конце слова в верхнелужицком и во всех позициях в нижнелужицком языке произносится [x] [31, с. 178].

Более серьёзные процессы с функционированием [x] произошли в южнославянских языках. В сербском языке, как отмечалось выше, этот звук переходит в [j]. В некоторых случаях он двигается ещё дальше в ротовой полости и становится губно-зубным фрикативным [v] (полное передвижение вперёд с языка на губы: *муха* > *мува*, *ухо* > *уво*, *глуха* > *глува*) [45; 42, с. 96]. Знаменитый сербский просветитель, основатель сербского литературного языка, создатель азбуки, названной по его имени вуковицей, Вук Стефанович Караджич в первом издании своего словаря сербского языка употребляет букву *x* только в некоторых заимствованных словах типа *воздух* (из русского, ныне *ваздух*) [12]. Любопытно, что на обложке словаря он перевёл на немецкий и латинский языки не только название книги, но и своё имя (не указав фамилию): Wolf Stephansohn / Lupus Stephanus. Позже Караджич регулярно включает букву *x* в свои книги и даже начинает её употреблять в тех словах, где сербы не произносили звука [x]. На признание звука повлияло его знакомство с вариантами сербского языка в Дубровнике, Черногории, особенно в Боснии и Герцеговине, где у местных мусульман под влиянием турецкого языка он встречался часто, а также, возможно, после посещения России с февраля по май 1819 года [17], где он слышал этот звук в похожих на сербские русских словах. Сейчас в сербском и хорватском языках параллельно встречаются слова с [x] и с его рефлексами: *kuhač*, *kuhača*, *kuhačica*, *kuhalo*, *kuhar*, *kuharica*, *kuhati* / *kuvar*, *kuvarica*, *kuvarka*, *kuvarski*, *kuvarstvo*, *kuvati*; *muha*, *muhar*, *muhara*, *muholovka* / *muvalo*, *muvetina*, *muvlji*; *promaja* / *promahnuti* и др. [44, с. 429, 437, 522, 528, 900]. Вариант с *x* характерен для хорватского языка и мусульманских говоров. Ныне делаются попытки создания отдельного боснийского / босанского / бошняцкого языка, одним из отличий которого от сербского и частично хорватского является наличие исторического или протетического [x] в словах: *hrđa* / *pŕja* 'ржавчина', *hudovica* / *удовица* 'вдова', *mehak*, *mehka*, *mehko* / *мек*, *мека*, *меко* 'мягкий, -ая, -ое' [15, с. 139].

В македонском языке звук [x] полностью исчез в исконных словах, заменившись на *v* или выпав в слове (как правило, в инициали), оставшись только в заимствованиях из славянских и неславянских языков: *уво*, *мува*, *глув*; *леб* 'хлеб', *оди* 'ходить, идти', *одење* 'хождение', *ладна ноќ* 'холодная ночь', *итар* 'хитрый' / *хемџа*, *хит*, *хоби*, *хроника*, *хронологија* и др., но иногда и в них заменяя *x* на *k* или даже отбрасывая его: *караактер*, *кинин*, *колера* / *алва* 'халва' [38; 29; 33, с. 339].

Претерпел изменения и звук [ш'], возникший в славянских языках в результате первой палатализации и йотации [x] (а также йотации [s]). Он сохранил свою исконную мягкость в чешском, словацком, обоих серболужицких языках [52, с. 239, 31, с. 179]. Сербский и хорватский звук [ш] является твёрдым, но по сравнению с русским звуком «воспринимается акустически как более мягкий»

[7, с. 265], как и болгарский звук, который «с артикуляционной точки зрения» мягкий, но болгарские лингвисты трактуют его как твёрдый [14, с. 221]. В русском, украинском и белорусском языках этот звук в XIV веке отвердел. В Духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 года обнаруживается запись *пояс золот Шышкина дела* [16, с. 135]. В белорусском языке всегда пишется *шы*: *шынель*, *шыць* [18, с. 45]. Отвердел этот звук и в польском, в котором имеется также мягкий [ś] [23, с. 28], но он по происхождению не связан с заднеязычным [x].

Итак, звук [x], возникнув в середине I-го тысячелетия до Р.Х. в ходе мутации [s] > [x] в праславянском языке по правилу «руки», а также в результате аналогии, приспособления фонетически близких звуков в заимствованных словах и ономастопеи, становится частью фонетической системы всех славянских языков. Примерно во II–III вв. н.э. вместе с другими заднеязычными согласными он подвергся первой шипящей палатализации и йотации, а позже третьей и второй свистящим палатализациям, в результате чего число слов и форм с этим звуком в славянских языках уменьшилось, но появился двуфокусный переднеязычный [šʹ] и относительно возросла утраченная частотность звука [s] в восточно- и южнославянских языках (в чешском языке и по второй палатализации звук [x] перешёл в [š]). С XII века в восточнославянских диалектах получает распространение звук [xʹ], отражая постепенное исчезновение рефлексов второй палатализации в формах слов. При разделении древнерусского языка на три самостоятельных этот процесс наиболее последовательно произошёл в великорусском, в котором вторая палатализация исчезла в формах слов (исключение – *друзья*), в белорусском языке он затронул звукосочетания *гы, кы, хы*, перешедшее в *гі, кі, хі*, в украинском языке сохранились твёрдые заднеязычные и вторая палатализация в субстантивной морфологии. К XIV веку у всех восточных славян отвердел рефлекс первой палатализации и йотации – звук [ш]. В сербском, хорватском и македонском языках проявилась тенденция к исчезновению звука [x], он употребляется только в заимствованных словах, а в исконных либо отбрасывается, либо заменяется на [j] и [в]. Подобные фонетические преобразования свидетельствуют о живой жизни языков, о постоянном проявлении в них лингвоэкономических и лингвоэстетических принципов развития.

***

1. Аверина С. А., Навтанович Л. М., Попов М. Б., Старовойтова О. А. Старославянский язык: учебник для высш. учеб. завед. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 448 с.

2. Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2005. 352 с. (Классический университетский учебник).

3. Брим В. А. Сочинения. Волгоград: Изд-во ВГИК РО, 2007. 224 с.

4. Быков В. Б. Русская феня. Смоленск: Траст-имаком, 1994. 222 с.

5. Варбот Ж. Ж. Рец. на кн.: Маслова В. А. Истоки праславянской фонологии: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гум. ун-та. 2006. Серия III: Филология. Вып. 1. С. 125–138.

6. Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2004. 158 с.
7. Гудков В. П. Сербохорватский язык // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 259–288.
8. Журавлёв В. К. Педерсена закон // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 369.
9. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, перераб. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
10. Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание: в 2 т. М.: Книга, 1983. 360 с.
11. Иллич-Свитыч В. М. Один из источников начального х- в праславянском (Поправка к «закону Зибса») // Вопросы языкознания. 1961. № 4. С. 93–98.
12. [Караѿић] В. Ст. Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима: Serbisch – Deutsch – Latenisches Wörterbuch: Lexicon Serbico – Germanico – Latinum. Беч (Wien, Viena): P. P. Armeniern, 1818. 928 с.
13. Константин Багрянородный. Об управлении империей: Греческий текст, перевод, комментарии / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. Изд. 2-е, исправл. М.: Наука, 1991. 496 с.
14. Котова Н. В. Болгарский язык // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 216–258.
15. Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // Языки мира: Славянские языки. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 139–197.
16. Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 132–136.
17. Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки. М.: Новое литер. обозрение, 2013. 328 с.
18. Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. М.: Учпедгиз, 1956. 336 с.
19. Маслова В. А. Истоки праславянской фонологии: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
20. Николаев С. Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 23–49.
21. Орёл В. Э. Двадцатилетие «Этимологического словаря славянских языков» (вып. 1–21, 1974–1994) // Этимология, 1994–1996 / отв. ред. О. Н. Трубочёв. М.: Наука, 1997. С. 3–9.
22. Півторак Г. П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. К.: Наук. думка, 1988. 280 с.
23. Польская А. С. Польский язык. // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 19–63.
24. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. Изд. 2-е, перераб. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
25. Селищев А. М. Старославянский язык. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2006. 496 с.
26. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост.: Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

27. Супрун В. И. Дезаффрикация как фонетическое явление и её отражение в языках и говорах // В созвездии слов и имён: Сб. научных ст. к юбилею М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 516–529.
28. Супрун В. И., Брысина Е. В. Дезаффрикация в диалектном консонантизме как отражение принципа восходящей звучности // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. №9–10(113). С. 69–74.
29. Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М. Македонско-русский словарь / под ред. Н. И. Толстого. С приложением краткого грамматического справочника, составленного В. М. Иллич-Свитычем. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 576 с.
30. Тоцька Н. І. Фонетика української мови та її вивчення в початкових класах. Київ: Радян. школа, 1976. 176 с.
31. Трофимович К. К. Серболужицкий язык // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 170–215.
32. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древних славян. М.: Наука, 2003. 495 с.
33. Усикова Р. П. Македонский язык // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 333–374.
34. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, стер. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987.
35. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. М.; Л.: Наука, 1972. 656 с.; 2-е изд., стер. М.: Ком-Книга, 2006.
36. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1957. 472 с.
37. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 288 с.
38. Шанова З., Поварнищина М., Усикова Р., Верижникова Е. Македонско-русский словарь. М.: Lingua, АСТ, Астрель, 2003. 848 с.
39. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Репр. изд. М.: Индрик, 2002. XXVIII + 367 с. (Памятники древней письменности. Исследования. Тексты).
40. Beekes R.S.P. Comparative Indo-European Linguistics: an Introduction. 2 ed. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2011. XXIV + 415 p.
41. Blažek V. Současný stav nostratické hypotézy (fonologie a gramatika) // Slovo a slovesnost (Praha). 1983. Ročník 44. Číslo 3. S. 235–247.
42. Brown W., Alt T. A Handbook of Bosnian, Serbian, and Croatian. Durham, North Carolina: The Slavic and Eurasian Language Resource Center of Duke University, 2004. 111 p.
43. Gebauer J. Mluvnicka česká pro školy střední a ústavy učitelské. D. I. Nauka o slově. Praha; Víden: Nakl. F. Tempského, 1890. 188 s.
44. Jurančič J. Srbskohrvatsko-slovenski slovar. 2. razšir. izdaja. Ljubljana: Državna Založba Slovenije, 1972. 1320 s.
45. Kovačić M. Serbian and Croatian: One language or languages? // Jezikoslovlje (Osijek). 2005. T. 6. No 2. P. 195–204.
46. Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů. 1978. S. 141–150.
47. Moszyński L. Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa: Państwowe Wyd-wo Naukowe, 2006. 408 s.

48. Ringe D. *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*. New York: Oxford University Press, 2006. 366 p.
49. Rospond S. Spirantyzacja g > h w języku staroczeskim // *Studia linguistica in honorem Thaddej Lehr-Splawiński*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, [1963]. S. 489–498.
50. Shevelov G. Y. *A Prehistory of Slavic*. Heidelberg: Carl Winter Universittsverlag, 1964. 685 p.
51. Stanislav J. K chronologii zmeny g > γ > h v slovenine // *Poeta Fr. Trvnikovi a F. Wollmanovi*. Brno: Komenium, 1948. S. 368–376.
52. Stanislav J. *Slovensk vslovnos: prruka pre umelcov a inych verejnych pracovnkov*/ Martin: Osveta, 1953. 299 s.
53. Šekli M. *Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov*. T. 1: *Od praindo-evropšine do praslovanšine*. Ljubljana: Znanstvena zaloba Filozofske fakultete, 2016. 429 s.
54. Trubetzkoy N.S. *Zur Entwicklung der Gutturale in slavischen Sprachen* // *Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863–1933)*. София: Македонския научен институт, 1933. С. 267–279.
55. Vaillant A. *Grammaire comparee des langues slaves*. Tome I: *Phontique*. Lyon; Paris: Editions d’Institut d’Art Contemporain, 1950. 320 p.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И «РУССКАЯ ВОЛЯ»

LEONID ANDREEV AND «RUSSIAN WILL»

В данной статье впервые в полном объеме рассматривается публицистика Л. Андреева, представленная на страницах газеты «Русская воля», история которой до сих пор не была предметом исследования. Доказывается устарелость ее прежних политизированных характеристик, анализируются причины сотрудничества Андреева с газетой. В первой части статьи представлена андреевская трактовка событий Первой мировой войны в контексте других материалов газеты, суть его «оборонческой» позиции.

Ключевые слова: Л. Андреев, публицистика, «Русская воля», Первая мировая война, «оборончество», миссия России.

In the article, for the first time, considered the journalism of L. Andreev, which is presented in the pages of the newspaper «Russkaya Volya (Russian Will)», the history of which has not yet been the subject of objective research. The obsolete nature of the old policy of commodity characteristics is proved. The reasons for Andreev's collaboration with the newspaper are analyzed. The first part of the article presents the Andreev's interpretation of the events of the First World War in the context of the materials of the newspaper, the essence of its «defensive» position.

Keywords: newspaper 'Russian Will', L. Andreev, First World War, «defensive» position

Среди многочисленных граней феномена Леонида Андреева: «писатель-философ», «новатор в области драматургической формы», «неореалист», «парасимволист», «предтеча мирового экспрессионизма», «несомненный экзистенциалист», «фантастический реалист», «художник предавангарда» и многих других – малозаметной остается еще одна: публицист, редактор «Русской воли». Между тем она является ведущей для позднего периода литературной деятельности писателя.

Андреев обращается к публицистике в начале Первой мировой войны, «в сей грозный час» (таково название сборника его статей 1915 г.) испытаний, выпавших на долю России и Европы. Расцвет публицистики в переломные эпохи – неотъемлемая черта русской литературы, где практически не было писателя, ограничивавшего себя только художественным творчеством. Масштабность, экстраординарность и острота стремительно сменяющихся событий требовали немедленной реакции. Присущее русскому литератору чувство личной причастности к судьбам страны, знаменитое толстовское «не могу молчать!» – заставляло выходить на поприще публицистической полемики. Леонид Андреев – писатель, пользовавшийся в начале века «оглушительной» популярностью, как никто чувствовавший «нерв» эпохи, потрясенной войнами и революциями, относился к

тем, кто надеялся силой слова предотвратить катастрофы, которые с такой страшной ясностью предвидел. И хотя, по выражению современного исследователя, он разделил участь «всех Кассандр, с мучительной прозорливостью вникающих в тайны будущего, но бессильных в этом будущем что-либо изменить» [3, с. 12], его размышления, выстраданные в боли и муках, не теряют ценности для нас. «Перед задачами времени» – так называлась одна из программных статей Андреева. «Перед уроками времени» – так можно выразить смысл современного прочтения его публицистики.

Деятельность Л. Андреева в газете «Русская воля» до сих пор остается страницей, о которой в андрееведении говорится скороговоркой, с интонацией оправдания. Во многом это объясняется негативной репутацией газеты, стереотип восприятия которой идет от известных формулировок В. И. Ленина, назвавшего «Русскую волю» «одной из наиболее гнусных» буржуазных газет, «основанной на заведомо темные деньги» [11, т. 31, с. 207] и «служащей худшим из капиталистов» [11, т. 34, с. 117].

В работе Ю. Г. Оксмана, до сих пор остающейся едва ли не единственной, рассматривающей историю возникновения этой газеты, на основании архивных документов доказывалась связь газеты с банковско-промышленным капиталом (назывались имена подлинных владельцев газеты: Утина, Шайкевича и Вышнеградского), а через него – с правительственными кругами, желавшими получить авторитетный печатный орган внешне либерального направления [15, с. 105–186].

Первая попытка введения в научный оборот отдельных андреевских материалов «Русской воли» была предпринята английским исследователем Р. Дэвисом в изданном им сборнике статей «Перед задачами времени» (1985) [3] и Л. А. Иезуитовой в статье «Л. Н. Андреев – публицист в канун революции» (1989) [7, с. 199–209]. Продолжена в работах Бена Хеллмана (Финляндия) [18; 19], В. Н. Чувакова [1], С. Н. Ясенского, Л. Н. Кен [8]. Однако вопрос о самом характере «Русской воли» и месте в ней Л. Андреева требует объективного рассмотрения, ибо на сегодняшний день ни в истории отечественной журналистики, ни в истории литературы не существует непредвзятого анализа газеты, равно как и анализа всего корпуса выступлений Андреева, представленных на ее страницах.

Согласие Андреева принять «внешнепоказной» пост заведующего всей литературно-художественной и критической частью издания Оксман, в частности, объяснял упоением «финансовым великолепием» сделанных ему предложений [15, с.181]. Подобные гипотезы несправедливы и далеки от реальности. Финансовая сторона вопроса была, разумеется, важна, и Андреев этого не скрывал. Он рассматривал эту работу в «Русской воле» как возможность творческой независимости, избавления «от самой подлой зависимости от публики и критики, именно зависимости рыночной». Об этом он писал брату Андрею: «... на несколько лет я совершенно избавляюсь от постоянно угнетавшей меня мысли о деньгах». «Могу писать и не печатать; могу спокойно ждать с в о е г о театра; могу, наконец, – и это важнейшее – свободно мыслить, без той невольной и бес-

сознательной подчиненности вкусам дня, какую налагает зависимость от рынка на самую свободную и самостоятельную мысль» [8, с.301-302]. Но главные причины были все же иные.

Объединение талантливых писателей, различных по своим художественным воззрениям на широкой демократической платформе, было давней мечтой Андреева. Он пытался осуществить ее еще в 1907 году, когда соглашался на предложение К. П. Пятницкого стать редактором сборников товарищества «Знание», надеясь в годы угасания их популярности возродить былой читательский интерес за счет расширения состава сотрудников и выхода за узкие рамки политической и эстетической платформы («Буду помещать только то, что ведет к освобождению человека») [6, с. 284], – писал он М. Горькому), а затем став редактором альманахов издательства «Шиповник», соединившим, по мнению критиков, «калейдоскоп имен, настроений, жизнеощущений» [12, с. 199]. Поэтому он настойчиво приглашает к сотрудничеству в «Русской воле» не только бывших товарищезнатьевцев, но и А. Блока, Ф. Сологуба и др. Андреев дважды ездил в 1916 г. в Москву для переговоров, в том числе с И. С. Шмелевым и И. А. Белоусовым, надеясь привлечь к работе своих бывших товарищей по кружку «Среда». Но результат получился отрицательным. Из письма Ю. А. Бунина к И. А. Бунину от 18 октября 1916 г., хранящемся в собрании рукописного фонда Объединенного литературного музея Тургенева в Орле, видно, насколько сложно шли эти переговоры: «На днях был здесь Л. Андреев. Были мы у Голоушева (я, Телешов, Серафимович, Шмелев и Белоусов). Л<еонид> Н<иколаевич> весь вечер говорил о газете – больше ни о чем. Доказывал, что дело сложилось не так, как описывается в газетах, что Протопопов теперь не участвует, что мысль о большой газете возникла у Стембо с Гореловым, а не в банках <....>. Горелов (т. е. Гаккебуш), хотя и «растленный редактор», необходим, как техник издательского дела. Соредактором будет Амфитеатров. Газета (название «Русская воля») выйдет, вероятно, в начале декабря. В числе сотрудников дали согласие: Куприн, Ал. Толстой, Ценский, Зайцев, Муйжель и т. д. Будто бы дал свое согласие и Плеханов. Гонорары будут громадные. Протопопова Андреев изображает как мягкотелого либерала. Про тебя он спросил только, переслал ли я тебе его письмо. Я ушел рано – в первом часу, другие оставались до 5 утра. Леонид, по словам Шмелева, всех их прямо ругал, но они остались при прежнем мнении, – в газете участвовать не будут. Скоро Л. Н. обещает опять быть в Москве» [14].

Через несколько дней Ю. А. Бунин вновь пишет брату, ранее с энтузиазмом принявшему предложение Андреева, категорически настаивая на его выходе из газеты. «Положение твое “пиковое”. Не придумать, как из него выйти, но оставаться в “Народной воле” нельзя, по моему мнению. Впрочем, поступай, как хочешь; я никак в этом случае не могу тебе советовать. Если Андреев не шутит о независимости газеты, то это наглость. Хороши “народные авторы”! Прямо возмутительно» [14]. Имя Бунина на страницах газеты не появилось. Имя Куприна появилось один раз.

Нежелание многих писателей сотрудничать в новой газете объяснялось негативным общественным мнением по отношению к «литературно-банковской затее», которое сформировалось еще до выхода в свет «Русской воли». Толчком послужило выступление кадетской газеты «Речь», поддержанное «Вестником Европы». По сообщениям «Речи», на совещании, созванном 15 июля, А. Д. Протопопов, бывший тогда членом и Товарищем председателя Государственной Думы, выступил с инициативой создать газету, которая должна «правильно освещать вопросы экономические и защищать промышленные и финансовые круги от несправедливых нареканий, так часто раздающихся в печати». Тогда же он говорил о необходимости привлечь к участию в газете «авторитетных и видных представителей науки и литературы, профессоров и популярных писателей» и среди согласившихся на сотрудничество назвал имена Горького, Короленко и Леонида Андреева. Общественное мнение тут же прищипило к будущей газете злое, но остроумное название «Банковская печальница». «Конечно, банковским дельцам было бы верхом торжества иметь таких сотрудников. И на организацию защиты “униженных и оскорбленных”, наживающих на третий год льющейся крови всего только по 49 коп. на рубль, действительно не жалко затратить и пять миллионов рублей», – язвительно писал В. Кузьмин-Караваев. – «...» Но только на горе банкиров и миллионеров-промышленников у нас еще есть ценности, которые нельзя купить на деньги» [9, с. 323–324].

Для большинства писателей была неприемлема фигура А. Д. Протопопова, стоявшего у истоков издания, смущали связи газеты с банковским капиталом, несовместные с традициями «великой русской литературы». Позицию многих выразил И. Шмелев в письме Андрееву от 24 июля 1916 г.: «Я <...> конечно, не могу отвергать банки как естественно необходимый институт современности, но я далек от того, чтобы к этому институту идти на службу. Полезна для государства (и часто необходима) полиция, но я не пойду на службу в полицию ни за какие сотни. Нужны и тюрьмы – но и тюремным смотрителем не пойду» [15, с. 184]. А. Блок, отказываясь в предельно вежливом тоне, предсказал Андрееву дальнейшую ситуацию: «вероятно, пройдя <...> путь разочарования, боли и <...> Вы уйдете из газеты; кроме того, Вы совсем не для газет» [6, с. 182].

Газета рождалась в атмосфере всеобщей недоброжелательности, проявленной как с левой, так и с правой стороны. С трибуны Государственной Думы одиозные депутаты Пуришкевич и Марков-2 обвинили «Русскую волю» в том, что она издается на немецкие деньги, а писатели, участвующие в ней, являются проводниками немецкого влияния. Подобные инсинуации, особенно молчание остальных депутатов, было воспринято Андреевым как оскорбление. В ответ в первом номере газеты он помещает «Открытое письмо г.г. членам Государственной Думы», в котором заявляет: «как русский писатель, вся деятельность которого почти в течение 20 лет может быть исследована под микроскопом, и который ни одной строки из написанного не имеет основания скрыть или замалчивать, – я не могу не вступить за честь русской литературы, которая есть и честь самой России» [17, с. 2].

О таинственной силе слухов, рождающихся в годину бедствий самим отравленным воздухом и приобретающих всенародный характер, Андреев размышлял в статье «Слухи», напечатанной во втором номере «Русской воли». Он резко выступил в ней против сплетен, легенд, обвинений, сделавших газету «притчей во языцех». Очевидно, не случайна и внутренне полемична публикация в первом номере за 1917 год заметки «Забытые» («С Новым годом, господа мародеры!»), содержащей убийственную иронию по отношению к тем, кто в глазах общественного мнения были хозяевами газеты. Он решительно определил свою позицию по отношению к мародерам (а именно так назывались в либеральной прессе хозяева банков), наживавшимся на крови и смертях войны, напомнив о народном возмездии и ожидающих их фонарных столбах¹.

Столь же резко писатель ответил на выпад редактора журнала «Современный мир» Н. Иорданского, заявившего, что Андреев, став сотрудником «Русской воли», «выходит из рядов демократической журналистики». Писатель официально объявляет о разрыве с журналом, мотивируя это тем, что «в своем отношении к нашей газете журнал встал на ложный и вредный путь, и беспричинно вступает в ряды наших противников, особенно многочисленных в ту пору, когда газеты просто не было»².

Газетная травля еще не вышедшей «Русской воли», объединившая органы печати различных направлений и перенесенная даже в Государственную Думу, побудила ее участников выступить с разъяснениями действительного положения дел. В редакционном обращении говорилось:

«1. По тщательном исследовании материальной стороны издания, мы категорически заявляем, что ни один из банков его не финансирует. Фамилии всех акционеров издательства нам известны: это представители около ста торгово-промышленных предприятий различных отраслей.

2. Слухи о возможности какого бы то ни было участия немецкого капитала в русской прессе или немецкого на нее влияния мы объясняем исключительно тревожным моментом и общими опасениями предательства, идущего от германофильских кругов. По отношению к нам, несомненно, эти слухи рождаются из мутных источников, преследующих цели то конкуренции, то политической демагогии, и иного чувства, кроме презрения, они в нас вызвать не могут.

3. Бывший товарищ председателя Г. Думы и председатель парламентской делегации, член прогрессивного блока, А. Д. Протопопов, был лишь первоначальным учредителем газеты, – но, с момента своего назначения министром внутренних дел совершенно устранился от участия в издательстве, до окончательной организации издательства, согласно только что утвержденному уставу, председателем бюро учредителей состоит в настоящее в настоящее время ректор Петроградского университета проф. Э. Д. Гримм и товарищем его проф.

---

¹ Русская воля. 1917. №1. 1 января. С. 3.

² Андреев. Л. К моему отказу от сотрудничества в «Современном мире» // Русская воля. 1917. №42. 12 февраля. С. 3.

Н. А. Гредескул. Таким образом, А. Д. Протопопов никакого отношения к газете не имеет, равно как и не владеет ни одной акцией издательства.

4. Являясь последовательными и непоколебимыми сторонниками беспощадной борьбы против Германии, вместе с нашими союзниками – борьбы до конца, резкими противниками сепаратного мира, врагами немецких безответственных влияний на русскую власть и сторонниками органического союза России с Англией и Францией после войны, < ... > газета будет усиленно бороться с теми вредными течениями в промышленности, торговле и сельском хозяйстве.

7. Согласно договору, заключенному издательством с главными редакторами «Русской воли» – М. М. Гореловым и А. В. Амфитеатовым, редактором литературно-критического отдела Л. Н. Андреевым и заведующим экономическим отделом проф. М. И. Боголеповым, редакции предоставлена полная самостоятельность и независимость в идейной постановке «Русской воли» и ее ведения, без права издателей вмешиваться в каком бы то ни было отношении в редакционную работу и характер газеты.

В силу этих договоров, равно как и договоров с прочими сотрудниками, а также в интересах последовательного и полного осуществления указанной постановки дела, редакция организована в форме коллектива, являющегося твердой гарантией идейной независимости газеты от финансовой стороны издания.

8. «Русская воля» выйдет в свет в самом непродолжительном времени, <...> только при наличии нашего издания явятся реальные возможности бороться с небывалым в истории русской печати явлением какого-то загадочного похода против прогрессивного органа, не успевшего еще родиться, и уже встреченного коллективной враждой, странным образом объединившей большинство газет, единственными адвокатами которых явились в Государственной Думе Пуришкевич и Марков 2-й» [14].

Под письмом стояли подписи А. Амфитеатрова, Л. Андреева, А. Куприна, критиков Н. Ашешова, С. Адрианова, проф. М. Боголепова, Э. Гримма, Н. Гредескула, М. Чубинского и др.

На деле, материалы газеты не подтверждают мнение о ее проправительственном характере. Политика правительства подвергалась на ее страницах достаточно резкой критике, в том числе, и деятельность А. Д. Протопопова на посту министра внутренних дел. Так, в одном из январских номеров 1917 года «Русская воля» выступила против провозглашенного им курса на «твердую власть», отметив: «со старыми шаблонами подходить к чуткому, нервному и возбужденному обществу было бы равновелико тому, что лечить лихорадку нагайкой»³. А в редакционной статье от 1 января 1917 года содержались резкие высказывания против правительства, возглавляемого премьер-министром Штюрмером. Последний был назван «германофилом» и обвинен в подавлении общественного мнения, что привело к полной изоляции власти от общественности⁴. И совсем уж

³ Русская воля. 1917. №3. 4 января. С. 1.

⁴ Русская воля. 1917. №1. 1 января. С. 3.

нелепым было обвинение «Русской воли» – этого оплота «оборончества» – в германофильстве и участии в ней «немецкого капитала».

1. Первая мировая война в зеркале публицистики Л. Андреева

Леонид Андреев работу в солидной газете, собиравшей, по первоначальному замыслу, цвет русской научной, политической и художественной интеллигенции, рассматривал как возможность выразить свою общественную позицию, объяснить свое отношение к войне.

Русское общественное мнение в своем отношении к войне пережило значительную эволюцию. Рубеж XIX и XX веков сопровождался подведением итогов и размышлением о дальнейших путях развития человечества. Публицисты на страницах газет и журналов рассуждали о великих результатах, к которым пришла гуманистическая европейская культура, основанная на культе Разума и идее прогресса. Человек поверил в могущество знания, в способность собственного ума, который, двигаясь по цепи причинно-следственных связей, может познать тайны бытия и устроить наилучший порядок на земле, уверовал в победное шествие человечества по пути прогресса к счастью, истине и добру.

В этом контексте предлагались многочисленные теории о гуманности современной цивилизации, когда достижения материально-технического прогресса сделали войну пережитком архаичного прошлого, навсегда ушедшим из жизни человечества. На основе научных расчетов: математических таблиц, выкладок, схем, чертежей и рисунков – доказывалось, что при силе современных взрывных веществ, бездымном порохе, дальноточности и скорострельности ружей война с обязательными для нее личной храбростью и героизмом становится бессмысленной. А действия тысяч людей, искушенных в деле разрушения, строивших неприступные крепости и титанические суда, изобретавших новые разрушительные орудия, превращаются в некую игру ума, не имеющую практического применения. Л. Андреев сформулировал эту иллюзию в черновом варианте начала своей повести «Красный смех», ставшей откликом на события Русско-японской войны и воспроизводящей ее «безумие и ужас»: «Десятки лет глубокого мира приучили людей к господству разума, а непрерывная проповедь любви, жалости и уважения к человеку облагородила их души, сделала их чуткими и нежными, отзывчивыми к страданиям. Бесконечная борьба человека с человеком за свободу, за справедливость, за счастье, все также продолжалась, но была она теперь только в области мысли, а руки бездействовали: ударить человека и причинить страдание его телу казалось странным, немного смешным и таким же нелепым, как жечь книгу, с мыслями которой не согласны. ... Как и тысячи лет тому назад, люди не могли доказать, что убивать нельзя, но привыкли не убивать, всей своей жизнью признали, что убийство безрассудно, и были уверены, что кто-то давно доказал это так неопровержимо и ясно, как математическую истину» [1].

Прошло немногим более десяти лет – и разразилась катастрофа Первой мировой войны, которую О. Шпенглер назвал «обширным инфарктом прежней Европы». В ее событиях немецкий философ увидел симптом начинающейся и уже неотвратимой агонии великой культуры, итог которой был сформулирован в

названии его знаменитой книги «Закат Европы» (1918). Разразившаяся бойня, вовлекшая в свою мясорубку многие страны и народы, подтвердила знаменитое изречение Ф. Ницше: «культура – это только тонкая яблочная кожура вокруг бушующего хаоса» [13, с. 64]. Война разрушила обаяние «кумира культуры». Реальные факты: грязные канавы, кишасшие крысами, пулеметы, косящие десятки тысяч людей, отравляющие вещества, которыми посыпали человека, как таракана дустом, железные танки и аэропланы, перед которыми оказывалось беззащитным живое человеческое тело, – все это окончательно уничтожило идею классического гуманизма о человеке как божественном создании. Исторические события показали несостоятельность всех великих метафизических систем и культурных моделей, основанных на математически выверенных истинах. Поведа счет погибших на миллионы, война обнажила трагические противоречия цивилизации, которая, обожевав научно-технический прогресс, направила его на уничтожение человечества. Осмысливая опыт войны, поэт-символист Андрей Белый напрямую свяжет достижения науки и техники с катастрофами XX века: «Дифференциальное исчисление оказалось приложенным к пушке. Ньютон и Декарт поступили на службу к “солидному” Круппу» [5, с. 23]. Много позже в своей последней работе “Путь к очевидности” русский философ И. Ильин назовет символом современной культуры атомную бомбу – величайшие открытия научной мысли, величайшие достижения техники, направленные на уничтожение человечества.

Война стала решительным потрясением для оптимизма, проповедовавшего возможность взаимопонимания между народами и классами и движение человечества к гармонии и миру. Она запустила мощный процесс культурной и национальной идентификации, который во многом объясняет тот эмоциональный подъем, популярность патриотических лозунгов, распространенных в начале войны в России не только среди широких народных масс, но и в среде научной и творческой интеллигенции. «Время славянофильствует», – так назвал свою книгу, вышедшую под общей шапкой «Война и культура», философ и публицист В. Эрн [20]. Тема «война и культура» стала центральной в статьях Н. Бердяева, Е. Трубецкого, С. Булгакова, В. Розанова и др. На повестке дня вновь встали проблемы: «Россия и Европа», своеобразие русского пути, уникальность дихотомичной русской культуры, историческая и культурная миссия России.

Причины войны искали не в политических или экономических противоречиях, не в банальной «борьбе за проливы». Ее корни усматривались в истории современной цивилизации, забывшей о своих религиозных основах и поставившей на их место материализм и безрелигиозный гуманизм, сформировавшей губительное чувство стабильности и комфорта. В декабрьском номере журнала «Северные записки» за 1914 г. вышла статья Г. Ландау «Сумерки Европы», задолго до Шпенглера провозгласившая, что гегемония новоевропейской культуры подходит к концу. Этот процесс, по мысли автора, начался еще до войны и продолжится после ее окончания. Война – лишь точка перелома культурной традиции, и из ее хаоса постепенно явится новый тип человеческого сообщества. В более

позднем переиздании той же работы Ландау подчеркивал отличие своей концепции от шпенглеревской, на первый план выдвигая морально-эсхатологическую проблематику: гибель культуры от собственной виновности. «Гибель Европы от собственной греховности и исчерпанности – мало общего имеет» со шпенглеровским представлением о конце европейской культуры в силу ее завершенности и внутренней эволюции» [10, с. 305].

Весьма распространенной стала мысль, что война явилась не противостоянием государств, а борьбой национальностей и культур, конфликтом «германцев» и «славян». Миссия России виделась в защите свободы других национальностей, спасении всего культурного мира от германского духа с его милитаризмом и фальшивой культурой [19, р. 9–29]. Таким образом, мировая бойня – Великая война (как ее называли в Европе), Вторая Отечественная (так она именовалась до 1917 года в России) – подняла такие проблемы, которые в дальнейшем были обозначены как «кризис культуры» и «столкновение цивилизаций».

Андреев был одним из тех, кто последовательно исповедовал подобный «цивилизационный» подход к войне, переживая ее как мировую катастрофу. «Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен сверх всякой меры. Это борьба демократии всего мира с царизмом и деспотией, представителем каковой является Германия. <...> Есть у нас, писателей, и особой важности задача: противопоставить русскую культуру германской и доказать, что мы не варвары, хотя и нет у нас внешней материальной культуры и богатства. Надо всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии; немецкий же стремится к вечному порабощению, к созданию на земле образцовой тюрьмы и военных поселений», – формулировал он свою позицию в письме И. Шмелеву в сентябре 1914 г. [6, с. 546–547].

В полыхнувшей на весь мир кровью и огнем бойне писатель увидел агонию европейской цивилизации, которая должна неизбежно завершиться революцией. И потому Андреев, в «Красном смехе» протестующий против войны как противоестественного явления, нарушающего природные законы и ставящего человеческий разум на грань разрушения, принимает данную войну как «переходное состояние между старым и новым порядком вещей» («Цели войны и задачи Временного правительства»)⁵, как предтечу революции, долженствующей преобразить Россию. В статье «Путь красных знамен», опубликованной в марте 1917 г., он напомним свое предсказание, сделанное в августе 1914-го: *«Это только пишется война, а называется революцией. В своем логическом развитии эта “война” приведет нас к свержению Романовых и закончится не обычным путем всех ранее бывших войн, а европейской революцией».*

«По естественным причинам, я не имел возможности развивать эту точку зрения в романовской России и только отстаивал необходимость войны, поддержке ее всем народом; отсюда, вероятно, возникли и некоторые недоумения

---

⁵ Русская воля. 1917. №36. Утр. вып. 28 марта. С. 3.

лично по моему адресу: как я, пацифист, автор “Красного смеха”, которым до сих пор, хотя бы в той же Америке, некоторые пользуются как орудием пропаганды мира – превратился в защитника войны, почти в “шовиниста”? Теперь понятно, в чем недоразумение: приняв войну как всемирную революцию, я в защите ее являюсь настолько же шовинистом, насколько может быть назван шовинистом революционер с красным флагом, стреляющий в засевшего городского»⁶.

Но к 1916 г. отношение общественности к войне стало меняться: копилась моральная усталость, тревожили громадные потери, которые несла Россия. Андреев же остался верен позиции патриотизма и «оборончества». Среди современников он воспринимался как один из идеологов «войны до победного конца». В радикализованном русском обществе предреволюционных лет, исповедовавшем, одной стороны, либеральную идеологию, а с другой – подверженном влиянию «интернационализма» и «пораженчества», его позиция воспринималась как «архаичная» и «казенно-государственная».

В художественном творчестве Андреева война не нашла значительного отклика. Современные исследователи справедливо констатируют, что пьеса «Король, закон и свобода» и повесть «Иго войны», в которых писатель предпринял попытку осмысления проблемы «человек на войне», включения личности в исторические события, – не вызвали «у современников реакции, хотя бы частично подобной былым спорам, скандалам, восторгам и проклятиям, которые обычно сопровождали его творения» [18, с. 581]. «В сей грозный час» Андреев-публицист заслонил Андреева-художника. Вот почему участие в газете с явно выраженной оборонческой позицией, да еще на условиях определения ее общественного лица, приобрело для Андреева такую значимость.

В редакционной статье первого номера «Русской воли» от 15 декабря 1916 года заявлялось: «мы выходим на арену общественной работы не для личной или фракционной перебранки, но с надеждами и планами положительного творчества <...> – для великого дела служения Родине, для неустанного призыва к вере в могучие силы нашего народного духа, к бодрости и энергии в борьбе с внешним врагом и с теми темными внутренними безответственными силами, которые пытаются создать разруху и затормозить лучшие народные порывы»⁷.

Позиционируя «Русскую волю» как орган реального мировоззрения, выраженного во внепартийной прогрессивно-демократической программе, на почве которой газета сумеет «прямо и твердо взглянуть в глаза русской действительности, не обольщаясь розовыми утопиями, не впадая в уныние пессимистического скептицизма», ее редакция формулировала следующие задачи:

Во внешней политике – рассматривать «Вторую Великую Отечественную войну» как преемницу освободительного движения, как новый фазис русского демократического самосознания. Проповедуя «войну до победного конца», оставаться непоколебимыми и последовательными сторонниками войны против Гер-

---

⁶ Русская воля. 1917. №4. Утр. вып. 8 марта. С. 3.

⁷ Русская Воля. 1916. №1. 15 (28) декабря. С. 3

мании, «олицетворяющей реакционные, бюрократические и аристократические начала».

Во внутренней политике – довершить реформы Петра Великого в плане «не только формального, но и реального приобщения России к лику европейских государств»⁸, а потому – быть «резкими противниками сепаратного мира, врагами немецких безответственных влияний на русскую власть». Эта позиция активно отстаивалась в различных материалах газеты. В частности, А. В. Амфитеатров в статье «Молот и булат» называл «пораженческое движение» курьезным видом революционного фатовства, в то время как истинные столпы русского революционного движения (П. Кропоткин, Г. Плеханов, Герман Лопатин, Н. Чайковский и др.) – все «сейчас с народом, как вожди и проповедники войны»⁹. Газета напечатала статью Г. В. Плеханова «Стены Бельгии», в которой ведущий представитель русской социал-демократии выступил против интернационалистской резолюции Циммервальда¹⁰.

Центральное место в первом номере «Русской воли» занимала статья известного профессора права, публициста и общественного деятеля Н. А. Гредескула «Вера в Россию», во многом повторявшая мысль андреевского «Предсказания»: Россия, справившись с внешней задачей, расчистив себе свободный исторический путь, «...» могуче двинется к своему прекрасному будущему»¹¹. Не случайно рядом с нею была помещена статья Андреева «Горе побежденным», в которой писатель стремился обосновать необходимость доведения войны до победы, предрекая трагические последствия военного поражения: «Едкое чувство стыда, вызванное поражением, горечь попорченного достоинства, неизбежная потребность большое поражение возместить хоть маленькой победой – преображаются в жестокость, *насилие над слабым*, в цинизм и презрение, и лишь маскируются гордыми словами. «...» Обесцененный в собственных глазах и сознании, побежденный, битый обесценивает и все кругом: правду, человеческую жизнь, кровь и страдания, достоинство женщин, неприкосновенность детей. Испытавший слишком много боли, он щедро дает ее другим, чтобы в море слез утопить и свою мутную, ядовитую слезу; и если еще случались великодушные победители, то никогда не видел мир великодушного побежденного – горе побежденным!» Статья заканчивалась пророческими словами: «Я не утверждаю самонадеянно, что у нас будет победа. Но я говорю: нам нужна победа, как никому из ныне боющихся. Победу или почти верную гибель всего русского народа – вот что несет нам неизвестное будущее»¹².

⁸ Русская воля. 1916. №1. 15 (28) дек. С. 3.

⁹ Русская воля. 1916. №8. 22 декабря. С. 3.

¹⁰ Русская воля. 1917. №3. 4 января. С. 3. Циммервальд – городок в Швейцарии, где в сентябре 1915 г. состоялась международная конференция левых социалистов, принявшая большинством «пацифистский» манифест, написанный Л. Д. Троцким, призывавший пролетариат воюющих стран не поддерживать собственное правительство и «начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций».

¹¹ Там же. С. 4.

¹² Там же. С. 4.

Таким образом, преображение России Андреев непосредственно увязывал с победой в войне, которая, по его мнению, может быть достигнута единым усилием всего русского общества: представителями разных сословий, возрастов и профессий, объединенных сознанием своего долга перед отечеством. Этой мыслью пронизано его лирическое эссе «Приветствие», напечатанное в рождественском номере газеты. В праздничную святую ночь писатель хочет слиться с теми, кто стоит на страже русской земли, – с солдатами, встречающими рождество в обледенелых землянках, с офицерами в тесных домиках, чуть освещенных копилками, с моряками на судах с притушенными огнями в бурном зимнем море. Он обращается к своему младшему брату Андрею, «самому мирному человеку на земле», ушедшему добровольцем на фронт,¹³ и к седым старшим офицерам, сохранившим в немоющем теле силу духа. Он призывает всех к работе по устройению общего Дома, несмотря на то, что в этом опустелом доме затаилось в закутках много темных сил, пытающихся связать народную мощь. «И кто знает, сколько еще таких же холодных и печальных зим сулит нам будущее! Но сколько бы ни было – без вас, вернувшихся, ни огней праздничных не зажжем, ни смехом полным не рассмеемся, ни спокойным сном не заснем. С вами – наша любовь, наша надежда и покорные ожидания»¹⁴.

В солидном 12-страничном издании «Русской воли» первые полосы, естественно, занимала рубрика «Война», включавшая сообщения из штаба Главнокомандующего, телеграммы военных корреспондентов, интервью, военные дневники; а также политический отдел, содержащий комментарии Н. Гредескула и А. Амфитеатрова, статьи Г. Алексинского и Г. Плеханова; и экономический – под редакцией проф. М. Боголепова. Наряду с ними литературно-критический раздел, благодаря тому, что его редактором стал Андреев, был внушительно представлен своим объемом, разнообразием рубрик и имен. Несмотря на отсутствие писателей «первого ряда», Андрееву удалось привлечь к сотрудничеству известных литературных деятелей. Постоянные рубрики вели В. Муйжель («Письма с войны») и В. Тан-Богораз («На местах»), в первые месяцы в газете целые подвалы занимали постоянные рубрики А. Амфитеатрова, позднее – Д. Айзмана и В. Брусянина, в разделе «Театр и музыка» печатали рецензии С. Глаголь и Н. Аш (Н. П. Ашешов). Почти ежедневно выступали со стихотворными фельетонами бывший «сатириконовец» Вас. Князев и известный Лоло (Мунштейн), а позднее – Вл. Азов и А. Аверченко. На страницах газеты появлялись имена Г. Иванова, С. Ауслендера и А. Грина, в рубрике «Литературный дневник» – молодых Л. Гроссмана, В. Жирмунского и М. Шагинян.

---

¹³ А. Н. Андреев ушел на фронт вольноопределяющимся осенью 1914 г. и провоял всю войну, вплоть до 1918 г. Его письма с фронта становятся для писателя в это время одним из главных, помимо газет, источников знания о текущих событиях. Л. Н. Андреев придавал переписке с братом большое значение и печатал отрывки из его писем в редактируемом им журнале «Отечество» (1914. №3, 5; 1915. №1, 4) и «Русской воле» (Письма с фронта. 1917, №115. 16 мая; Из писем офицера. 1917. №161. 6 июля).

¹⁴ Русская воля. 1916. №11. 25 декабря. С. 5.

Фигура самого Андреева для газеты была во многом определяющей. Он был ее лицом и ее голосом. В «Русской воле» было опубликовано около 70 его публицистических статей, заметок, интервью, рецензий, открытых писем, заявлений, протестов, подписанных полным именем «Леонид Андреев» (наиболее значимые), Л. Андреев, Л. А. или различными псевдонимами (иногда в одном номере выходило несколько андреевских материалов). Он предстает в самых разных ипостасях: пламенного публициста, вдумчивого и острого рецензента, историка культуры. Он «вспоминает» давно забытые жанры, с которых когда-то начинал как писатель: жанр рождественского рассказа (в первых «рождественских» номерах от 19, 21 и 25 декабря публикуются «Два письма»¹⁵ – вариант старомодного любовного романа в письмах, и «Жертва»¹⁶ – рождественский рассказ о взаимоотношениях матери и дочери); возвращается к традиции курьерского фельетона, сменив имя бичевателя общественных пороков Джемса Линча на ироничного Горация Ч. Брюкву с его «воздыханиями». Кроме того, литературная фигура Андреева присутствовала и опосредованно: в газете печатались рецензии на его последние произведения, помещались специальные подборки отзывов московской прессы, информация о постановках андреевских пьес на сценах петербургских и московских театров («Реквием», «Милые призраки», «Екатерина Ивановна»).

Все эти разножанровые тексты объединены единой авторской интонацией, искренней любовью к России, верой в Россию и болью за нее. Она звучит в его отклике на юбилей И. Д. Сытина, «величайшего пожирателя книг», «молитвенника на книгу», «причастника воскресения народного», в лице которого Андреев видит лик огромного и великого народа, «полуосвобожденного 19 февраля». Его всепоглощающую жадность к книгам писатель воспринимает как «идею», которой заряжен весь народ – «босой, голодный, жадный к свету до слепоты, <...> вольноотпущенник, но еще не гражданин», как символ «мужицкой, несуральной, огромной и возрождающейся России»¹⁷. И в рецензии на книгу И. Шмелева «Суровые дни», ценность которой он усматривает во внимании к рядовому человеку на войне, незаметному герою, сражающемуся в окопах. Сам Андреев исповедовал идею, что война – это всенародное дело, независимое и даже враждебное интересам самодержавия, что воля народа – в победе над Германией, что втянутый в войну народ из многомиллионного стада перерождается в воюющую властную нацию. Потому для него так ценно, что в то время, как современные «новозападники» окрестили представителя русского «мужицкого царства» «эфиопом», Шмелев подошел к нему «как верующий к ранам христовым» и озарил его новой красотой, которая дает «великую надежду на будущее»¹⁸. Та же мысль звучит и в блестящей рецензии на картину К. Петрова-Водкина «На линии» («На линии огня», 1915–1916), изображавшей смерть молодого прапорщика во время атаки.

¹⁵ Русская воля. 1916. №5. 19 дек. С. 7.

¹⁶ Русская воля. 1916. №11. 25 дек. С. 7.

¹⁷ Русская воля. 1917. №48. 19 февр. С. 3.

¹⁸ Русская воля. 1917. №8. 9 января. С. 7.

Практически все русские художники: Петров-Водкин, Кустодиев, Филонов, Добужинский, Шухаев, Яковлев – так или иначе откликнулись на события войны. При этом в ее изображении выявились две тенденции. Одни художники стремились зафиксировать факты и реалии войны, другие – передать обобщенный образ войны, ее «безумие и ужас». Казалось бы, Андрееву, автору «Красного смеха», должны были быть более близки по характеру изображения такие картины, как «Германская война» П. Филонова (1914–1915), изображавшая сплошное месиво частей человеческих тел, или экспрессионистская работа Ю. Пименова «Инвалиды войны» (созданная, правда, позже, в 1926 г.), представлявшая страшное лицо войны в искаленной фигуре с выжженными ипритом глазами, в лохмотьях военной формы. Но в данный момент Андреева привлекало иное. Сам Петров-Водкин, много позже, в выступлении 1936 года, отдавая дань политической конъюнктуре в трактовке мировой войны, писал: «В это время я пишу удачную или неудачную вещь – «На линии». Это мой первый политический ответ на историю того момента, которым был захвачен мир». Считая «На линии» неудачей, он формулировал ее содержание: «все эти массы серого пушечного мяса не мыслили в тот момент, они перли на линию огня и умирали. Вот трагедия этого умирания неизвестно за что, и действовала <...> в тот момент на лиц, которые впервые воспринимали эту трагедию» [16, с. 323]. Андреев же увидел в ней воплощение «святой смерти», «правдивое, глубокое и чистое» решение вопроса о «русском», жертвенном отношении к войне, столь близком его собственному. Лицо молодого прапорщика, вызывающее в его памяти иконописные лики святых, побиваемых камнями, великомучеников и страдальцев за Бога и истину, как и лица бегущих за ним солдат, запечатлевших выражение «неизъяснимой покорности добровольно принятой жертвы», он воспринимает как обобщенный образ русского народа в его отношении к войне. «Петров-Водкин создал замечательную картину, – писал он. – Она религиозна в высшем и прекрасном смысле этого слова; она – русская, ибо только в душе русского художника, слившегося со своим народом в момент его величайшего испытания, мог зародиться столь необыкновенно выразительный, прекрасный образ». И делал вывод: «Если мы таковы, какими выразил нас Петров-Водкин (а этому веришь), то мы еще далеки от гибели и смерти, и долги наши дни на земле. И не бесцельны»¹⁹.

Эта вера заставляет его записать 31 декабря 1916 года в своем дневнике: «Уверен, что 1917 год несет мир и революцию» [4, с. 29]. Предсказания Андреева сбылись: война для России закончилась революцией, а отсутствие победы обернулось для государства гибелью.

(продолжение следует)

***

1. Андреев Л. Н. «Верните Россию!»: сборник / сост. И. Г. Андреева, послесловие и коммент. В. Н. Чувакова. М., 1994.

¹⁹ Русская воля. 1917. №52. 23 февр. С. 3.

2. Андреев Л. Н. Красный смех. Черновой набросок // Hoover. Vox. 4. Epv. 14. (Стенфордский университет. Гуверовский институт. Коллекция Б. И. Николаевского).
3. Андреев Леонид. Перед задачами времени. Политические статьи 1917–1919 годов / сост. и подг. текста Ричарда Дэвиса. Benson, Vermont, 1985.
4. Андреев Леонид. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступит. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. М.; СПб.: АТНЕНЕУМ–ФЕНИКС, 1994.
5. Белый Андрей. На перевале. Кризис жизни. Пг., 1918.
6. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М., 1965.
7. Иезуитова Л. А. Л. Н. Андреев-публицист в канун революции» // Русская литература. 1989. №3. С. 199–209.
8. Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 301–302.
9. Кузьмин-Караваев В. Д. Хроника – Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. №7.
10. Ландау Г. Сумерки Европы. Берлин, 1923.
11. Ленин В. И. Полн.собр. соч. Т. 31; Т. 34.
12. Морозов М. Очерки новейшей литературы. СПб., 1911. С. 199.
13. Ницше Ф. Ценность европейской культуры. Посмертные афоризмы (из времен Заратустры). М., 1901.
14. ОГЛИМТ. 2978 3 оф. РДФ. Ф. 14
15. Оксман Ю. Г. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. Т. 2. М., 1932. С. 105–186.
16. Петров-Водкин К. С. Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991.
17. Русская воля. 1916. №1. 15 декабря. С. 2. В дальнейшем ссылки на издание даются в подстрочных сносках.
18. Хеллман Бен, Козьменко М. В. Леонид Андреев. В сей грозный час // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования, материалы. М., 2014. С. 581–630.
19. См. об этом: Бен Хеллман. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Hellman Ben. Meetings and clashes. Articles on Russian literature. Helsinki, 2009.
20. Эрн В. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, МАТЕРИАЛЫ

УДК 82.09

Т. В. Бровкина
T. V. Brovkina

ДВА СПИСКА КРАТКИХ РЕДАКЦИЙ «ПОВЕСТИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА»

TWO LISTS OF SHORT EDITIONS OF THE TALE OF THE ORIGIN OF TOBACCO

В статье представлена краткая характеристика публикуемых списков первой и третьей кратких редакций «Повести о происхождении табака». Список БАН, Текущие поступления, № 506 (XVIII в.) первой краткой редакции характеризуется последовательным сокращением всего текста Повести. Установить источник списка не представляется возможным, поскольку все фрагменты, содержащие специфические чтения, определяющие ту или иную редакцию, были писцом сокращены. Список БАН, собрание Успенского, № 202 (XVIII в.) третьей краткой редакции интересен своими индивидуальными чтениями и поздней лексикой, а также сокращениями ретроспективных рассказов и речей ангела. Список был сокращен по списку I вида основной редакции, однако к какой группе I вида этой редакции он тяготеет, определить невозможно.

Ключевые слова: Повесть о происхождении табака, древнерусские повести, табак, текстология, редакции.

The article gives a brief characteristics for the published lists of first and third brief revisions of «The novel on the origin of tobacco». The list of first brief revision in Academy of science library, Current accession No. 506 (XVIII century), is marked by consecutive cut of the Novel's narration. It is impossible to define the source of the list because all the fragments containing the individual readings which identify a revision were cut by scribe. The list of third brief revision in Academy of science library, Uspenskiy collection No. 202 (XVIII century), is attractive because of its individual readings and later vocabulary and also because of the cut of angel's retrospective stories and speeches. The list was cut according to the first type of basic revision, but it is not possible to identify which group of first type of this revision it belongs to.

Key words: The novel on the origin of tobacco, Old Russian novels, tobacco, textology, revisions.

Повесть о происхождении табака – один из памятников древнерусской литературы, посвященный теме греховности появления, распространения и употребления табака. Данная повесть в своем варианте «Сказание от книги, глаголемья

Пандокъ» известна в большом количестве списков. Все известные списки этого варианта, по наблюдениям Т. Ф. Волковой, можно разделить на списки «основной», «распространенной», «особой» и кратких редакций [4, с. 11].

Ученицей Т. Ф. Волковой О. С. Уляшовой в дипломной работе 1994 г. «Сказания о табаке: проблемы поэтики и текстологии» были выявлены 8 списков Повести, которые после проведения текстологического анализа составили группу кратких редакций. Так как ни один из этих списков не был похож на другой, то каждый из них представляет отдельную редакцию: I краткая редакция – список БАН, Текущие поступления, № 506, л. 17–22 (XVIII в.); II – НБ СыктГУ, Усть-Цилемское собрание, р. 46 (электронная копия), л. 383–391 (кон. XIX в.); III – БАН, собрание Успенского, № 202, л. 32 об.–42 (XVIII в.); IV – РНБ, О I, № 134, л. 91 об.–99 (XVIII в.); V – ГИМ, собрание Вахрамеева, № 436, л. 74–85 (XVIII в.); VI – БАН, Архангельское собрание, Д. 545, л. 211–220 (XVIII в.); VII – ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 202, л. 2–22 об. (XIX в.); VIII – ИРЛИ, Пинежское собрание, № 134, л. 1–21 об. (XVIII в.).

Наблюдения О. С. Уляшовой об особенностях списков кратких редакций, дополненные некоторыми нашими наблюдениями, были приведены нами в статье «Краткие редакции Повести о происхождении табака» [2]. К настоящему времени из списков 8 кратких редакций опубликованы 2 списка: НБ СыктГУ, Усть-Цилемское собрание, р. 46 (электронная копия) II краткой редакции, являющийся переработкой известного печорского книжника И. С. Мяндина, которую он включил в свой Торжественник (список был исследован и издан Т. Ф. Волковой [4]); ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 202 VII краткой редакции (был кратко охарактеризован нами в совместной статье с Т. Ф. Волковой [3, с. 155–187]). Мы считаем целесообразным продолжить публикацию списков, относящихся к группе кратких редакций Повести, поскольку эти списки представляют интерес как новые этапы в истории текста «Повести о происхождении табака» и требуют дальнейшего тщательного изучения. Приведем основные сведения о публикуемых ниже редакциях.

Первая краткая редакция представлена списком БАН, Текущие поступления, № 506 (далее Б. 506). Список находится в сборной рукописи второй половины XVIII в., написанной скорописью и полууставом, форматом в 4-ку [5, с. 324]. Сборник состоит из 2-х рукописей: I рукопись – лл. 1–22 (1752–1758 гг.); II рукопись – лл. 23–68 (1780-е годы: бумажные знаки 1781 г.). Рукопись содержит духовный стих об «Алексее – человеке божьем», повесть о бражнике, молитву Святому Николаю, о явлении мощей в 1757 году Иринарха, слово о пьянстве, чудеса Иосифа Волоцкого [5, с. 324–325]. «Повесть о происхождении табака» читается на лл. 17–22.

В данном списке начало Повести отсутствует. Она начинается с фрагмента, в котором расшифровывается апокалипсическое предсказание о звере (л. 17): «*Сие толкуется множество земель неверных, Бога не знающихъ, иже вкушати имуть от любодейства ея скверных мерзостей*» (мотив 12 по классификации Т. Ф. Волковой [4, с. 13–20]).

О. С. Уляшова к особенностям данного списка относит последовательное сокращение всего текста в целом. Текст многих распространенных мотивов сокра-

шен до одного-двух предложений, а диалоги героев сведены к кратким репликам. Мы согласны с данным утверждением исследователя и подтвердили его рядом примеров сокращения текста [2, с. 105]. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих эту тенденцию.

Так, например, мотив 17 (о жизни жителей страны царя Анепсия – трезвенников) сокращен в два раза:

Основная редакция, II вид РНБ, собрание Погодина, № 1364	I краткая редакция Б. 506
17. ...в трезвости... понеже в той земли пиянства не имущи и хмельнаго пития не было, и не разумевающе людие вина или сикера не знаяху и к требованию веселия ко утешению своему чего принести, не просто живущи и погани суще, сиречь некрещени пребывают (л. 138).	17. ... в трезвости... понеже в том // земли не имущи пиянства. (лл. 17–17 об.)

Подобным же образом сокращено и описание сна царя Анепсия (мотивы 21-25):

Основная редакция, II вид РНБ, собрание Погодина, № 1364	I краткая редакция Б. 506
21. Во едину убо ночь спящу ему в дому на одре своем, видех сон сицев. Во сне же видех деву некую в царском одеянии, яко възиде на престол его царский и сяде на нем. На главе же ея царский венец. Дева же лицом чермна, образом доброзрачна. И еже виде седящу и радующуся, и веселящуся. 22. И узрев он, яко на ню взирают окрест ея множества народа – человецы старья мужи и дивящися ея, ужасаются, и от страха умирают, таже трепещут и изнемогают, и потом, увидевше, умирают. 23. Потом же виде он и младыя юноши, яко дѣву ону между трупом онѣхъ мало видятъ и, возлеще на трупы, тѣ юноши взирають на ню и, видѣвше, убояся и от страха трепещуть, и трепетавъ, умроша. 24. Такжеже и младенцы восхотѣша то е дѣву видѣти, возлещоша на трупы тѣ възглядати и, видѣвше ю, и тии такжеже помроша, 25. яко между множества труповъ не мошно дѣвы оныя видѣти и знати ея, ни престола ея царского, яко онѣ, царь Анепсий, не возможе ю во снѣ видѣти, токмо мертвыя трупы видѣти. И ужасеся сердцем, и пренеможе // духом (лл. 139–139 об.).	21. Во едину убо от ношей спящу ему в домѣ своем и видѣ во сне дѣву нѣкую в царском одѣянии, яко възиде на престол и царский. Вѣнецъ на главѣ ея, лицом черна. 22-25. Окрестъ ея множества народа – человецы старые и младые. И тако ужесесе. 26. И пробудися царь Алексий, и нападе на него ужас и трепѣтъ (л. 17 об.).

О. С. Уляшова считает, что установить источник списка I краткой редакции не представляется возможным, поскольку все фрагменты, содержащие специфические чтения, определяющие ту или иную редакцию Повести, были писцом сокращены [2, с. 107]. Согласимся с утверждением, однако отметим, что в списке Б. 506 в сокращенном виде присутствует рассказ о явлении Богородицы недужной Фекле на Красной горе, читающийся только в списках II вида основной редакции. Однако других совпадений со списками II вида основной редакции в Б. 506 нет. Невозможно определить, относится ли источник писца Б. 506 к какой-то группе I вида основной редакции, поскольку набор чтений списка Б. 506, соотносимых с той или иной группой первого вида основной редакции не позволяет этого сделать. Напомним, на основе каких чтений можно отнести текст Повести о происхождении табака к определенным группам I вида основной редакции: «любодействовати» / «любородствовати» в мотиве 2, «змия» / «земля» в 9-м мотиве, ««неверными» / «скверными» в мотиве 16, и «маслины» / «мыслемы» в мотиве 105, а также наличие / отсутствие начала мотива 17 [1, с. 66–67].

Поскольку Повесть в данном варианте начинается с мотива 12, использовать мотивы 2 и 9 для выявления источника I краткой редакции невозможно. Чтение «маслины» / «мыслемы» в 105-м мотиве Повести в списке Б. 506 сокращено. В 16-м мотиве читается правильное «с неверными», но оно может быть характерно как для II, так и для I вида основной редакции, в зависимости от комбинации с другими чтениями. Мотив 17 в Б. 506 сокращен, о чем уже говорилось выше, что также не позволяет нам отнести список Б. 506 к какой-то определенной группе.

Отметим также, что список Б. 506 был создан малограмотным писцом, который зачастую не понимал смысл переписываемого, он путается в падежах, не согласует зачастую словосочетания в роде и числе, делает опiski, не исправляя их; в его письменной речи отчетливо проявляется тенденция замены звуков [о] на [а] и [э] на [а] в безударной позиции (например: вскаренися, врѣмяни, капати, елляня, ашутився и др.).

Третья краткая редакция представлена списком БАН, собрание Успенского, № 202 (далее Усп. 202). Список читается в сборнике последней четверти XVIII в., написанном скорописью, в 4-ку. Повесть находится на лл. 32 об.–42 [5, с. 386].

О. С. Уляшовой выявлен ряд особенностей списка Усп. 202: в нем выпущен ретроспективный рассказ царя епископу о некогда увиденном им страшном сне, о бегстве его из царства, о встрече на пути с ангелом. Рассказ ангела об истории появления табака сокращен наполовину, нет фрагмента о крещении царя и народа; сокращен отрывок об употреблении табака людьми; нет рассказа о явлении царю во сне ангела, повелевающего послать за епископом, о посте и молитве епископа, начала речи ангела, повелевающего проклясть табак [2, с. 108].

Список вызывает интерес своими индивидуальными чтениями, которые не встречаются ни в одном из исследованных нами списков сказания. Чтения эти также были отмечены О. С. Уляшовой: искажено имя блудницы – «Мезаве» (вместо «Иезавель»), икона, которую христианка показывает царю Анепсию, по

версии этого списка, написана епископом, который обратил ее в христианскую веру. Проясняется фрагмент о «последних днях», смысл которого в других списках был не совсем ясен: соблазняя других людей на курение табака, курильщики будут говорить, будто его «Бог с небесе дал» [2, с. 109]. Когда епископ молится, он просит Бога о «сокрушении земли и человеческой гибели», тогда как в списках I и II вида основной редакции – о «обращении земли и смирении ярости гнева Божия». Преисподняя названа Тартаром. В лексике («державство», «вельможи», «Тартар») и в некоторых оборотах речи отражается время создания списка – конец XVIII в. [2, с. 109]. Один лист рукописи (40–40 об.) при переплете оказался не на месте, что нарушает последовательность повествования (мы отметили это в примечаниях к публикации этого списка).

О. С. Уляшова предполагает, что список Усп. 202 был сокращен по списку I вида основной редакции [2, с. 109], что подтверждают и наши наблюдения. Как и в списках I вида основной редакции, в списке Усп. 202 вставлен отрывок о «средовичных юношах»; в рассказ «еллина» царю о блуднице добавлен фрагмент, где говорится о том, что дочь, родившаяся от блудницы, блудила больше своей матери; в диалог царя и Треникура о блуднице вставлено замечание о догадке Анепсия, что начинает сбываться рассказанное ему ангелом, когда уstraшенный царь бежал из своего царства. Список не содержит «Явления на Красной Горе», что также присуще I виду основной редакции Повести.

Анализ чтений списка Усп. 202, соотносимых с чтениями списков I вида основной редакции повести, не позволяет отнести его ни к одной из выделенных нами групп списков этого вида основной редакции. В списке Усп. 202 сохранено начало мотива 17 и представлены: чтения «любородствовати», «скверными», «воню маслячную» (как вариант чтения «маслины»), характеризующие разные группы I вида основной редакции. В известных нам на сегодняшний день списках Повести такой набор чтений не встречается.

Ниже мы публикуем списки I и III кратких редакций Повести о происхождении табака. Текст издается по эдиционным правилам, использованным в серийном издании древнерусских текстов «Библиотека литературы Древней Руси», подготовленном Институтом русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

***

1. Бровкина Т. В. Некоторые наблюдения по истории текста Повести о происхождении табака // Вестник СыктГУ. Вып. 3. Сыктывкар, 2014. С. 64–69.

2. Бровкина Т. В. Краткие редакции повести о происхождении табака // Человек и событие в исторической памяти: сборник статей / отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 104–114.

3. Волкова Т. Ф., Бровкина Т. В. Два печорских списка Повести о происхождении табака. // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район: сборник материалов и исследований / отв. ред. Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 155–187.

4. Волкова Т. Ф. Повесть о происхождении табака (Список усть-цилемского книжника И. С. Мяндина в контексте рукописной традиции повести) // Вестник СыктГУ. 2008. Выпуск 7. Серия 6: Филология. Искусство. С. 5–33.

5. Описание рукописного отделения БАН СССР. Т. 4. Вып. 1. Повести, романы, сказания, сказки, рассказы / сост. А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. М.; Л., 1951.

**Повесть о происхождении табака без заглавия и начала.
(БАН, Текущие поступления, № 506, л. 17–22)**

...Сие толкуется множество земель неверных, Бога не знающихъ, иже вкушати имуть от любодейства ея скверных мерзостей. Имень же хулных исполнена множеством, в порфиру и червленицу одѣяна и каменiemъ драгимъ оболченна. Сие толкуется: мнози царие и князи, велможи, богатии и убози приносяти имут себѣ во уста смрада оного любодейчаваго бѣса, и то имь будѣтъ забава и утѣха. И множество за ону мѣрзость скверную злата и сребра ляжетъ.. И се наречена мати любодейцам и мерзость земским. Имать преити от бѣздны греховныя, пагуба идѣтъ всему миру, понеже от сквернолюбия ея множества народа погибающаго и погибати будутъ. Часто златом и серебром купующия мерзость ону. Примите, восоудитца, яко обвеселишася чловецы плодом чрева ея, ихже потребит Господь имена от Книги, и с праведными не напишутца. Мнози купцы и продавцы обогатѣють от мерскаго зелия оного, от силы пищи ея хранителного (...)

...в трезвости, понеже в том // (л. 17 об.) зелии не имуще пьянства былия, ихже часть с неверными во огни горящим и в сере смердящей.

Прояви же Господь сие хранителное сицевым образомъ. Тогда нѣкоему царю еллинскому именованъ Алексію царствующему в той земли и престол свой содержащу. По разсеянии святых апостоль по вселенней верѣ христианской умножающесе, идалская леть обнижашесе, и сатана умыслил прелстити живущих на земли – насади зелие скверное – хранителное былие – над трупом смрадным блудницыным той, якоже рехъ, табачка сицевым образомъ. Тогда убо благий Господь вся на ползу строя, обнижая его коварства и навѣдением нѣким страшным царю Алексію дадѣ вѣдати.

Во едину убо от ношей спящу ему в домѣ своем и видѣ во сне дѣву нкую в царском одѣянии, яко взыде на престол и царский. Вѣнецъ на главѣ ея, лицом черна Окрестъ ея множества народа – чловецы старые и младые. И тако ужесесея.

И пробудися царь Алексій, и нападе на него ужас и трепѣтъ. И не повѣда никому, не пи, ни ядя, помышляше бѣжати и тако оставя власть и бѣжа от града своего. И бѣжаше три дни и три ноши, не ядя и не пия, смиряя себя постом и путѣшественным трудом. И виде Господь смирение его, // (л. 18) посла ангела своего во образе казенника, сиречь нѣкоего велможи, возвестити ему сонное видение, еже виде нощию. И повѣдаша, како будѣтъ во дни последние роду чловеческому.

И явися яко чловекъ на пути царю и стретѣ его ангель Господень во образе чловеческом. Царь же Алексій, виде лице его прекрасно и поклонися ему, гла-

голюще: «Мир тебѣ, человече!». Царь же Алексий не хотя сказати сонного видения к человекѣку тому, токмо сказа, яко «Иду от дому своего». Тогда глаголюще ему ангель Божий: «Что ты, человече, не повѣдаешъ, ибо ты знаю, чесо ради ты бѣжишь, оставя царский твой престол – ты еси царь Алексий. Возвратися в царство свое, не убойся сонного видения, чесо ради, оставляеши власть и престоль свой. Нѣ будѣтъ тебѣ зла ничто же, и царству твоему. Не страшися того, еже виде нощию. Аз тебѣ повѣм о сем. То будѣтъ в последние дни.

Что есть девические образы, то бысть нѣкая черноризица, живяше в блуде. И от блуда заченши дщерь и рождши, и воспитана бысть до двоюнадесяти лѣтъ. И вниде в ню сатана, и растли ю на блуд, и оскверни ложестна своя, и всю волю диаволу творящу, и блудишася тридцать лѣт. И даде ей Богъ время, да покаетца, и не покаеся. И посла Господь ангела своего и повѣле // (л. 18 об.) земли разступитца. И раступися земля на тритцать лакоть, и пожре ю в себя живу. Сатана же в нѣй, любодѣйчивы, во чревѣ ея почерпнувъ чашу мерзости и покропи над трупом ея. И вскаренися земля, изведе земля былие, травное зели, и возмутъ еллина по повелению сатанину на прелѣсть будущимъ родомъ, и взявши, имуть садити, и нарекутъ имя табакъ.

И елицы убо зелия того травнаго и хранителнаго былия вкусятъ, и тѣ будут растлѣнне умом и побледнеютъ, и обмираютъ и помрутъ, и к диаволу во ад поидуть. И не по многом же времени самъ ты, царю, узриши». Царь же рече: «В которое время аз сихъ увижу?» Глагола ему ангель: «По двоюнадесять лѣтех». И сие изглагола, невидимъ бысть. Царь же Алексий возвратися во свое мѣсто и не повѣда нѣкому до двоюнадесяте лѣтъ.

В то же время нѣкто бысть врачъ имѣнем Тремикур, родом еллинъ. Изыде на поле ради врачебнаго зелия и обретѣ на полѣ зелие табакъ, идеже виде траву новоизрастшую и приде над нея. И сарвав, и обнюхав, и стал пьянъ. И взя семени того и насади в садъ свой. И виде еллия у него и покупаше на серебро. И тѣ такождѣ насажаху. И другъ от друга еллия распладиша. Мнози на огонь то зелие полагаше и дымъ его вдыхаху.

И тѣ пришедше во едино время пред цареви // (л. 19 (22) [пола]ты, ины вертяшеся и обомроша, падающа, иные уже и вовсе умроша. И видѣ царь Алексий пьяных и мѣртвыхъ, и позна их, и вопросы их. Ани же, отрицаютца. Царь же Алексий повѣле мучити их. И еллияне же сказаша, яко у Тремикура купяше. И повѣле царь Тремикура привести перед себя. Егда же бысть Тремикур привѣдены пред царя Алексия, царь же Алекси повѣле Тремикура связати. И о семъ зели вопрошаше царь же Тремикура: «Гдѣ обретѣ зелие сие и где то мѣсто?» И повѣле царь Тремикуру указати то мѣсто.

И тако Тремикур поиде с царем на то мѣсто и за ними множество народу идяху. Егда же приде на то мѣсто, тогда Тремикур яко: «То мѣсто бѣ, царю, яко на немъ обретох аз зелие сие». Царь же Алекси видѣ то мѣсто и повѣле капати, и народ ископа яму и обретоша трупъ мерзокъ, едины кости, тѣло же ислѣ, токмо едины главные и протчие.

Вопроси же царь: «Кто вѣсть про тотъ трупъ – женска или мужеска полу?» И отвѣщав Тремикур: «Аз, царю, не вѣмъ, каков трупъ ея». Вопросы же царь: «Не

быст ли у вас каких блудницъ преждѣ сихъ двоюнадесяти лѣтъ во граде семь?» Отвѣщав же Тремикур: «Бысть убо, царю, преждѣ сихъ лѣтъ блудно живяше дванадесяти лѣтъ, и мало кто от гражданъ убѣжав ловления ея» // (л. 19 об.). Царь же вопросы их, какова роду бысть. И реко[ша] еллия: «Слышах, царю, от усть ея, яко родом христианина есть и мати ея черница и от блуда заченши, и она осквернися на многие болѣе тмы мужей воздержанней. И нѣ вемъ, куда нынѣ дѣлася: давно ея нѣтъ». Царь же рече: «Много ли тому лѣтъ, яко она не обретается в городе сем?» Рече еллинъ: «Бысть, царю, в то время граза и громъ страшнѣ, яко поколебатися земли и граду нашему».

Разумѣ же царь Алексий, яко та бѣ девица, иже видѣхъ нощию и от страху того бѣжал от царства своего. Тогда встретивыйся ему на пути ангель повѣда ему о предбудущемъ преждѣ двою на десяти лѣтъ и повѣле ему возвратитися, и повѣда, како будѣтъ во дни послѣдние роду человѣческому. И помысливъ царь пряти (!) святое крещение.

И по семъ призва Тремикура, и рече: «Есть ли в нашей земли от христиан?» Рече Тремикур: «Слышав, царю, яко девица есть, христианина. Развѣ у нея есть знамение, каковы Богъ ея». Повѣле же царь сыскати и привести предъ себя. Вопросы же царь девицу: «Коя есту ты вѣры?» Она же отвѣщав, рече: «Христианина есть». Рече царь: «Какъ тебѣ имя?» Она же повѣда ему о имѣни. Потомъ рече царь: «Есть ли образы или начертание Бога твоего?» // (л. 20 /23²⁰). Девица имея у себя в недрахъ образъ – на единой странѣ Распятіе, а на другой странѣ – пресвятые Богородицы. Посмотре же девица в нѣдрахъ образъ и не обретѣ, понеже закры Богъ лице свое от лица нечестивыхъ. Потому упрошашеся девица времени на молитву. И помолися в ту ночь до девятого часа, в часъ же девяти показа Богъ девице образъ свой в нѣдрахъ, сиречь в пазухѣ ея. И сказа девица царю. И вопросы царь: «Которыхъ боговъ знамение?» Она же повѣда царю: «Едино распятіе Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, которой сотвори небо и землю, а другое – мати его». Глагола ей царь: «Откуда ты мудрасти научилась?» И рече девица: «Есть во граде Оладетере епископъ, он мя училъ и он мя окрестилъ и образъ мнѣ дал».

Слышав же царь, размышляше, и в томъ размышлении успѣ. И явися ему ангель во сне. И рече: «Пошли во градъ по епискупа и окрестися, онъ тея научитъ». 74. И рече царь Алекси: «Ты кто еси и како в палату мою вошелъ еси?» Тогда глаголюще ему ангель Божий: «Азъ есмь встретивый тея на пути преждъ двоюнадесяти лѣтъ, когда ты бежал от царства своего и повѣле тебѣ возвратитися». И сие изрекши ангель Господень невидим бысть. Царь же Алексий восстав от сна // (л. 20 об. /23) своего и много о семъ размышляя и по многомъ размышлении посла по епискупа, и епискупъ бысть предъ царемъ Алексиемъ. И вопрошаше царь епискупа о вѣре христианской, епискупъ же начать учить от Одама даже до Моисея, и до сего дня. И крестися самъ царь Алексий во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И в крещении нарече имя Алексий. И с нимъ много народа крестися.

---

²⁰ Здесь и далее после косой черты указываем номер листа по второй параллельной нумерации листов в рукописи.

Царь же повѣда епископу о блудной девице и о зели и мѣсто то повѣда: «И в минувшаю ночь явися мнѣ во сне муж свѣтѣль и повѣле послати по твою святыню». И отвѣщав епископъ: «Блаженъ еси, царю, своимъ житием, ты ангела Божия виде во сне». И потомъ помолися епископъ и пастися сорокъ дней.

И паки посла Богъ ангела своего, повѣлевая прокляти зелие то. И явися ангел епископу, глаголя сице: «Слыши, человече, прокляни то зелие беззаконное от проклятаго сосуда и мерскаго и чаши гнусные, понеже посея сатана своимъ плодом на мѣстѣ проклятом. Аще кто дерзнѣтъ нюхать, то лишень будѣтъ царствия небѣснаго.

Аще кто пиет да престанѣтъ, да и доидет молитва его до Бога, и тот будѣтъ // (л. 21 /24) посреде рая и муки. 94. И повѣле тебѣ Господь верных иерѣев собрать и прокляти плодъ той.

Проклятие.

Потом епископъ, собравъ множество епископов на собор и, егда сидошася, тогда епископъ рече: «Будуть последнего вѣка человѣцы лукавы лицемерны, законопреступницы. И востанут сыновѣ на отца, дочь на мать, другъ на друга, тогда прокляти повѣле Господь». И сие изрекши, умолче. Слышав же собранные епископы и прокляша плод той со святыми отцы. И с того врѣмiani из вертоградов своих извергоша. А которые некрещении, тѣ распладиша.

Архиепископъ же день и ночь молися Богу. И явися ему ангель Господень, сице глаголя: «Иди и рцы людѣм непокоривым, которые приобщаются зелию тому и нѣ повелѣ им Господь ни ко кресту, ни къ Евангелию прикладыватца, не припускать, ни святых Тайнъ приобщатца, ни в церкви стояти. А еже умереть, то не надлежитъ и молитва читати, ни пети, ни кадити ладаном, яко онѣ Богу врази, а диаволу друзи. Блуднику же надлежитъ по седми летъ после блуда в церковь входить». Богу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь. // (л. 21 об.)

По многих же лѣтѣх бысть явление на Красной горе недужной дѣвице Феклѣ: явися пресвятая Богородица во светлости, в руках своихъ жезль имея, глаголя: «Фекло, иди в мир». Она же пребысть в болѣзни, внѣзапу ащутився, воста и поклонися. И рече Богородица: «Иди и возвѣщай мое повѣление, чтоб люди праздники почитали, и в васкрестные дни не работали, и матерна не бранились, и в церковь хадили, и от своих трудовъ имение Богу давали, и табакъ бы не пили: проклята бо есть от Богомъ и от святыхъ отец. Егда кто испиеть, тогда земля дрогнѣтъ, а кто и матерным избранитца, и тогда пресвятая Богородица вострепещеть у престола Господня. Будитѣ доволны своими трудами, а чюжимъ не касатѣся». И сие изрекши пресвятая Богородица, невѣдима бысть.

Дѣвица же по глаголу пресвятыя Богородицы скоро шедъ ко епископу и поведа, како бысть в недуге тяшком и како пришедъ к нѣй пресвятая Богородица во свѣтлости, исцели ю от недуга. И повѣда епископу все по ряду, яже видя и слыша от пресвятыя Богородицы. И тако епископъ прослави Бога и его пречистую Богоматерь. 123. Богу нашему слава во вѣки. Аминь**.

**На нижнем поле читается запись «Списалъ сентября 13 дня 1758 году» (дата написана арабскими цифрами).

**Сказание ис книги, глаголемья Пандокъ, о хранителномъ были, что словеть трава табакъ, откуду бысть и каких случаях зачався, и повсюду разсѣяся.
(БАН, собрание Успенского, № 202, л. 32 об.–42)**

По первому пришествию Христову Господа нашего Иисуса Христа на землю и по его же во адъ сошествия, по вознесении и по воскресении Господнемъ бысть сицево нечто, иже есть писано о семъ, еже святыи Иоаннь Феологъ пиша, глаголя во Апокалепсисе во главе второй: «Фиатерския церкви ангелу рече Господь: «Напиши сия, яко оставляеши жене, глаголющейся быти пророчице и слыти моя рабы любородствовати, и снести жертву идолскую, и даль ей Господь время, да покается – и не покася».

И паки рече Господь: «Се азъ полагаю на одре и любодееющих с нею скоро, и чада их умрутъ смертию. Вам же глаголю во Фиатери, иже не разумеютъ глубины сатанины, яко токмо еже имате держите».

И паки инде сказуютъ в том же Апокалепсисе в главе 17-й: «Прииде единъ от ангель, имущих фиаль, глаголя со мною: «Грядите, да посажу вам судъ любодееицы великия, судящейся, приведох».

И видехъ // (л. 33) жену, сидящу на звере^а червленномъ, исполненную имянь хулных, облеченна в порфиру и в червленицу, позлащенную златомъ и камениемъ драгимъ, и бисеромъ, имущу же чашу златую в руке полну мерзостей и скверну любодееяния ея. На челе же ея написано тако «Вавилонъ велики». Мати любодееицамъ и мерзостямъ земским имать преити от бездны в пагубу. И удивятъ вси живуция на земли, ихже имена не напишутся в книги животныя.

В том же Апокалепсисе в главе 18-й^б: Ангель Господень сходящъ с небеси возопий: «Паде, паде Вавилонъ великий! От вина ярости любодееяния ея напои вся языки, царие земстии и купцы от силы пищи ея разбогатеша, похотию души твоей и отиде от тебе».

Слышите и разумеите, како о семъ Духъ Святыи назнамена о семъ хранителномъ былии – мерзкой зелии, табачной травѣ, иже искони вестъ сый, и показа сей, дабы не впади в толикое скверное любодейство христиане.

Егда бо маниемъ Господь на земле во образъ преложиися и волею на смерть прииде, и удицею вочеловечения своего и извлече во адъ, сиречь диавола связа узами нерешимыми и во тме посади. Он же сатана умысли плевель насадити на земли и посла слуги своя любодейчивыя бесы и блудныя демоны, не стерпе страма и студодееяния своего, аще возможно // (л. 33 об.) прелстити избранныя Божия рабы.

Бысть же тогда некая жена Мезавель (так!), глаголющаяся быти пророчица. И пострижесе в монашеский образъ, уже пророчества сподоблена бысть. Сатана посла множество бесовъ любодейчивых прелстити ю на любодееяние – прежде на пищу, потом же на питие, таже на блуд. Во блуде же заченши чада женскъ поль образуетъ и роди всеокаянную дщерь – любодееицу великую, исполненную всякия мерзости, иже хулениемъ своимъ хоцетъ сосудъ неприязненъ демону быти и имать ездити на звере червленномъ. Звер же толкуется множество земель невер-

ных, Бо[га]^в не знающихъ, иже оне вкушати имут блудодейства^г ея скверных и смрадных [мерзо]стей^д. Имен же хулных исполнена множ[е]ства, в порфиру червленную одеянна, златомъ и сребромъ, и каменiemъ драгимъ облеченна. Се бо о ней толкуется: мнозии царие и князи, и велможи, богатии и убозии, свободницы и работныя, приносяти себе во уста будутъ смра[д]на прелубодейчива беса, и то им будетъ в забаву и утеху. И множество злата и сребра за оную мерзо[сть], всескверную и окаянную, дадутъ. И се наречется мати любодейцам и мерзостям земским. И иматъ тако от того приидуть в бездну греховную всепагубную, и от того всему миру повреждение будетъ, понеже от сквернъ ея и любодеяния в тогдашнее время множество народа погибнетъ и погибати * // (л. 40) от того былия будутъ. Чаша же злата, в руке ея держима, образуетъ чиста златом и сребромъ купующии же у нее мерзость. И приимши, воссудятся, яко от сего былия обвеселишася чиловецы плоду чрева ея раждающаго, ихже потребить Господь имена от Книги, и с праведными да не напишутся.

Мнози же купцы и продавцы обогатеютъ от мерскаго зелия онаго табаки, от силы пищи ея – хранителнаго сего былия, их же часть со скверными во огни горящем и сере вселютейшей кипящей вменятся. Понеже бо в той земли пьянства не имуща и хмелнаго пития не было у них, и не разумеюще те людие виннаго вкушения и протчих таковых питей, и не знаяху и к требованию веселия ко утешению своему чесо себе принести, но просте живущей в той земли, а погани сущи, сиречь некрещены пребывали.

Прояви же Господь сие хранителное былие сицевым образом^е. Тогда некоторому царю еллинскому Анепсию царствующу в той земли, престоль свыше содержащу ему.

По расселению святых апостоль по вселенней вере благочестивой умножающеся, идольская лествь обнажися от них, а сатане устыдевавшемуся, умысли убо сатана прелстити живущия на земли и насадити зелие сие всескверное – хранителное былие – над трупомъ смрадным блудницы тоя, якоже рекох, табачное, сицевым образом.

Егда убо благий Господь на ползу [вся строяй]^ж, // (л. 40 об.) [обнажи сего]^з коварство сновидениемъ некимъ страшным царю Анепсию, не вѣдивъши бо человецы, не вошли бы в пагубу злу и от него в муку вечную. Во едину убо от ношей спящу ему на одре своем, видевь сонъ сицевый. Во сне же видевь деву некую в царскомъ убо венце, и яко възде на престоль его в царский и сяде на нем. На главе же ея бе царский венець. Дева же лицемъ бе красна, образомъ доброзрачна, еже видя седящу. радующуся и веселящуюся. И узревъ онъ, яко на ню взирають окрестъ множества народа и дивящеся ея, и ужасаются, от страха умирають. Таже и средовичные юноши по сих зрящее, дивятся и ужасаются и трепещуть, изнемогають, и дивящеся умирають. Потом же видевь онъ между трупомъ мало отдаляясь и возлезше на трупъ той юноши, взирають же на нь и видевшю, сами бояться и от страха трепещуть, и трепетавъ, умроша. Также и

---

* Продолжение в рукописи читается через несколько листов, на л. 40.

младенцы восхотеша тую же деу видети и возлезше на трупъ тотъ, возглядати и, видевши ю, тии такожде помроша. И яко обо множество труповъ и не можно ужи ее и видити и знати ея, но ни престола ея царскаго [...]», яко онъ, царь Анепсий, и не возможе ю во сне видети, токмо иже мертвыя трупы видехъ. И от сего более в страх прииде и ужасеся сердцемъ, и принемогашеся духом своимъ, и вскоре [...] пробудися царь Анепсий от сна своего и нападе на него ужестъ, стр[ах]** // (л. 34) и трепеть велий и велми ужасеся о сем, и вострепета сердцемъ своим и не смея более никому поведати сна своего. Ни поведати ни царице, ни бояром, ни велможамъ, ни ближним советникомъ, и не ядя, и не пия, помышляя, како бы бежати от премногия и несносныя бури.

И от страха того и ужаса и бояся и остави власть свою и бежа от царства своего, и взя с собою мало нечто пищи.

И иде дня три и нощи три, ни яде, ни пия ничего, смиряя себе постом и пу[те]шественным трудомъ себя утруждая. И виде же Господь смирение его, посла к нему ангела своего во образе княжества его, яко бы знаемого велможу, возвестити ему про сонное видение и поведати ему, каким образомъ будетъ в последния дни народа человеческая пагуба и падение от всехранительнаго зелия, и каким образомъ начало приемлет онъ.

Идущему же ему путемъ, и се явися ему человекъ во образе ангела. Царь же Анепсий, виде его и поклонися ему, глаголющи: «Миръ тебе, человеце!» Ангель же отвещавъ ему: «Миръ и тебе такожде!» Царь же не хотя убо сказати ему соннаго видения, мняше бо его яко человека, не восхоте с нимъ ничтоже рещи.

Ангель Божий рече царю Анепсию: «Что еси ты, брате, не поведашаши мне соннаго своего видения, убо азъ тя знаю и вемъ, кто еси ты и чего ради // (л. 34 об.) бежиши, оставя бо царский свой престоль и власть – ты убо еси царь Анепсий. Но азъ же ныне тебе глаголю: возъвратися убо в царство свое и не бойся для соннаго сего привидения, что ты еси во сне видель, что бо будетъ вскоре в твоём державстве, а потом же и в последния дни христианехъ наигорше, слыши, убо, ты от мене днесь и разумей, яко ты есть человеческий образъ. А для сего соннаго видения устрашился еси, ибо вскоре дивное чюдо хоцетъ быти: от нетрезвения во пьянство диавол бо, ненавидяй человеческого роду, вскоре прелститъ живуция человеки на земли сицевым образомъ.

Будеть бо некая черноризица во дни ты и соблудивши. И от того зачнеть дщерь и родит в томъ своем соблудении, и оная воспитана от нее будетъ до двенатцати летъ. Вложить же ей сатана мысль блудную и растлить ю, всеокаянную, на блудъ, и егда осквернить ложесна своя и сотворить волю диаволу и творящей ей и блудивъшейся тритцать летъ. И дасть ей Богъ время, да покается и престанеть от того блуда. Увидитъ же Господь непокаявшуюся и не prestaющую от того всесквернаго блуда, тогда послеть по ню ангела своего и повелитъ земли разступитися. И разступится земля на тритцать лактей по повѣлению его и пожретъ ю в себя земля живую и иже в ней любоденъчивыя демоны. Онъ же //

** *Продолжение в рукописи читается раньше, на л. 34.*

(л. 35), вселукавый бѣсъ, почерпнетъ в ложеснах ея чашу полну мерзости и сквернѣ любодейня ея и покропитъ землю над трупомъ ея. И не в долгом времени вкоренится и изведетъ земля былие, травное зелие, и его потомъ возмуть еллины повелениемъ сатанинымъ, и будетъ на прелестъ впрѣдъ будущим родом, и вземше то зелие травное, и имуть всадити в садах своихъ и расплодятъ веселія ради, и нарекутъ то зелие табаки. И еллины будутъ разслаблены умомъ, и от того имуть побледневати и многіе обмирати и трестися имуть пьянства ради онаго вселютаго, а инии от того и помирати будутъ, ихже души ко диаволу во адъ пойдутъ. Не по мнозе же времени техъ самъ ты, царю, своима очима узриши».

Рече же ему царь Анепсий: «В которое время азъ сих увидети имамъ?» Глагола же ему ангель Господень: «По двнатцати убо летехъ пред царски[ми] своими враты увидиши техъ пьяныхъ от тоего зелия множество народу и трестися имуть и побледнеютъ и обмирати многожды будутъ, и мертвыхъ множество обявятся от хранителнаго того зелия травнаго. Тогда убо разумей: любодейство начинается в мире царствовати, диавол же жезлом своим их невидимо убивати будет. Сего ради оне // (л. 35 об.) и обмирати будутъ, врагъ бо их уязвляти похотию оною, вселютым зелиемъ табачнымъ будетъ. И ничто же токмо разстлит умъ их и разслабитъ от того человека всего по уделемъ и потомъ всеохотно от того пьянства на блудъ». И по сих глаголах ангель Господень невидимъ бысть. Царь же Анепсий возвратися от того далечайшаго пути во свое царство на престоль свой царски и ту повесть, поведанную ему от ангела, во уме своемъ завсегда держащи, и никому о семъ не поведаетъ даже до двнатцати летъ. Но в доме своемъ царь почасту о семъ размышляя, когда сие, проявленное ему, увидитъ.

В то же время в царствование его бысть некто врачъ именемъ Тремикуръ, еллинъ. И изыде на поле врачевнаго былия искати и обреть зелие травное над некоею пропастию, идеже беззаконную и скверную блудницу ангель Господень невидимо поразию. И виде траву ту Тремикуръ новорастущую, прииде над ню и размышляя в себе. И вложи диаволь ему сицевую мысль, еже ему то зелие сорвать и обнюхать. И взем Тремикуръ, обнюхавъ ноздрями своими, и обвеселихся, и забы все печали житейския. Тогда Тремикуръ пренесе траву ту с корнемъ и з семенами и посади в саду своемъ и начатъ почасту обнюхивати, и обвеселяся, и хождаше всегда пьян. И расплодися у него тог зелия множество травнаго.

И видивше людие того мужа всегда пьяна суца ходяща, и вопрош[аху] // (л. 36) его, откуда пьянство он чинитъ. Он же, Тремикуръ, показа им в саду траву, они же видевьше ю и купиша у него, комуждо удобно на сребро. И тии такожде в садах своихъ разсаждающе, другъ от друга уведавше убо, и обнюхивающее почасту своими ноздрями, и пьянствовати начаша. Мнози же на огонь того зелия травнаго полагаша и дыма его вдыхающе во уста и обледневающеся, и обмирають, а овии и умирающе, и инии мертвыи лица показующеся и разслаблени умомъ растлени, и вертящеся, бесчинно ходяще, пьяны суще. Кииждо сошедшея между собою глаголаху: «Сие зелие травное намъ Богъ с неба далъ веселія ради нашего вместо хлебнаго и хмелнаго питія, иже ныне в ыныхъ землях оное травное зелие не бываетъ. У насъ же здѣсь сие зелие веселитъ насъ».

И в ыное время пред царевыми полаты люди трясущесе и обомирающе подаху, инии же и во смерть внезапу и умроша. И видевши сие царь Анепсий народъ пьянь, вертящийся и обмирающихъ, дивяшесе новому сему начинанию. И позна быти их пьяных, и вопросы об них еллинъ: «Чесо ради погибель сия миру бысть: овии обмирають, инии же и смертно внезапу и умроша? Откуда бо пьянство имуть здесь?» Еллини же отрицающесе того, не сказуютъ, яко хмелнаго пития и секиры не имуть и «у насъ пьянства никакова // (л. 36 об.) несть». Царь же Анепсий повеле мучити ихъ. Ельлини же сказаша, яко имеютъ во граде своемъ сады и в садах траву — зелие некое травное и незнаемое, и имеюще от того зелия пьянство. Вопрошаше же их царь Анепсий: «Откуда взяли есте плодь того зелия или семена той травы добыли суть?» Они же ельлине ему царю сказаша, яко врачъ нашъ ельлин Тремикуръ продаде нам то зелие травное.

Повеле же царь Анепсий Тремикура привести пред себя. И приведоша вскоре Тремикура пред царя. И нача царь Анепсий истязать Тремикура и о семь зелии вопрошаше его: «Откуда обреть пьянственное былие травное, коренье или цветъ, или семена и где то место, на немже израсте трава та?» И повеле ему указати. Тогда Тремикуръ сказа то место, идеже над темъ местомъ скверная блудница та поражена бысть ангеломъ Господним, идеже пожре трупъ ея земля, и бысть в землю в глубину на тритцать лакоть.

Видевъ же царь то место, повеле копати, и копавше на тритцать лакоть и болше и обретоша в томъ месте трупъ мерзокъ смрадно и зловонно исходящу, едины токмо кости, тело же истле. Вопросы же царь Анепсий: «Кто убо вестъ про таковой трупъ — мужескъ полъ или женскъ?» И рече Тремикуръ: «Азь, ^кцарю, не^квем, // (л. 37) каковой трупъ сей бысть». Разумев же сие царь, яко уже збывается, еже поведенное ему бысть от ангела Господня прежде двоюнадесяти летъ на пути о блуднице сей всескверной». Вопросы же царь Анепсий: «Не бысть ли у насъ во граде таковой прежде сих двенатцати летъ или от коеих-нибудь не слыхаль ли?» Отвещавъ ему Тремикуръ: «Бысть убо, царю, прежде двенатцати лет блудно живущей жене, исходящей, молода же весма бе и по граду нашему всюду хождаше и уловляя всюду человеки своим блудомъ. А прииде откуда уже — о томъ не вемъ». Царь же вопросы ту предстоящих, какова убо бысть оная роду. Рече же ис предстоящих некий ельлинъ: «Слышахомъ убо мы, царю, отъ уст ея, яко роду христианска была, а мати ея была черноризицею, живуци убо в блуде своемъ непрестанно, заченши в блуде сию дочь и родивши ю, и по возрасте в двенатцатое лето растлена бысть на блудъ. И наипаче матери своей в блуде живуще скверно, на мнзех местехъ потом же и невоздержаниемъ своимъ. Уже немалое время минуло тому, и не вем, где ныне пропаде: и во граде семь давно уже ее несть, и не слыхать про нее нигде доднесь». Царь же рече: «Много ли тому летъ, яко не обретесе блудницы сей на земли?» И рече же Тремикуръ: «Якоже рекох ти, двенатцать летъ и болше не видехомъ ея». Рече же царь: «Не бысть ли в те времена // (л. 37 об.) каковыя грозы страшныя на земли живущимъ?» Рече же Тремикуръ, ельлин: «Бысть, убо, царю, в то время гроза и гром всестрашный, яко поколебатися земли всей и граду нашему. И вострепеташа живуции многи хри-

стиане от труса онаго всеграшнаго, и мнози человецы ужаснушася и разума своего и изступиша». Помыслив же убо царь и разумевъ, яко в той день и часъ поразию ангель Господень, егда ему извести в сновидении Господь и на пути сказа ему ангель Господень, и израсте на семь месте зелие травное над трупом ея всескверным. И помыслив в себе царь прияти святое крещение.

И потом не по многом времени призва царь Тремикура, и рече: «Ест ли в нашем граде кто от христиан, иже веруютъ христиане в Бога небеснаго и несть ли у нихъ какова начертания образа?» Рече же царю Тремикуръ: «Слышаль азъ, царю, яко есть во граде нашемъ христианская дева сущи благочестива и иже она веруетъ распятаго Христа. И образы у нее имеютъ ихъ боговъ». И повеле убо царь сыскати и привести ея предъ себя, посла же по нее кнеженника некоего, мужа благочестива. И приведоша предъ царя девицу ону.

Вопроси же царь девицу: «Каковы есте вы веры?» Она же поведа ему: «Христианскаго закону естъ». Глагола ей: «Како естъ имя твое?» Вопросы же царь: «И несть ли у тебе каковаго начертания образа и воображения боговъ // (л. 38) твоихъ?» – Мняше бо царь, яко сам Богъ явися ему на пути и возвещая ей о томъ видении сонномъ и о изобретенномъ имъ зелии травномъ. Дева же имея у себя в недрахъ сокровенно образъ едино на обехъ сторонахъ написанны: на единой стороне распятаго Христа, а на другой стороне – образъ святыя Богородицы, у нее же обвязанъ ношаше на выи своей. И посмотревъ девица в недра своя, хотя показати образъ Божий царю, и не обрете у себе, понеже закры Богъ лице свое от лица нечестивыхъ. И изыде дева от царя и ста в доме своемъ в ту ночь на молитву. И молися до девятого часа, в часъ же онъ показа Богъ девице образъ лица своего – в недрахъ пазухи ея обретеса. И пришедшему слуге от царя девица сказа, яко обретеса образъ Божий. Слуга же пришеды поведа царю. Паки пришедши девица предъ царя Анепсия.

И спроси ея царь: «Которыхъ боговъ у тебе знамение естъ?» Рече же дева: «Суть образы Бога небеснаго и матери его по плотскому рождению, который сотворилъ небо и землю, море и вся, яже в нихъ, и нашего ради спасения, от девы рождшагося и зшедшаго с небесъ, и явившагося человекомъ, на кресте распят от беззаконныхъ иудей и за беззакония наша претерпевавшаго страсти волѣю, и погребеннаго бывша, и воставша от мертвыхъ, и вознесшеся на небеса, и паки хотящаго приити на землю судити живыхъ и мертвыхъ и воздати комуждо по деломъ его: // (л. 38 об.) праведнымъ рай и животъ вечный, грешнымъ – по достоянию мука вечная».

Глагола же ей царь Анепсий: «Откуда ты еси сея премудрости изучилася и где тебе твоимъ образомъ написание имелося? Отвещав же девица, рече: «Есть, царю, во граде Ельладе, в немже учитель нашъ епископъ христианский живеть, онъ убо сице образъ сей написа и учить насъ веровати в небеснаго Бога. Научися убо от него азъ и крещена естъ, и верую во единого Бога, сотворшаго вся. И той мне даде образъ сей».

Слышав же царь Анепсий от нея сия словеса, размышляя^л убо в себе о вере христианстей долгое время, и в размышлении томъ нощию усну. И явися ему

ангелъ Господень во сне. И повелевая послати во он градъ по епископа онаго, и глагола ему: «Слыши, убо, царю, и разумей, иже тебе дева она извести про епископа онаго, ты же, царю, посли и во он градъ и призови его, и той тебе вся пути ко спасению скажетъ и сущим с тобою во граде твоємъ». Тогда рече царь Анепсий ко аггелу: «Ты кто еси?» Отвеща ему ангелъ Господень: «Иногда тебе на пути прежде двенатцати летъ аз же тебе явися, а тебе бежащему от царства своего, и азъ тебе повеле возвратитися ко своей земли и царствовати мирно». И возбудився же царь и посла царь вскоре по епископа онаго и призван бысть епископъ предъ царя Анепсия. И вопросы убо царь епископа о вере христианской, епископъ же нача поведати ему о вере от начала мира бытия, от Адама и до Мои[с]ея, от Моисея // (л. 39).

[...] за то, что не покается от грехопадения своего в землю на тритцать локоть, и изыде над трупомъ ея травное зелие. И возмут во граде твоємъ ельине и в садах оное расплодять и темъ травнымъ зелиемъ утешатся будутъ. И прелстятся на то мнозии и возымеютъ себе от того веселия, мнозии же от того и помрутъ, вкушающе его, да и безнующися, яко мертвые и валятся всюду». И тако невидим бысть ангелъ Господень. И по двенатцати убо летех азъ во граде своемъ ельин многих, убо, виде безнующихся, и вертящихся, и обмирающих. И имущихъ всехъ ихъ распытоваше, и сказаша мне, где то зелие обретоша. Место то, на немже израсте трава сия и корень зелия сего травнаго показаша. И азъ повелелъ место то изрыти. И окопавше то место, и обретоша трупъ зловонень, смердящъ, изотлевшей, токмо кости. И от смрада онаго мнози болезни приключились, и от долготы болезни инии и помроша. Зелию же оному назваша табакъ кои ноздрями своими обнюхивающе и вдыхающе в себя. Тогда ангелъ Господень невидимо глагола к ним к тому же: «Аще кто послушаетъ Божественнаго Писания и чистымъ сердцемъ со слезами и воздыханиемъ непрестаннымъ престанет от сего зелия травнаго, а той малу отраду и ослабу получить и между раем и мукою учинень будетъ, а в рай сей не впуститися. И аще же кто сего поучения не послушает и повелению Божию противитися будетъ, // (л. 39 об.) тот вечный врагъ Богови будетъ и его же имя от книгъ животныхъ потребится, и связанъ будетъ по руце и по нозе, и въверженъ будетъ к диаволу во ад. Диаволъ же ихъ всеокаянныхъ посадить в серу горячую. И сего ради повѣлевая Богъ тебе верныхъ иереевъ собрати, плодъ той и собравши всемъ соборомъ прокляти.

Но в последния бо дни человецы будутъ весма тяжцы, запойцы во пьянстве и законопреступницы, отступятъ бо от веры православныя и во своихъ похотяхъ будутъ ходить. Но умножится плодъ той всюду, травнаго сего зелия, табаки называемаго, и множество людей вкушати его будутъ ноздрями своими обнюхивати, и дымъ со огнемъ в себя вдыхати будутъ. И не вспомнятъ своего к Богу покаяния и Божественному Писанию не станутъ веры яти, но будутъ своему размышлению вероятны, но и протчихъ на то будутъ поучати злomu сему всескверному похотению, и рекутъ яко Богъ намъ сие зелие даде.

Но потомъ еще от сего изыскнутъ любы мнози, и возненавидятъ другъ друга, и востанутъ отцы на сыновей своихъ, а сынове имутъ воспротивлятися отцемъ своимъ,

и не станут слушати Божественнаго сего Писания, но отвратит Господь лице свое от них за оные всеокаянные мерзости от человекъ. Того ради вложит Богъ во властителей велие немилосердие нравами своими на рабы своя, такожде и на подданныя, и на нищия, и на вдовицы, и на сироты, яко ни в чемъ шедити ихъ имут. И возненавидятъ^{***} // (л. 41) богатии убогих. И не престанно воюя всюду родъ земнородныхъ, и востанетъ от сего языкъ на языкъ и царство на царство, и всемъ в тогдашне приспевшееся время пагуба велика всюду будетъ, но по семь вскоре вся земля паки смирится.

Того ради и тебе повеле Господь, православный епископе, всюду сие проповестъ и сей всескверный и всесмрадный, мерзъский плодъ прокляти всесорборне и анафеме предати». И тогда епископъ и предстоящий ту с нимъ от ангела Господня глаголанная слышаша, и невидимъ более бысть. И епископъ тотъ собралъ из другихъ многихъ местъ епископовъ и иереевъ и протчаго духовнаго чина, и прокля плодъ той, зелие травное, сиречь табаку.

И изъ вертоградовъ, той расположенъ где былъ корень, той весь раскопаша и ничесо же оставиша. Светыми отцы утвердиша твердо, дабы християне от сего травнаго зелия, сиречь табаки, всячески убегати и усть своихъ не оскверняти, но удалитися всякими [...]», а иереемъ повелено православнымъ християномъ почасту напаятовати слово сие, дабы неведениемъ в сию скверну не впали, и тако тогда сие зелие искоренено было.

Не по мноземъ времени во ономъ же граде не крещенные ельLINE, Божию закону не повинующеся, то зелие травное табаку развезоша в другия места далечайшия, и тако то былия поганы ельLINE паки отвсюду расплодиша коренемъ темъ и извезоша в другия земли: в немцы, в турки, в татары, // (л. 41 об.) и в черкаския земли. Но оттуда имеющия ю християне по неведению от нераз[у]мныхъ иереевъ и не поучениемъ мнозии всескверное то былия вкусиша, но с погаными почасту беседу творящи и приобщающеся.

И виде Богъ погибающихъ человекъ и впадающихъ от сего пресквернаго зелия табаки во адово дно, в вечную муку на мучение, и посла Богъ грозу претрашную на землю. И бысть всюду трусь по многимъ землямъ и во многихъ местахъ разсадеся и пожре земля живущихъ тамо человекъ за сие былия. И изыде архиепископъ с правоверными людьми, моляся день и мощь о сокрушении земли и о погибели человечестей.

И явися архиепископу во сне ангель Господень, сице глаголя: «Иди и рци людемъ непокоривымъ, кои приобщаются всескверному зелию, сиречь хранительной от нихъ траве табаки, но убо отлучи ихъ от церкви и не повели имъ образа честные целовати, ниже к животворящему кресту^н и къ Евангелию приложитися, дондеже отстанутъ сихъ всескверныхъ мерзостей, ниже святымъ тайнамъ приобщати, но вне церкви стояти, дондеже исправятся.

Глагола бо, кое общение светъ ко тме, или како быти православному с велиаромъ, но и крестнаго не (!) себе знаменія недостойтъ имъ вообразити, понеже

---

^{***} Лист 40 в рукописи переплетенъ неправильно и содержитъ текстъ Повести, приведенный выше на с. 00 со словъ «отъ того былия...».

убо смраднии есть и мерзцы сердцемъ, присно Духу Святому противницы, но отсекоша воню // (л. 42) масличную и приложишася к неплодней лозе, иже осквернишася похотию сею и ослабишася своими телесы. Но и мертвые ихъ телеса близъ церкви не класти, ни молитвъ святых творити над телесы, ни пения, ни службы, не приношения творити за них, яко они Богу врази, а диаволу друзи, в животе убо своимъ покаяниемъ не исправится, колми паче по смерти ихъ гнушася Господь. Не повеле бо намъ таковыхъ принимати ниже в рай ко Адаму и святымъ приносить, и в царство небесное сообщати, ни во свѣтло мѣсто, ниже в покой, ниже в веселие, но прямо со осуждениемъ в вечную муку ко диаволу до дне втораго пришествия Господня, в темное место, а потомъ в горячую серу и в тартарь. И аще кто восхощетъ исправится, еже бы от злыхъ мукъ избежати и начнетъ с чистымъ покаяниемъ прибегати ко святей церкви божией, от сего всесквернаго былия табачнаго остатися, то седмолетиемъ и запрещениемъ яко блуднику надлежитъ. По семи летехъ в церковь вхождение имети, и не яко врага его имети, но яко приснаго брата всегда с нимъ сообщатися». И тако невидимъ бысть ангель. Ныне и присно, и во веки векомъ. Аминь.

Палеографические примечания

^а в рукописи описка взере; ^б написано арабскими цифрами; ^в заклеено; ^г в рукописи описка блубодейства; ^д начало слова заклеено; ^е далее в рукописи пробел, больший, чем между строками; ^ж текст почти не читается, стерты чернила; ^з текст почти не читается, стерты чернила; ^и слово заклеено; ^{к-к} в рукописи описка рарю, ве; ^л в рукописи описка разлышляя; ^м слово написано неразборчиво; ^н в рукописи описка креству.

Т. Ф. Волкова, Л. Л. Косырева (Малышева)
T. F. Volkova, L. L. Kosyreva (Malysheva)

**ДВА ПЕЧОРСКИХ СПИСКА ПОВЕСТИ О КУПЦЕ, ОБОГАТИВШЕМСЯ
«УТВАРИЮ» ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ**

**TWO PECHORISTIC LISTS OF THE TALE OF A MERCHANT, ENRICHED BY
THE DECORATION OF THE ICON OF THE BLESSED VIRGIN MARY**

Статья содержит краткую характеристику двух списков Повести о купце, обогатившемся убранством иконы пресвятой Богородицы, созданных известным печорским книжником И. С. Мяндиным, и их публикацию. Более ранний вариант Мяндинской редакции Повести читается в составе его рукописного Торжественника, хранящегося в Научной библиотеке Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Усть-Цилемское собр. рукописей, № 46, л. 331–333), вторичная версия дошла в составе сборника Российской национальной библиотеки (НСРК О. 100, л. 71–74). Оба варианта печорской редакции Повести при сопоставлении их с текстом XVII в., опубликованным в «Памятниках», издаваемых Г. Кушелевым-Безбородко, обнаруживают редакторскую работу И. С. Мяндина, имевшего в руках какой-то список, близкий по тексту опубликованному списку XVII в. Публикация двух разных версий еще одной переработки И. С. Мяндина расширяет круг древнерусских произведений, осмысленных и отредактированных усть-цилемским крестьянином-старообрядцем в конце XIX в. в свете своего понимания средневекового сюжета.

Ключевые слова: древнерусские повести, купцы, И. С. Мяндин, усть-цилемские рукописи, старообрядческие переработки древнерусских повестей

The article contains a brief description of two lists of the Tale of a Merchant, enriched by the decoration of the icon of the Blessed Virgin Mary, created by the famous Pechora scribe I. S. Mjandin, and their publication. An earlier version of the Miandin's edition of the Tale is read as part of his handwritten Solemn Book, stored in the Scientific Library of the Syktyvkar State University (Ust-Tsilemsky collection of manuscripts, No. 46, p. 331–333), a secondary version came as part of the manuscript of the Russian National Library (NSRK O. 100, p. 71–74). Both versions of the Pechora edition of the Tale, when compared with the text of the 17th century, published by G. Kushelev-Bezborodko, reveal the editorship of I. S. Miandin, who had a list close to the text of the published list XVII century. The publication of two different versions of another revision of I. S. Miandin expands the range of ancient Russian works that were comprehended and edited by the Ust-Tsilma old-believer peasant at the end of the 19th century in the light of his understanding of the medieval plot.

Keywords: Old Russian Tale, merchants, I. S. Mjandin, Manuscripts from Ust-Tsilma, Old Believers processing of Old Russian Novels

Мир персонажей памятников древнерусской литературы в социальном плане достаточно разнообразен. Особую тематическую группу в ней составляют повести о купцах. Выдвижение образа купца на первый план в средневековой русской

литературе стало возможным лишь начиная с XVII в. Появлению в литературе нового героя – купца – способствовал ряд обстоятельств. В первую очередь – это демократизация литературного процесса от снижения проблем, поднимавшихся в литературе, и героев повествования до снижения самого языка, которым о них рассказывалось [8]. Как отмечает Д. С. Лихачев, повествование о купцах не подчинялось в такой мере этикету, как повествование о героях более «официальных» – церковных деятелях и военных [7, с. 527]. В рассказах о чудесах авторы начинают больше уделять внимания не только самому святому, но и людям, которые его окружали, и сами чудеса происходят в демократической среде – купеческой, крестьянской, ремесленной и т. д. Особенно часто стали описываться чудеса, происходившие в купеческой среде, что привело к появлению особой жанровой разновидности повествовательной литературы Древней Руси – повестей о купцах [там же].

Такое внимание литературы к купеческому сословию было не случайным. Купечество было самым подвижным из древнерусских сословий: торговым людям были привычны дальние поездки и по Руси, и далеко за ее пределы. Купцы знали иностранные языки, постоянно общались с иноземцами, покупали, читали и привозили домой иностранные книги. Купечество было менее косным и замкнутым, чем другие сословия древнерусского общества, более терпимым к чужой культуре, более подверженным разнообразным влияниям. Литература, всегда следовавшая за жизнью, отразила эту сословную «подвижность» купечества, создав большой круг произведений, где персонажами стали представители купеческого сословия.

К числу таких произведений относится и публикуемая нами Повесть о купце, «обогатившемся утварию пресвятой Богородицы», привлекавшая в конце XIX в. внимание известного печорского книжника И. С. Мяндина [см. о нем: 9; 1; 5]. Она относится к числу практически не исследованных памятников древнерусской литературы. Нам пока известен только один ранний список Повести XVII в., опубликованный в «Памятниках», издаваемых Г. Кушелевым-Безбородко [6], (далее – список К). Два списка Повести были найдены на Печоре и относятся ко второй половине XIX в. Они переписаны легко узнаваемым почерком И. С. Мяндина и входят в известные сборники его переработок: РНБ НСРК О. 100 (л. 71–74) из собрания проф. М. А. Яковлева, который получил рукопись от В. И. Малышева для работы со студентами [9, с. 39, сн. 1; см. о рукописи: 5, с. 208–209], (далее – список Як.) и Торжественник [об этом сборнике постоянного состава см.: 10], хранящийся в НБ СГУ им. Питирима Сорокина (Усть-Цилемское собр. рукописей, № 46, л. 331–333; далее – список Т) [об этих сборниках см.: 4]. Мяндинские списки Повести имеют разные заглавия: в сборнике Яковлева – «Повесть о некоем милостивом купце, како обнища и помощью пресвятыя Богородицы паки обогате», в Торжественнике – «Чудо пресвятыя Богородицы о купце, како обнищавшу ему, обогатися утварию пресвятыя Богородицы». Результаты текстологического исследования этих списков Повести о купце в сопоставлении со списком XVII в. были нами опубликованы в

недавней статье [3]. Приведем в этой публикации лишь основные выводы проведенного исследования.

Сопоставительный анализ трех списков Повести – двух мяндинских и списка XVII в. – показал, что первоначальная фабула ее в обеих мяндинских версиях Повести сохраняется, однако на уровне сюжета в них произошли под пером печорского книжника определенные изменения.

Первый этап переработки старинного сюжета Мяндиным отразился в списке Т, в котором печорский книжник заостряет сюжет на чудесной стороне описываемых событий, что поддерживается и заглавием этого списка – «*Чудо пресвятыя Богородицы о купцѣ...*» (два других списка Повести дают ей иные жанровые обозначения – «*Слово*» (К) и «*Повесть*» (Як.)

В списке Як., вторичность которого проявляется прежде всего в стиле повествования, характерном для вторичных вариантов мяндинских переделок, в которых обнаруживается соединение древнерусского текста и языка крестьянина-устыцилѣма XIX в., Мяндин снова обращается к тексту своего источника (какого-то списка, близкого списку К), но выбирает из него другие, чем в списке Т, фрагменты текста, при этом сохраняя и многие чтения списка Т. Но в списке Як., есть целые фрагменты другого, чем в К и Т, текста и многочисленные отдельные оригинальные чтения. Все эти чтения, внесенные в список Як. создают впечатление вторичности этого списка, в котором Мяндин пытался заново передать сюжет Повести более простым языком и с большими деталями.

Сопоставление двух вариантов созданной Мяндиным редакции «Повести о купце, обогатившемся утварию пресвятой Богородицы» выявляет сложную работу печорского книжника над текстом своих источников, которая проявилась в монтировании текста, соединении в нем лексики и фразеологии редактора с чужим текстом, в использовании на второй стадии работы как своего предшествующего списка, так и какого-то нам пока не известного списка, близкого к опубликованному Г. Кушелевым-Безбородко тексту XVII в.

Ниже мы публикуем два мяндинских варианта Повести, транслитерированные по правилам, принятым в издании ИРЛИ РАН «Библиотека литературы Древней Руси».

***Чудо пресвятыя Богородицы о купцѣ, како обнищавшу ему,
обогатися утварию пресвятыя Богородицы.***

Бѣ нѣкий купецъ христоролюбивъ и милостивъ к нищимъ. Куплю свою раздѣляше на три части: едину нищимъ и страннымъ, другую же на пищу дому своему, третью на куплю. Послѣди же обнища вельми, яко не имый у себѣ ни до пенязя, и входя в церковь пресвятыя Богородицы по всея дни, и о своихъ грѣсѣхъ, и о нищетѣ помышляя в сердце своем.

Бяше бо икона пресвятыя Богородицы украшена всякою утварию: златомъ и серебромъ, и каменiemъ драгимъ, и бисеромъ. Той же человекъ плачася вельми пред иконою и со многимъ сокрушением сердца рече: «О владычице моя пресвятая госпоже Богородице, помощница всѣмъ христяном, // (л. 331 об.) убогимъ

обогатительница, и мнѣ, грѣшном! Госпоже владычице, помози: даждь ми утварь свою, иже на иконѣ твоей имаши, да сотворю ею куплю и воздамъ ми (так!) сугубо, егда возвращуся». Сиче ему молющуся (!) часто ко святѣй Богородице со слезами. Пресвятая же Богородица услыша его плачь сердечный.

Нѣкогда пришедшу ему по обычаю своему, пред иконою поклонившуся с плачемъ и рыданиемъ. О чудо! Внезапу узрѣ: драгая та утварь лежаше пред иконою сама о себѣ. И абие поятъ ю с радостию и иде в домъ свой, славя святую Богородицу, помощницу печальнымъ. И оттолѣ начатъ куплю дѣяти, и отиде в го-збу, и той утварию сотвори все лѣто куплю дѣя, вкупѣ торгуя. И обрѣте богатства зѣло много // (л. 332). И по лѣтѣ возвратися в домъ свой со многимъ богатствомъ, славя святую Богородицу.

И по времени многомъ внидоша церковницы в церковь и не обрѣтоша утвари на иконы Богородицы. И начаша заповѣдывати по граду, кто есть взя утварь от иконы пресвятѣй Богородицы. Слышавъ же купецъ той, яко утварь ту испытуютъ по всему граду, и прииде в церковь, поклонися пред иконою пресвятыя Богородицы.

И начаша церковницы повѣдати ему, яко уже три дни погибе от иконы Богородицыны драгая утварь. Купецъ же слышавъ таковыя глаголы и дивися в себѣ, како чрезъ годищное время не бѣ онъ, а утварь та явися тогда, когда онъ уже возвратися в домъ свой. И тогда купецъ нача благодарити Бога и пречистую Богородицу // (л. 332 об.) и сказа сиче: «Егда азъ обнищавъ, тогда много моляхся с плачемъ по вся дни святѣй Богородицѣ, еже бы вдати мнѣ утварь с честныя ея иконы. И во единъ день внидохъ по обычаю и начяхъ молитися святѣй Богородицы, и обрѣтохъ утварь, лежащу саму о себѣ пред иконою ея. И пояхъ ю в домъ и творихъ чрезъ все годищное время – куплю дѣяхъ утварию святыя Богородицы и обогатихся. И се точию три дни возвратихся во свой градъ. И нынѣ вмѣсто одной той утвари вдаю вдвое». Се же слышавше церковницы, дивишася, яко чрезъ все годищное время невидима бысть икона без утвари и стоя, яко же и прежде.

Тогда купецъ оный украси утварию святыя Богородицы икону еще драгоцѣннѣе. И прочее дастъ церковникомъ и нищимъ. А самъ оттолѣ // (л. 333) обогатѣ молитвами пресвятыя владычицы нашея Богородицы и бысть зѣло милостивъ к нищимъ.

(НБ СыктГУ УЦ р. 46, л. 331–333)

***Повѣсть о нѣкомъ милостивѣмъ купцѣ,
како обнища и помощью пресвятыя Богородицы таки обогатѣ.***

Бѣ нѣкий купецъ в нѣкомъ градѣ, христоробивъ и многомилостивъ к нищимъ. Куплю разѣляше на три части: едину нищим, вторую на пищу себѣ, а третью на куплю. Послѣди же обнища вельми, яко не имый у себѣ ни до пенязя. И входя в церковь пресвятыя Богородицы по вся дни, и моляшеся со слезами о своихъ грѣсѣхъ, и о нищетѣ // (л. 71 об.) своей помышляше в сердцахъ своемъ день и ночь. Бѣ же ту икона пресвятыя Богородица, украшена всякою утварию: златомъ

и серебром, и каменiem драгим, и жемчюгом, и множеством других благолѣпнѣйших²¹ украшений. Онъ же всегда зряше на икону пречистыя Богородицы и моляшеся со многими слезами.

Единоу же пришед человекъ той в церковь и пад пре[д] иконоу пресвятыя Богородицы, и рече со многими слезами: «О, госпоже всемилостивая пречистая владычице, помощнице и заступница всѣмъ // (л. 72) христианом, убогимъ обогатительница, и нищим питательница, и мнѣ, грѣшному рабу твоему, помози, о госпоже, и дай же ми, владычице, утварь свою, иже на иконѣ твоей на потребу мою, да сотворю куплю, и егда возвращуся, воздам ти сугубо». Сице и во второй день моляшеся и, в прочий по обычаю. Всемилоствивая же небесная царица и госпожа пречистая Богородица услыша теплыя молитвы человека онаго сицевым образом.

Во единъ убо от дний пришедшу ему в церковь // (л. 72 об.) по обычаю и поклонися пред иконоу пресвятыя Богородица. О, чудо! И абие зреть утварь оную богатую, лежащу пред иконоу просту. Человекъ же онъ возрадовася радостию, паче же и недежею велиею объемя, возьмъ утварь оную и отиде. И пришедъ в гостьбу, и нача оную утварию куплю дѣяти, благодаря и славя пречистую Богородицу. И сотвори лѣто все, гостя и торгуя. И обрѣте богатства много зѣло. И по лѣтѣ возвратися в домъ свой со многим // (л. 73) богатством, славляше пресвятую Богородицу.

В то время внидоша по обычаю церковницы в церковь службу совершати, и не обрѣтоша утвари на иконѣ пресвятыя Богородицы. И начаша заповѣдывати по всему граду, кто есть украде оутварь оную. Сие слышавъ купецъ оный и прииде в церковь, и поклонися иконѣ пресвятыя владычицы нашаия Богородице. И вопроши о иконѣ и о оутвари оной. Церковницы же сказаша, яко три дни погибе утварь, // (л. 73 об.) и не вѣмы, кто оную взя.

Купецъ же повѣда имъ, глаголя, яко: «Азь прежде сего лѣта присно моляся пред иконоу пресвятыя Богородицы, егда бѣхъ в убожествѣ и послѣднѣй нищетѣ, и прося, еже дати ми утварь сию на куплю, и по возвращении вдати обѣщахся сугубо. Пречистая же Богородица не отрину мое убогое моление, ибо во единъ день пришедшу в церковь по обычаю и абие узрѣ утварь оную пред иконоу лежащу просту. И взя, и отиде в госбу и пребысть // (л. 74) лѣто все торгуя, и нынѣ придохъ со множеством богатства. И се, яко же обѣщахъ, даю сугубо». И абие украси икону пречистыя Богородицы благолѣпнѣе и чистнѣе прежняго. И прочие вдасть церкви и клиросу, и нищимъ. Самъ же оттолѣ обогатѣ молитвами пресвятыя Богородицы.

Се же слышавше вси, дивишася, како чрез годищное время не яви никому о погибшей утвари, но по возвращении из гозбы. Еи же молитвами вси избавимся от мук и царство примем.

(РНБ, НСРК, О.100. XIX в., л. 71–74)

---

²¹ В рукописи отиска длаголѣпнѣйших.

***

1. Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей. (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839–890.
2. Волкова Т. Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина. («Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой) // Университетские библиотеки: прошлое настоящее, будущее: материалы международной научно-практической конференции 8–11 декабря 2003 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб., 2003. С. 163–170.
3. Волкова Т. Ф. Роль лексических и фразеологических вариантов в установлении редакций древнерусских сочинений (на материале печорских списков «повести о купце, обогатившемся утварию пресвятой Богородицы») // Вестник Череповецкого государственного университета. Технические науки, филологические науки, педагогические науки. 2018. №5 (86). С. 51–62.
4. Волкова Т. Ф. Рукописные сборники печорского книжника И. С. Мяндина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8: Филология. С. 201–215.
5. Волкова Т. Ф. Усть-цилемский книжник И. С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия // Первые мяндинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции, с. Усть-Цильма. 12 июля 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 52–66
6. Легенда о купце // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860–1862. Вып. 1. С. 131–134
7. [Лихачев Д. С.] Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 525–536.
8. Лихачев Д. С. XVII век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М.: Наука, 1969. С. 99–328.
9. Малышев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность. (По материалам Пушкинского дома). Л., 1985. С. 323–337.
10. Черторицкая Т. В. Торжественник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. С. 432–435.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бешкарев Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

E-mail: beshi@mail.ru

Бруцкая Людмила Андреевна, к.и.н., доцент, научный консультант Верхнегородского детского центра народных ремёсел.

E-mail: l.bruckaya@gmail.com

Бубнов Николай Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки АН РАН.

E-mail: n.bubnov@list.ru

Бунчук Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

E-mail: tnbunchuk@mail.ru

Военушкина Екатерина Алексеевна, студент направления «Филология» (программа подготовки «Филология в профессиональных коммуникациях») Института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

E-mail: voenushkina.kat@yandex.ru

Волкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Ильина Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии, кафедра русской филологии Института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

E-mail: juli_il1@mail.ru

Костова Галина Атанасова, преподаватель кафедры русской филологии, кафедра русской филологии Института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

E-mail: gkostova@yandex.ru

Косырева Любовь Леонидовна, учитель русского языка и литературы МАОУ «СОШ № 36».

E-mail: kosyronok2013@mail.ru

Мелентьева Анна Алексеевна, студент 4 курса направления обучения «Реклама и связи с общественностью», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

E-mail: annu.joy@mail.ru

Пыстина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

E-mail: olga-pystina@yandex.ru

Рыжова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград.

E-mail: suprun@vspsu.ru

Шишкина Лидия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

E-mail: lidia_shishkina@mail.ru